Krasnyj Archiv
SEP 15 1932

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ СОРОК ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Испанская революция 1873—1874 гг. — К истории разгрома вооруженных сил Колчака. — Записки Н. М. Романова. — Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II. — П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание. — К истории эмиграции 1860-х гг.

ЦЕНТРАРХИВ
1931

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 г.
НА ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Ежемесячный орган Института экономики Коммунистической академии

Год издания 4-й

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

1. Теоретическая разработка проблем социалистической реконструкции народного хозяйства СССР и проблем 2-й пятилетки.
2. Теоретическое освещение проблем современной фазы империализма, мирового экономического кризиса и проблемы взаимоотношений СССР с капиталистическими странами.
3. Теоретическое разоблачение уклонов от ленинизма и генеральной линии партии.
4. Борьба против буржуазной идеологии в области экономики СССР и капиталистических стран.
5. Теоретическая разработка наименее разработанных сторон марксовой политэкономии.
6. Практическая помощь преподавателям вузов и комвузов путем освещения проблем методологии и методики преподавания экономических дисциплин.

Журнал рассчитан на экономистов, вузовцев, партактив.

Подписная цена:

на год (12 книг) . . .	12 руб.
на 6 мес.	6 руб.
цена отдельного номера	1 р. 25 к.

Подписка принимается во всех отделениях, магазинах и киосках Книготоргового объединения, его уполномоченными, на почте и письмоносцами

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ (СОРОК ДЕВЯТЫЙ)

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ»
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

*

Формат 72×110/16, 9¾ п. л.,
40 000 знак. в печ. л. Тир. 2 250 экз.
Партизд. № 2317. Заказ № 3893.
Уполномоч. Главлита. В-25342.

Испанская революция 1873—1874 гг.

В отношении современной революции в Испании является в известной мере «репетицией» революция, начавшаяся изгнанием Бурбонов (королевы Изабеллы), продолженная провозглашением испанской республики и борьбой за федеративное ее устройство, доведенная до высшей точки «кантональными» восстаниями и ликвидированная — во внешних политических проявлениях — реставрацией Бурбонов, при посредстве военного «пронунсиамиенто», в пользу сына Изабеллы, Альфонса XII, в начале января 1875 года.

На различных этапах этой революции все слои и группировки испанской буржуазии обнаружили полностью свою классовую сущность, прикрывавшуюся до революции и особенно в первый ее период непревзойденно-красноречивым пустословием. На всех этих этапах бакунистское руководство испанского пролетариата и крестьянства обнаружило с такой же полностью мелко-буржуазную подоплеку своей революционной стратегии и тактики, послужившую основой той постыдной роли, которая была сыграна им в 1873—1874 гг. на сцене, неизмеримо более широкой и благоприятной, чем та, на которой замкнута была, между Версалем и пруссаками, Парижская коммуна.

Изучение этих событий более полустолетней давности представляет для нас двоякий интерес, основанный на том, что, — как писал Энгельс, — «бакунисты в Испании дали нам превосходнейший образчик того, как не следует делать революцию»[1]).

Во-первых, именно теперь вспомнить уроки 1873—1874 гг. как нельзя более своевременно. Пользующиеся преобладающим организационным влиянием в рабочей среде анархо-синдикалисты являются прямыми последователями, учениками и преемниками бакунистов, «работавших» в Испании под флагом диссидентских секций I Интернационала, т. е. разлагавших политическую мощь испанского городского и сельского пролетариата с еще большим успехом, чем они разлагали I Интернационал [2]). Следовательно, основная опасность, угрожающая испанской революции и испанскому пролетариату, теперь та же, что и в 1873—1874 гг. Мы уже наблюдаем вновь замечательное явление, ознаменовавшее «бакунистскую работу» 70-х годов: Барселона, как цитадель пролетарской революции, в предреволюционное время громила буржуазный строй и буржуазную монархию сокрушительными политическими забастовками, достигавшими высоты подлинных

---

[1]) Цит. по русскому переводу. Фр. Энгельс, «Бакунисты за работой», изд. 1906 г., стр. 31.

[2]) Сами анархисты утверждают, что первый (бакунистский, конечно) Интернационал никогда не прекращал в Испании своего существования, ссылаясь, в частности, на рабочий съезд 1881 г. и «Федерацию рабочих испанской области». См. Адамов, Испания и Португалия, Гиз, 1925 г., стр. 27.

революционных взрывов и охватывавших весь каталонский промышленный район; пример — «красная неделя» 1909 г. Наступают решающие дни революции, и синдикалистское руководство как бы уводит с политической арены каталонский пролетариат, только что разгромивший вновь бурбонскую монархию. Совершенно так же, как полвека назад действуют республиканцы всех мастей и дат, занимают господствующую позицию современные федералисты (автономисты), отличающиеся от старых только гораздо более четкой классовой позицией, а «революционное» «рабочее» руководство маневрирует и плетется в хвосте самых сомнительных и темных махинаций, наиболее приемлемых» с его столь же темной точки зрения.

Во-вторых, испанский бакунизм представляет в широко развернутом «панорамном» масштабе политическую практику сфинкса, до конца разоблаченного нашей революцией, как синтез ультра-левойфразы и ультра-правого оппортунизма. Как Энгельс говорит, «бакунисты были вынуждены отказаться от выставленной ими программы, но «этот отказ от проповедывавшихся до тех пор принципов был сделан самым трусливым и лживым образом», так что «сами бакунисты и руководимые ими массы вступили в движение без всякой программы, в обще сами не зная, чего хотели. Какое же было естественное следствие этого? Или то,что бакунисты препятствеовали всякому движению, как это было в Барселоне; или же они вовлекались в разъединнные, лишенные плана, бессмысленные восстания; или же то, что руководство восстанием попадало в руки буржуазных «непримиримых», как это было в большинстве восставших городов. Ультра-революционные крики бакунистов превращались, таким образом, когда доходило до дела, или в увертки или в заранее обреченные на неудачу восстания, или же в присоединение к буржуазной партии, которая позорнейшим образом эксплоатировала рабочих в качестве политического орудия и давала им только пинки с высоты своего величия». А в итоге — хорошо организованная и количественно мощная испанская секция Интернационала была увлечена в бездну вместе с партией «непримиримых» федералистов-кантоналистов и скомпрометирована массой «вымышленных эксцессов, без которых филистеры всех стран не могут представить себе никакого рабочего восстания; благодаря всему этому, реорганизация испанского пролетариата в духе Интернационала сделалась невозможной, быть может, на много лет» [1]).

Для понимания весьма малоизвестных событий 1873—1874 гг., о которых повествуют публикуемые ниже дипломатические донесения рядового царского дипломата, представлявшего в ту эпоху российского самодержца в Испании, следует помнить, что маленькие Бисмарки всех национальностей в своих попытках анализа и освещения окружавшей их политической обстановки оставались на столь низких ступенях буржуазного филистерства, что реалистические концепции и тактика их недосягаемого учителя никогда не переставали приводить их в смятение и ужас. Для Кудрявского в ночь помрачения монархического принципа все кошки серы, и он как недьзя дальше от проведения таких различий, как хотя бы между буржуазными и пролетарскими элементами кантональных инсуррекций; он, видимо, не разобрался даже в основных делениях бур-

[1]) Там же, стр. 30—31.

жуазно-республиканских группировок: унитаристов-централистов и федералистов-кантоналистов, отражавших, — первая, — вожделения верхних и некоторых средних прослоек испанской буржуазии (интеллигенции, чиновников), и вторая — мелкой буржуазии, включая ремесленный полупролетариат и менее обеспеченную часть интеллигенции.

Тем не менее, если бы даже история испанской революции 1868—1874 гг. была известна у нас в объеме «исследований» испанской и европейской исторической литературы, то и тогда архивное наследие русских дипломатических чиновников, наблюдателей этой революции, почти ничего не потерядо бы в новизне и свежести сообщаемых сведений. Донесения их характеризуют международную обстановку испанской революции с такой полнотой, о какой не даст представления вся существующая историческая литература и, сверх того, приоткрывают чувствительно завесу над закулисной, подлинной, — следовательно, обойденной буржуазной историографией, — историей реставрации Бурбонов, контрреволюционными махинациями отцов и блюстителей испанской республики и революции и до некоторой степени над интервенционистскими фокусами европейской дипломатии.

Тайный советник Кудрявский, конечно, не очень углубляется в эту «материю», хотя «творец», так сказать, реалистической школы русской дипломатии, объявивший войну так наз. «политике принципов», незадачливый соперник Бисмарка, кн. Горчаков, призывал своего подчиненного приложить особые усилия для уразумения сложного механизма заключительной фазы испанской революции или, вернее, контрреволюции. Происходившая классовая борьба его интересовала лишь в итоговых, верхушечных своих отражениях, от которых внимание его могли отвлечь только «ужасы революции» и недостаточная свирепость контрреволюции в моменты массовых вооруженных столкновений. Гораздо добросовестнее, чем это делают историки, отмечая интервенционистские поползновения европейской и американской дипломатии (в частности постановку вопроса о Кубе Соед. Штатами в эту эпоху), превосходительный летописец отделывается и по этой части казенными формулировками, тогда как борьба мирового банковского капитала за создание капиталистических монополий на испанской территории уже в ту эпоху была неразрывно и глубочайшим образом связана со всей системой внутренней и внешней политики Испании.

В этом смысле необходимо отметить хотя бы процесс создания ротшильдовской ртутной монополии, базировавшейся на отмечавшемся Марксом «завоевании» Ротшильдами кичливой габсбургской империи (в данном случае — именно ртутных месторождений) и преданной со времен изгнания евреев традиционному, вечному проклятию и бойкоту еврейской церковью родине инквизиционных костров и «католических королей». Абсолютная монархия там и здесь в силу своего «основного принципа», формулированного Марксом [1]), «опиралась на два класса: феодальных землевладельцев и крупных финансистов», лавируя с большим или меньшим успехом между ними. Разница была в том, что Австрия имела своих, венских Ротшильдов, а испанский абсолютизм подзал на брюхе перед иностранными еврейскими банкирами, т. е. Ротшильдами парижскими и лондонскими.

[1]) Маркс и Энгельс, Сочинения, т. VI, ч. I, стр. 38.

Пресловутое «единство», осуществленное сначала изгнанием мавров и евреев, а впоследствии, в XIX веке, восстановлением инквизиции погромным абсолютизмом Фердинанда VII [1]), после его смерти не помешало наступлению эры гражданских войн, политически связанных с борьбою за престол двух бурбонских линий. В средине 30-х годов XIX века мадридское правительство на войну с карлистами, полицейскую свою самозащиту и подкуп своих сторонников задолжало (всего лишь с 1823 г.) уже 3 миллиарда реалов. Обе стороны, конечно, добивались денежной помощи у Ротшильдов и в Лондоне и в Париже. Лондонский Ротшильд сделал выбор в пользу так наз. «либералов», т. е. мадридского правительства с регентшей Марией-Христиной во главе, которое одно могло обеспечить ему обладание альмаденскими ртутными рудниками [2]), в добавление к австрийским, уже находившимся в руках ротшильдовского дома. Заокеанская ртуть в то время не играла никакой роли на рынке, и поддержка «либеральных принципов» гарантировала, следовательно, выгоднейшую промышленно-спекулятивную монополию. К активному участию во всех перипетиях этой сделки привлечена была английская дипломатия. Золотой дождь посыпался в карманы мадридской правящей клики: министр финансов в общем получил 1 300 000 франков; ангелоподобная регентша, по донесению австрийского дипломата, — $^1/_2$ миллиона франков; испанская казна получила заем в 15 миллионов. Расчеты «великого» Натана Ротшильда оправдались: получаемую по цене 55 пиастров за центнер ртуть он сбывал на лондонском рынке по цене 80 за центнер. Австрийская дипломатия объединилась с французской в поддержке противного лагеря, и Ротшильды в Вене и в Париже имели вскоре удовольствие принять участие в субсидировании карлистской армии «Св. девы», обещавшей восстановление инквизиции, так как лондонскому их собрату пришлось вступить в борьбу за ртуть с взбунтовавшимися мадридскими либералами, пытавшимися сорвать сделку, оказавшуюся слишком выгодной для одной стороны и лишь раздразнившую аппетиты другой. Общими силами проведена была игра на понижение испанских бумаг, и доведенное до банкротства мадридское правительство капитулировало; вместо позволившего себе шантажировать своих покупателей Торено, министром финансов назначен был, по определению консервативного герцога Веллингтона, ротшильдовский приказчик, знаменитый в анналах испанского либерализма Мендисабал... [3]).

Однако одновременно с дальнейшим внедрением английского капитала в горную промышленность Испании с неменьшей энергией распространял свои интересы в этой стране французский капитал: Испания в качестве сферы экспорта французского капитала стояла на втором месте (тотчас же вслед за Россией) еще в 1902 г. [4]). Довоенные французские инвестирования в испанской промышленности оцениваются в 4 миллиарда франков [5]). «Можно сказать, — говорит наиболее серьезный из европейских авторов, специально

[1]) Называвшего себя «пробкой, которой закупорена испанская революция».
[2]) В XVI веке эти рудники принадлежали знаменитому дому Фуггеров.
[3]) E. C. Conti, Das Haus Rotschild in der Zeit seiner Blüte (II), S. 130 и след.
[4]) В. Зомбарт, Современный капитализм, т. III, ч. 1, стр. 510.
[5]) Моультон и Льюис. Финансы и экономика современной Франции, стр. 232.

занимавшихся экономикой и политикой современной Испании, — что втечение более чем двух столетий Пиренейский полуостров был ареной борьбы дипломатии и вооруженных сил Франции и Англии» [1]). Французские и английские интересы «инвестировались» в испанской внутренней политике, в которой покупалось и разлагалось все: партии, правительства, национальные движения, диктатуры, революции и контрреволюции. В результате — говоря словами Габриэля Мауры — со времен Трафальгара (1805) Испания собственной внешней политики не имела. Вполне понятно, что ближайшие политические и экономические интересы Франции всегда были связаны с Испанией. Между тем с 1808 г. до 1832 г. Франция непрерывно теряла свои позиции во внешней торговле Испании и при «либеральных» партнерах Натана Ротшильда в Мадриде Англия заняла господствующее место, принадлежавшее раньше Франции, сосредоточив в своих руках более половины внешнеторговых оборотов полуострова! Лишь в 1863 г. Франция завладела вновь третью этих оборотов со 190 миллионами песет ввоза из Франции в Испанию против 132 миллионов английского ввоза. (В 1875 г. на полуострове числилось всего-на-всего 8—10 германских коммивояжеров; германский ввоз в Испанию не превышал $1^1/_2$ миллиона песет и лишь в период 1892—1911 гг. Германия поднимает свой ввоз с 23 до 126 миллионов, тогда как французский ввоз падает с 231 до 164 миллионов, а английский с 194 миллионов до 168 миллионов)[2]).

Сентябрьская революция и реставрация знаменуют собою новое обострение этой борьбы, осложненной вмешательством третьего соперника — бисмарковской Пруссии. Испанские дела становятся в центре европейских интересов. После франкфуртского мира возникает перспектива вооруженной французской интервенции, за приличное, разумеется, вознаграждение: никто другой, как испанская буржуазия, изнывающая в патриотических страданиях за переживаемый славным ее отечеством «позор» революции, вопит в своих газетах в 1873—1874 гг. о том, что не жаль заплатить Франции за наведение порядка в дорогом отечестве уступкой версальским героям — в возмещение потери Эльзаса и Лотарингии — Каталонии, Аррагона, Наварры и Бискайи, с перенесением границы с Пиринеев на Эбро. Но Соединенные Штаты круто ставят на очередь вопрос об испанских Антиллах, о Кубе. Англия и Германия создают конфликты.

Вполне было очевидно, что французская «помощь» явится сигналом для дележа испанского наследства. Аналогия с положением Турции — полная; претенденты ревниво следят друг за другом, и малейшая активность со стороны одного из них поднимает на ноги всех остальных. Отмежевываясь от европейских конкурентов, Соед. Штаты пытаются выступить в роли покровителей и союзников испанской республики против внешней и внутренней реакции; цена покровительства и союза — Куба. Англия принимает на себя заботы о воспитании будущего Альфонса XII и о возвращении ему короны. После разгона «суверенных» кортесов генералом Павиа и установления промежуточной диктатуры марша-

[1]) A. Marvaud, L'Espagne au XX siecle, p. 394.

[2]) G. Maura, Die Lage d. auswärtigen spanishen Politik, Deutsche Revue, 1907.

ла Серрано (3 янв. 1874 г.) попечение об этой новой форме монархии без монархического титула, или республики без всяких признаков республиканского правительства, принял на себя Бисмарк, нисколько не расположенный открывать Франции дорогу к территориальным компенсациям на европейском континенте. В то время как версальская республика без стеснения вела интригу с Дон-Карлосом и его абсолютистскими приспешниками, германская империя очутилась на страже гибридной испанской республики и невмешательства в ее дела. По инициативе Бисмарка, все европейские правительства (за исключением России) признали правительство Серрано. Но и в Англии были недовольны этим признанием: была недовольна сама королева Виктория (и значит, близкие ей торийские круги), был недоволен и деятельный, многообещающий принц-наследник будущий Эдуард VII (а, значит, и близкий ему ротшильдовский «кружок»). Но реванш был близок: воспитанник Sandhurst'овского военного училища, не покидая гостеприимных стен этого учреждения, подписал манифест о принятии им испанской короны [1]).

В уверенности, что читатель публикуемых здесь нами документов освежит в своей памяти «Записку о восстании в Испании летом 1873 г.» Энгельса, мы дополним, в заключение, лишь некоторыми неотмеченными Энгельсом фактами те «хронологические данные», которые даны Энгельсом в краткой вводной части его «Записки».

После отречения Амедея («первый король-забастовщик», по выражению Энгельса) от престола 9 февраля 1873 г. надежды контрреволюционных группировок сконцентрировались на наиболее заметной политической фигуре — маршала Серрано, одного из трех «героев» (того же типа, что Алкала Заморра в наши дни) сентябрьской революции. По настоянию Серрано, временное правительство конституируется (с Сорильей во главе) без провозглашения республики. Генерал Сикльс, экспансивный представитель Соед. Штатов, уже в этот момент заявляет себя и свое правительство верным другом будущей испанской республики, предлагая политические и финансовые услуги на почве сделки об острове Кубе. Армия в состоянии полного разложения, финансы — тоже. Правительство Тьера под рукой поддерживает готовящегося к открытию действий главнокомандующего армией «Святой девы» дон Карлоса. «Сверхъестественное» красноречие Э. Кастеляра направлено пока еще против «врагов прогресса». Но когда оно ставит себе задачей удовлетворить антильских негров и Соед. Штаты проектом освобождения негров «сверху», с выкупной операцией и крепостными обязательствами, свободолюбивые рабовладельцы в кортесах проваливают «великого национального оратора» (март 1873).

В апреле газеты обсуждают условия и благодетельные последствия французской интервенции. Временное правительство заключает с Серрано пакт по вопросу о восстановлении дисциплины в армии; Серрано заявляет от лица всех «консервативных элементов», что они устраняются от участия в выборах в учредительное собрание. Конфликт правительства с постоянной парламентской комиссией вызывает пробную мобилизацию вооруженных сил правительства.

---

[1]) S. Lee, King Edward VII, vol. I, стр. 410.

В начале мая выборы в учредительное собрание закончены и обнаружена подавляющая победа федералистов. Из 400 депутатов всего 5 консерваторов (монархистов), 16 радикалов, 1 республиканец-унитарист.

В Барселоне рабочие установили явочным порядком минимум зарплаты. Накануне созыва учредилки пускается в обращение, а затем остается без дальнейшего внимания идея «революционного конгресса» в Каликсе.

В начале июня открываются учредительные кортесы. 11-го образует новый кабинет Пи-и-Маргалль, о котором Энгельс говорит: «средч всех официальных республиканцев Пи был единственный социалист, сознавший, что республика должна опираться на рабочих». Он представил «программу социальных мероприятий», которые «могли бы послужить исходным пунктом социального переворота», но бакунисты «были готовы скорее поддержать самого нелепого мошенника из непримиримых, чем какого-либо министра». Пи выходит в отставку, взоры всех обращаются на Фигуероса, главу, вождя, государственного гения, спасителя государства, собственности и религии! Однако Фигуерос обнаруживает, действительно, недюжинный политический смысл и ночью удирает из Мадрида и из Испании, не предупреждая об этом из осторожности самых близких своих единомышленников. Программой правительства остается демократическая федеративная (кантональная) республика, удовлетворение «справедливых требований четвертого сословия», борьба с карлистами, упорядочение финансов и т. д.

20 (8) июня 1873 г. Кудрявский, чтобы дать представление в Петербурге о том, до чего дошла Испания, сообщает, что в одной из церквей Барселоны солдаты и рабочие устроили... бал с музыкой и танцами. Между тем, в Картахене в это время жандармерия разоружена, в Малаге и Гренаде войска сдали рабочим и крестьянам оружие.

В июле принимается закон об осадном положении, вводимом по усмотрению правительства. «Непримиримые» завладели оружием и властью в Севилье, образовав с бакунистами местное кантональное правительство. Депутат-монархист Кольянтес в сенсационной речи предрекает близкую гибель «анархической республике», от которой Европа отгородилась «санитарным кордоном». На эту речь Кастеляр отвечает потоком красноречия, заявляя, что «республика будет федеральной или ее совсем не будет», а в то же время призывая республику к единению с генералами королевской армии, к защите колоний в первую очередь, к восстановлению дисциплины, порядка и т. д.

В середине июля (н. ст.) — выход 50 «непримиримых» из состава учредительного собрания ввиду его неспособности организовать революцию, восстания и образование кантональных правительств в Малаге, Алкое, Картахене.

В Биаррице организуется альфонсистский центр монархической эмиграции. Карлисты преуспевают; ими обложены Памплелуна и Сарагосса; 19 июля Пи отказывается от власти, которую учредительное собрание передает Н. Сальмерону. Дон-Карлос с родственниками обоего пола (дамы-любительницы, в роли амазонок, участницы погромов) появляется, с благословения французских властей, на испанской территории для руководства осадой Памплелуны и походом на Бильбао.

Новый кабинет декретирует «батальоны нотаблей» (т. е. из офицеров), увеличивает численность жандармерии (до 30 тыс. человек), лишает чинов мятежных генералов в Картахене, объявляет «пиратами» восставшие картахенские военные суда.

Красноречие Кастеляра направляется решительно против левой опасности. В одной из самых патетических речей своих он открывает «исторический закон», в силу которого «демократы» способны лишь начинать «дело свободы», продолжать же и завершать его должны люди «порядка»: так начинали борьбу за свободу Кошуты, Маццини, германские демократы и французские революционеры 1848 г., а осуществляли их планы Кавуры, Бисмарки, Тьеры и т. д.

Между учредительным собранием и правительством идет своеобразная борьба: правительство требует призыва запасных для отражения нашествия карлистов; собрание отказывает ему, требуя от него использования всех сил против «красных», т. е. кантональных правительств, так что Кастеляр кончает обвинением учредительного собрания в прямой поддержке погромных карлистских банд. К этому присоединилось недовольство «республиканских» генералов, требовавших полюбовного сговора с карлистами и решительного истребления «коммунистов», тогда как учредительное собрание опасалось, не без основания, оттолкнуть от себя зверскими репрессиями единственные элементы, от которых оно могло ждать помощи в борьбе против карлистских черных сотен.

В августе Сальмерон, отказавшийся подписать смертные приговоры, уступает место «великому оратору революции» Кастеляру. «Непримиримые», вышедшие из состава учредительного собрания, объявили об обратном своем вхождении в него. Революционное кантональное правительство — в Валенсии. В Картахене блокада, установленная адмиралом Лобо, прорвана инсургентами. Кастеляр ставит условием принятия им власти предоставление ему диктаторских полномочий.

В сентябре он образует «правительство порядка и твердой власти» с программой беспощадной борьбы против «красной» и «белой» демагогии.

Известие об этом повлекло за собой возвращение в Мадрид из провинции и частью из заграницы всех видных монархистских вожаков. Прибыл в Мадрид и Серрано. С этого дня Мадрид, как доносил Кудрявский, находился в непрерывном ожидании «великих событий». Отношения с Францией из-за поддержки ею карлистов крайне натянуты. С Англией возникает конфликт из-за конфискации корабля с военной контрабандой (см. об этом в печатаемых ниже донесениях Кудрявского), и на основании этого ламаншский и средиземноморский флоты Англии концентрируются у берегов Испании. Кастеляру на правах «временной диктатуры» предоставлены деньги, солдаты, право применять по своему усмотрению законы, осадное положение, смертную казнь, приостанавливать по своему произволу конституционные гарантии. Кастеляр начинает однако с вопроса «престижа», а именно — о возвращении фрегатов, угнанных англичанами в Гибралтар, нужных, впрочем, и по практическим соображениям: для борьбы с Картахеной. «Великий оратор» прибегает однако не к магической (как говорили) силе своего красноречия, а к заступничеству Ротшильда (депеша Кудрявского № 65 от 21 (9) сентября 1873 г.). Сообща оба «великих человека», Эмилио и Натан, представляют дело так, будто картахенцы вступили в переговоры о совместных дей-

ствиях с протеже французской олигархии, дон-Карлосом. Эта же выдумка была сообщена в Берлин. В то же время хитроумный диктатор принялся соблазнять картахенцев перспективой амнистии и уговорами сообща бороться против карлистов, а также позаботился отложить сессию учредительных корсесов и провозглашение федеративной конституции до января 1874 г. Вопрос о захваченных фрегатах разрешился тем, что мадридское правительство вернуло конфискованный английский корабль и получило оба гибралтарских фрегата, что сделало действительной «волчью» (el lobo значит «волк») блокаду Картахены.

В середине сентября Кастеляр объявил всю Испанию на осадном положении, восстановил военный кодекс времен монархии, вернул в артиллерию 700 офицеров — бурбонских преторианцев, вызвавших «забастовку» Амедея, ввел систему троекратных предупреждений с последующим закрытием для газет, вошел в теснейшую связь с монархическими генералами и, наконец, предложил маршалу Серрано главное командование армиями, действовавшими против карлистов. Серрано ответил, что он — не республиканец, но не видит пока еще путей к восстановлению монархии, что власть, организуемая новыми кастеляровскими методами, может вполне рассчитывать на его сочувствие и поддержку, что первая задача — усмирить Картахену (в Андалузии генерал Павиа в две недели ликвидировал «социальную революцию» бакунистов в блоке с «непримиримыми»), а затем — приняться за карлистов. На это «великий оратор революции» отвечал, в свою очередь, что пока он еще считает себя обязанным защищать федеративную республику, но если позже он убедится, что страна не хочет этой формы правления, то он откажется от федералистской идеи и останется при «чистой» республике. Рассказывая об этой беседе Кудрявскому (депеша № 67 от 30 (18) сентября 1873 г.), Серрано, подтвердил, что он уверен в предстоящем воцарении Альфонса Бурбона, однако пока еще «этот режим не созрел, и момент его водворения отодвинут на несколько лет; дело же дон-Карлоса совершенно безнадежно». Из этого Кудрявский вывел небезосновательное заключение, что план Серрано таков: согласиться принять командование, когда армия будет приведена в боеспособное состояние, одержать несколько побед над карлистами и затем принять регентство или президентство в республике.

В конце сентября наш наблюдатель (депеша № 69 от 31 (19) сентября) констатирует уже всеобщее разочарование в Кастеляре. Его новые друзья, жаждущие подвигов по службе генералы, находят, что он никуда не годится, лишен энергии и истинного понимания военных дел и душ... В подтверждение своих суждений они могли ссылаться на вылазки картахенской эскадры сквозь блокаду, бомбардировку ею Аликанте, экспедицию ее в Валенсию, тогда как карлисты обложили Бильбао и подбирались к окрестностям Валенсии и самого Мадрида.

Между тем республиканская диктатура Кастеляра ознаменовалась не одними подвигами генерала Павиа в Андалузии. В ноябре начались решительные действия против Картахены. «Бомбардировка,—писал Кудрявский в депеше № 73 от 1 декабря (19 ноября) 1873 г., — продолжается уже целую неделю и не имела до сих пор других последствий, кроме разрушения значительной части города Картахены, не затронув ни в малейшей степени ни форты, ни военные суда, стоящие в порту, откуда они деятельно помогают

защите крепости». В новом собеседовании с республиканским диктатором Серрано сказал весьма поощрительно, что, если бы он имел в своем распоряжении 100 000 солдат, то он пальцем не пошевелил бы, чтобы затруднить как-либо положение кастеляровского правительства, но если к январю, т.-е. к открытию сессии кортесов, налицо окажется опасность возвращения к власти Пи-и-Маргалля, то с 15—20 тысячами человек он, Серрано, ликвидирует эту опасность (депеша № 75 от 26 (14) декабря).

Мы полагаем, что дополнения эти, основанные на непубликуемых по недостатку места донесениях Кудрявского, облегчат чтение печатаемых документов. Что касается линии, принятой царской дипломатией в отношении испанской республики и реставрации, то относительно ее нелишне, быть может, добавить, что в одной из более ранних резолюций своих Александр II твердо отозвался, что испанские дела совершенно безразличны для него. В противоречии с этим стоит как будто ядовитое замечание его о том, что скажет «друг наш Бисмарк» по поводу воцарения Альфонса, но и оно свидетельствует, что в глазах Александра II пикантность желанному с точки зрения монархических принципов обороту испанских дел придавалась не столько торжеством «порядка» над «революционной смутой, сколько расстройством хоть каких-нибудь планов всемогущего Бисмарка. Планы эти, по определению Кудрявского в частном письме к Вестману от 7 сентября (26 августа) 1873 г., сводились к тому, чтобы до совершеннолетия Альфонса (женатого на дочери германского принца), которого Бисмарк основательно, как показали события, считал будущим «доброжелателем» Германии (которая одна могла дать и дала ему точку опоры против и Англии, и Франции),— поддерживать «республику» с правительством Серрано и, ни в каком случае не допускать торжества дон-Карлоса, предприятие которого находилось в теснейшей связи с орлеанистскими кругами, игравшими во внешней политике тогдашних французских правительств роль весьма заметную. Предотвратить союз Испании с Францией было очевидной заботой бисмарковской дипломатии, а победа орлеанистско-карлистской партии означала бы решительный шаг по пути к этому союзу. Забота царской дипломатии о повышении цены ее дружбы в Берлине и видимое старание Бисмарка продлить существование псевдо-республиканского правительства Серрано возбудили у Александра II невинно-злорадное удовлетворение при мысли, что Бисмарка постигла неудача в его европейских комбинациях и что упорное непризнание Россией правительства Серрано, вопреки стараниям берлинской дипломатии, превратило реставрацию Бурбонов в некоторое подобие дипломатической победы царского правительства [1]).

Е. Адамов.

Сообщение испанского посольства в Петербурге росс. министерству иностранных дел.

23 (11) июля 1873 г.

Испанское правительство объявило путем опубликования в правительственном органе экипажи восставших в Картахене фрега-

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, фонд мин. иностр. дел.

тов «Almanza», «Vittoria», «Mendez-Nunez» и парохода «Fernando Catolico» пиратами и предоставило военным судам иностранных держав право захватить их и судить, как пиратов, даже в водах, подлежащих испанской юрисдикции.

Сообщение генерал-лейтенанта Контрерас росс. вице-консулу в Картахене [1]).

23 (11) и ю л я 1873 г.

После того как учредительные кортесы объявили окончательной формой правления Испании федеративную республику, народ ожидал в самом ближайшем времени осуществления торжественно данного обещания, в виде вознаграждения за перенесенные им тревоги и труды. Те испанские провинции, в которых всегда сильнее, чем в других господствовал дух свободолюбия, видя, что за истекшие полтора месяца кортесы не проявили ни малейшего намерения немедленно учредить кантоны, сами провозгласили себя таковыми, отнюдь не отказываясь при этом признавать власть учредительных кортесов.

Одна из этих провинций, именно Мурсия, объявив себя кантоном, объединила силы флота и части армии и готовилась с их помощью содействовать подобному же движению во всех других провинциях. В этот момент ее поразил декрет центрального правительства, объявляющий пиратами моряков, вставших на сторону народа, и призывающий помощь иностранных держав для того, чтобы воспрепятствовать народу самому осуществить торжественно провозглашенный конституционный декрет о кантональной федерации.

Собрания (хунты) кантона Мурсии не могут поверить, что дружественные Испании державы вмешаются в вопрос, не разрешенный пока между двумя политическими группами, которые не объявили еще друг друга врагами. Эти же хунты не могут допустить, что морские силы великих народов питают намерение предстать в качестве посредников в споре, влекущем за собой важные для будущего последствия, в то время, как те же народы отнюдь не вмешивались прежде в другие гражданские войны, имевшие гибельные результаты и длившиеся весьма долго.

В нашем положении необходимо изложить основные факты теперешнего движения, не с целью дать удовлетворение иностранным державам, но для ниспровержения тех оснований, опираясь на которые, военные силы дружественных держав пожелали бы вмешаться в наши дела.

---

[1]) Переслано Кудрявским при депеше № 48 во французском переводе.

Кантон Мурсии, как и все другие в Испании, поддерживается и узаконяется в своей позиции шестьюдесятью представителями страны в учредительных кортесах. Там, где верховенство народа представлено 358 выбранными им депутатами, позиция наших кантонов не может, конечно, рассматриваться как тяжкое преступление, когда пятая часть представителей народа оправдывает наши действия.

В кантоне Мурсии имеется 6 депутатов учредительного собрания, которые своим присутствием легализируют все, что в нем совершается. В соседнем кантоне Валенсии имеется 5 депутатов, утвердивших порядок вещей, основанный на конституционном соглашении о федеративном устройстве. Они все вместе сделали, как в Мадриде, так и в провинциях, заявление в пользу немедленного учреждения кантонов и намерены поддерживать нас при всех обстоятельствах.

Если поэтому простой вопрос о происхождении полномочий разъединяет кантональные и установленные кортесами власти, то это основание недостаточно для того, чтобы вызывать национальную войну во всей провинции и воскрешать воспоминание о мужественной борьбе, которая велась в 1808 г. за нашу независимость.

Кантональные власти объявили правительство Мадрида «предателями» за его декрет об иностранном вмешательстве.

Испанскую федерацию поддерживают крепости Картахена и Кадикс, крупные города — Севилья, Валенсия, Аликанте, Хаен, Гренада и большое число других местностей. Уже вследствие этого мы имеем право требовать, чтобы наши действия уважались.

С другой стороны, кантональные власти вполне уверены, что иностранцы, проживающие в их округах, не испытают никаких затруднений, и они дают обязательство в этом на будущее, так как происходящее сейчас движение, проводимое очень осмотрительно, не вызвало никаких потрясений или пролития крови, что представляет пример благоразумия и здравого смысла, не имеющий себе равного.

Кантоны опираются как на свое право требовать осуществления конституционного декрета, так и на справедливость, потому что кантоны — дело того самого народа, который поддерживал правительство, созвавшее кортесы, и, наконец, кантоны считают, что они имеют очень веские основания требовать уважения и внимания к себе со стороны иностранных держав, вследствие величия того дела, которое они пред приняли, порядка, с котором они его проводят, и легкости, с которой все кантональные власти продолжают осуществлять полноту своих полномочий.

Основываясь на этих соображениях, нижеподписавшийся фельдмаршал испанской федеративной республики, главнокомандующий ее армии и флота, законно уполномоченный ее временной верховной

властью на объяснения с представителями иностранных держав, просит их приостановить все те действия, к которым их призывает декрет мадридского правительства от 21 числа текущего месяца, и оказывать властям, установленным в кантонах испанской федерации, обычное уважение.

Федеральная армия. Кантон Мурсия.

Жан[1]) Контрерас.

Посланник в Мадриде Кудрявский [2]) вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 50.

5 августа (24 июля) 1873 г.

Г. управляющий.

Командиры германских и английских военных судов, крейсирующих вдоль испанских берегов, получили от своих правительств приказ ограничиваться защитой интересов своих сограждан, но не терпеть никаких пиратских действий со стороны испанских судов, восставших в Картахене.

Между тем, фрегаты «Almanza» и «Vittoria», оставившие указанный порт 28 (16) июля, обстреляли незащищенный город Альмерию, взяв за точку прицела дом прусского консула, над которым развевался германский флаг. Оттуда оба эти фрегата, имея на борту генерала Контрерас, направились к Малаге, вероятно, также с целью грабежа и вымогательства.

В предвидении этого, капитан Вернер, командир «Фридриха-Карла», поддержанный одним английским и одним французским военным судном, вступил в переговоры с генералом Контрерас и заявил ему, что он конфискует указанные фрегаты, если они не вернутся немедленно в Картахенский порт, с обязательством более его не покидать.

Действительно, военные суда трех названных держав эскортировали испанские фрегаты в Картахену, и капитан Вернер взял на борт «Фридриха-Карла» генерала Контрерас и весь его штаб в залог доброго поведения восставших морских сил Испании.

Во время этого происшествия фрегат «Villa de Madrid» покинул порт Барселоны и прошел под испанским флагом мимо Гибралтара направляясь к Кадиксу, который охвачен восстанием. При прибли-

---

[1]) Вместо «Хуан».

[2]) По официальным справочникам росс. мин-ства иностр. дел за 1873 и 1874 гг. Кудрявский «envoyé extraordinaire et le ministre plénipotenciaire», хотя испанское правительство не пользовалось признанием de jure царского правительства.

жении к этому порту, указанный фрегат поднял красный флаг и присоединился к восставшим, осаждавшим в это время арсенал, в котором заперлись оставшиеся верными морские части.

Узнав об этом вероломном поступке, генерал Сикльс, посланник Соединенных Штатов в Мадриде, запросил правительство испанской республики, возражает ли оно против того, чтобы американский фрегат «Shenondoah» вошел в Кадикс и вывел оттуда силой «Villa de Madrid». Глава правительства ответил, что с его стороны нет к этому препятствий. Однако генерал Сикльс предпочел, по зрелом размышлении, ввести «Shenondoah» в Кадикс и поставить его рядом с «Villa de Madrid», заявив последнему, что если он даст хотя бы один выстрел по Кадиксу, то будет пущен ко дну американским судном.

Тем временем генерал Павиа, которому удалось отобрать у коммунистов Севилью, идет на Кадикс для освобождения этого приморского города от власти мятежников. В то же время есть надежда, что генералу Мартинес Кампос [1]) удастся вернуть город Валенсию под власть центрального правительства. У последнего нет никаких средств принудить к повиновению то фактическое правительство, которое установилось в Мурсии, вследствие предательства генерала Контрерас.

Из изложенного ваше превосходительство можете судить о трудностях, которые партия красных в учредительном собрании создала правительству. Вынужденное проводить множество репрессий, оно не имеет никакой возможности оказывать карлистам то противодействие, которого требуют их успехи.

Испытывая такое замешательство, мадридское правительство вернуло из Соединенных Штатов и из Гаванны стоявшие там военные суда. Оно надеется, что сумеет благодаря этому через некоторое время само охранять свои берега. В то же время оно призвало на действительную службу войсковые резервы; если до их сформирования крамольникам не удастся достигнуть более решительных успехов, то правительство маршала Сальмерона [2]) рассчитывает остаться хозяином положения.

Так как захват генерала Контрерас и его задержание на борту «Фридриха-Карла» произошли на виду у английского военного судна и при его содействии, то британский поверенный в делах запросил лондонский кабинет, согласится ли он, в случае, если правительство республики этого пожелает, чтобы генерал Контрерас был ему выдан. Лорд Гренвиль ответил по телеграфу, что он отнюдь не желает прямой или косвенной выдачи Контрераса.

---

[1]) Будущий «герой» военного переворота в пользу реставрации Бурбонов.

[2]) Сальмерон маршалом не был.

В этом деле английское правительство проявило свое глубокое знание испанского характера: у мадридского правительства никогда не хватило бы мужества подвергнуть генерала Контрерас тому суровому наказанию, которое его предательство несомненно заслужило, и сверх того, как только этот вождь партии красных освободился бы из рук капитана Вернера, он тотчас же вернулся бы в состав учредительного собрания и нашел бы там защитников, которые потребовали бы и добились бы его полного оправдания.

Кудрявский.

P. S. Когда я закончил свое донесение, было получено сообщение, что в Кадиксе красные демагоги были вынуждены сдаться, и что город находится в руках правительства. Остается еще освободить Валенсию и Картахену от коммунистической смуты, после чего на всем юге Испании будет восстановлено спокойствие и повиновение.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 51.

8 августа (27 июля) 1873 г.

Г. управляющий.

Российскому вице-консулу в Картахене, г. Рикардо Спотторно, сыну прусского консула в том же порту, было поручено отвезти в Мадрид донесения капитана Вернера о захвате двух испанских фрегатов, «Almanza» и «Vittoria», и о задержании генерала Контрерас, который поднял на них свой флаг. Имею честь передать императорскому кабинету рассказ нашего вице-консула об обстоятельствах, в которых произошел этот захват.

28 (16) июля генерал Контрерас запросил германского консула в Картахене, позволит ли «Фридрих-Карл» выйти ему из порта. Он получил ответ, что капитан Вернер не намерен чинить ему препятствий при том условии, что генерал Контрерас формально обяжется в случае открытия с его стороны военных действий против каких-либо местностей, расположенных на берегу, предупредить об этом предварительно за 36 часов, чтобы иностранные подданные имели возможность принять меры к охране своих интересов от угрожающей им опасности. Генерал Контрерас формально согласился на это условие. Несмотря на свое обещание, капитан Вернер отправился вслед за ним и видел, как испанские фрегаты вошли в Альмерию, в то время как он сам продолжал путь к Малаге. Там командир «Фридрих-Карла» узнал на следующий день, что город Альмерия был обстрелян без предвари-

тельного предупреждения [1]), и что одной из первых жертв этого вероломства сделался дом прусского консула.

Вскоре затем те же фрегаты появились в Малаге. Капитан Вернер уже обсудил их проступок и выходящее из ряда вон нарушение слова с находившимся в Малаге английским капитаном. Оказалось, что последний снабжен еще более категорическими инструкциями, чем данные германским адмиралтейством, воспрепятствовать всякому пиратству. В Малаге находилось также французское военное судно, но его командир утверждал, что действия указанных фрегатов его совершенно не касаются.

Тогда германский и английский командиры решили действовать совместно и, не теряя времени, предписать генералу Контрерасу, чтобы он и его суда немедленно признали себя пленными. Когда у генерала Контрерас потребовали объяснений о совершенном им в Альмерии варварстве, то он пытался его оправдать провокацией со стороны жителей.

Это утверждение опровергается донесением российского вице-консула в Альмерии, которое я имею честь к сему присовокупить.

Коротко говоря, так как генерал Контрерас и его фрегаты не имели никакой возможности, а вероятно, и желания сопротивляться предъявленному им англо-германскому требованию, то они сдались, и вся эта эскадра отправилась в Картахену. Германский и английский командиры хотели первоначально ввести «Almanza» и «Vittoria» во внутрь Картахенского порта и держать их там под блокадой. Но на виду у Картахены они встретили командующего британской эскадрой в Средиземном море, и, когда они ему сообщили обо всем происшедшем, то указанный адмирал посоветовал им итти с захваченными судами не в Картахену, а в Эскомбрерас, расположенный на несколько миль севернее, и высадив там на сушу и отпустив экипаж восставших судов, оставить на борту лишь генерала Контрерас и офицеров, признавших себя пленными.

До сего времени как германский и британский командиры, так и поверенные в делах обоих этих государств в Мадриде не вступали в переговоры с испанскими властями относительно этого события, которое представляет новую картину: восставшая партия владеет блиндированными фрегатами и арсеналом, богато снабженным военными припасами.

Центральное правительство, не имеющее настоящей армии, флота и денег, подавив при счастливом стечении обстоятельств коммунистическое движение в Севилье и Кадиксе, готовится к покорению Гренады, Валенсии и Картахены. Оно, в конце концов, поняло, что судьба страны не может оставаться в руках нескольких тысяч фанатиков и что необ-

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

ходимо подавить революцию, возбужденную крайней группой собственной партии.

Несмотря на это убеждение правительство побуждает учредительное собрание голосовать как можно скорее основной закон федеративной республики, опирающейся как раз на независимые кантоны и муниципальную автономию, осуществления чего и требует восставшая партия, выставившая в качестве причин вооруженного восстания задержку в их проведении.

Это служит убедительным доказательством, что слабость правительства кроется в его происхождении. Оно думало, что его демократические принципы примирят бушующие народные страсти, но очутилось перед лицом еще гораздо более демагогических доктрин, чем его собственные.

Кудрявский.

Приложение.

Вице-консул в Альмерии посланнику в Мадриде Кудрявскому.

31 июля 1873 г.

Я обязан довести до сведения вашего превосходительства те грустные события, которые испытал мирный город Альмерия.

29 июля два восставших испанских военных фрегата, именно «Vittoria» и «Almanza», находившиеся под командой генерала Контрерас, вошли около 5 часов утра без всякого предупреждения в Альмерию.

При одном их виде в городе распространился неописуемый ужас и смятение, так как предполагалось, что они преследуют враждебные цели.

В 8 часов гражданский губернатор поднялся в сопровождении трех вице-консулов, именно — британского, французского и австрийского, на борт одного из фрегатов для того, чтобы переговорить с экс-генералом Контрерас и узнать об его намерениях. Последний заявил, что желает: 1) чтобы гарнизон города удалился и предоставил населению свободу провозгласить кантон, так как его цель заключается в революционировании всего побережья, 2) завладеть всеми находящимися в городе деньгами и имуществом правительства, причем он не допускает никаких отговорок и никакого уклонения.

Под этим грустным впечатлением мы [1]) удалились в сопровождении двух судовых офицеров, которым было поручено получить у заведую-

[1]) Каким образом автор этого донесения, российский вице-консул, оказывается в числе перечисленных им трех вице-консулов — британского, французского и австрийского, остается непонятным.

щего финансовой частью книги для того, чтобы узнать количество наличных денег, а также табаку, в котором нуждаются фрегаты.

Эти офицеры, сопровождавшие нас в казарму, где находился военный губернатор, принимавший меры для защиты города, были немедленно отправлены обратно, причем они не подверглись никаким неприятностям или оскорблениям, так как находились под защитой данного слова.

Военный губернатор, все власти и виднейшие жители, выслушав наш отчет, решили сопротивляться до последней крайности требованиям экс-генерала Контрерас и лучше бороться до смерти, чем уступить его желаниям, чтобы не обмануть оказанного им со стороны мадридского правительства доверия и не нарушить своих обязанностей.

Для передачи экс-генералу решения, принятого властями и населением, была образована комиссия в составе народного алькада, одного провинциального депутата и английского и французского вице-консулов, которой специально поручили отговорить экс-генерала от его требований, просить его не принимать никаких решений, враждебных этому мирному и безобидному городу, который не хочет поддерживать картахенское движение.

Но комиссия с величайшим ужасом услышала из уст экс-генерала Контрерас буквально следующие слова, представляющие как бы его ультиматум:

«Ему совершенно безразлично, намерен ли город восставать или нет, но он требует, чтобы войска, составляющие его гарнизон, удалились и чтобы все деньги правительства, и сверх того два миллиона, которые должны быть собраны с частных лиц, были ему переданы до 6 часов вечера, так как, если на следующий день, до первого звука утренней зори, его приказания не будут выполнены, то он даст консульскому корпусу лишь один час срока, откроет огонь и обратит город в пепел».

Все мольбы и убеждения остались безрезультатны; комиссия вернулась потрясенная опасностью, грозившей населению; испуганные женщины, дети и старики покидали город, опасаясь верной смерти.

Никакое перо не в состоянии описать ужасного смятения и паники, вызванной этой угрозой среди жителей, которые не видели втечение полувека стрельбы.

Предполагалось, что это лишь устрашение для достижения основной и исключительной цели — получения двух миллионов; но мы ошиблись. Какая непостижимая, вандальская жестокость!

В 10 часов утра начался орудийный обстрел населения; надо отметить, что один из снарядов попал во двор госпиталя, несмотря на

развивающийся над ним защитный флаг. Два снаряда большого калибра попали в дом прусского вице-консула и сильно его разрушили, хотя он смело водрузил над ним свой флаг. Огонь продолжался с несколькими интервалами до 5 часов вечера, причем было дано 60 последовательных залпов, которые вызвали в городе большие резрушения. Надо заметить, что были сделаны две попытки к высадке; первая из них произошла в то время, когда комиссия отправилась на фрегат, но от нее отказались, когда увидали, что гарнизон размещен, как во время войны, вдоль побережья с целью воспрепятствовать высадке; вторая попытка была сделана утром 30 июля с помощью канонерских шлюпок, давших несколько залпов, но жаркий огонь гарнизона принудил их повернуть и произвести обратную посадку на фрегаты.

К 7 ч. вечера суда удалились, направляясь к Мотрилю для продолжения пиратства.

Таков краткий рассказ о поведении этого экс-генерала, позорящего испанскую нацию.

Сообщение правительства Картахены иностранным консулам [1]).

Картахена, 9 августа (28 июля) 1873 г.

Временноуполномоченные испанской федерации, находящиеся в Картахене, имеют честь вам сообщить, что в случае, если под защитой флага вашего государства суда наших врагов, стоящие на якоре в водах, подлежащих нашей юрисдикции, высадят войска на нашу территорию, сделают попытку вступить силой в порт, будут снаряжать фрегаты «Vittoria» и «Almanza» или передадут их какому бы то ни было правительству, то временно уполномоченные испанской федерации будут препятствовать этому силой, как им предписывают независимость и честь Испании.

Уполномоченный государства
Николас Кальво де Гуайти.

Верно, главнокомандующий Контрерас.

Сообщить консулам иностранных держав.
Президент Роке Барсиа.

---

[1]) Как этот, так и два следующих документа присланы в мин-ство ин. дел Кудрявским в качестве приложения к его депеше № 53 15 (3) августа.

Сообщение правительства Картахены командиру английского фрегата.

Картахена, 9 августа (28 июля) 1873 г.

Для сообщения иностранным консулам.

Временноуполномоченные испанской федерации надеются, что вы не допустите, чтобы в водах, подлежащх нашей юрисдикции, появились под прусским флагом суда наших врагов как для высадки своих войск, так и для снаряжения секвестрированных фрегатов, или же, наконец, для передачи их какому-либо правительству, с которым мы находимся в состоянии вооруженный борьбы.

Уполномоченные полны веры, что флаг Британии, развевающийся над ее фрегатами, будет охранять в неприкосновенности древний принцип благородного английского гостеприимства, делающий священным невмешательство во внутреннюю политику других наций.

Если, как не сомневаются временноуполномоченные, вы сохраните под славными стенами Картахены непоколебимые традиции своего правительства и своей страны, то вы избавите нас от необходимости принять крайние меры при сопротивлении как испанскому, так и прусскому правительству, к которому обязывают нас независимость и честь Испании.

[Подписи.]

Ответ коммодора Вернера и капитана Уорда правительству Картахены.

Эскомбрерас, 9 августа (28 июля) 1873 г.

В ответ на сообщение, представленное сегодня уполномоченными, явившимися с этой целью из Картахены, коммодор Вернер, командующий императорским судном «Фридрих-Карл», и достопочтенный Уорд, капитан судна ее британского величества «Swiftsure», извещают, что, так как они не питают вражды ни к какой из обеих спорящих сторон, то их отношения с правительствами Мадрида и Картахены одинаковы; что в качестве меры предосторожности, в целях обеспечения безопасности судов, стоящих сейчас на рейде в Эскомбрерас, ими не будет допущены там никакие враждебные действия, что прибывшим вчера испанцам не будет позволено высадиться или произвести какие-либо враждебные против Картахены действия; подобным же образом Картахене не будет позволено действовать против этих испанцев.

Коммодор Вернер и капитан Уорд заявляют, что, так как их государства нейтральны, то они не будут вмешиваться, если собственность иностранцев будет уважаться. Что касается военного судна «Fernando

Catolico» или какого бы то ни было другого, то указанные командиры требуют, чтобы оно водрузило, вступая на рейд Эскомбрерас, парламентерский флаг для доказательства мирного назначения своего.

Коммодор Вернер и капитан Уорд заявляют, повторяя уже сказанное однажды, что в противном случае они будут вынуждены захватить его.

Коммодор Вернер и капитан Уорд, сверх того, сообщают, что в случае нападения какого бы то ни было врага на Картахенский порт, они останутся совершенно нейтральными и что картахенские власти смогут тогда расположить свои суда так, как им угодно, но не приближаться к Эскомбрерас.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

11 августа (30 июля) 1873 г.

Г. управляющий.

Так как прусское правительство не одобрило поведения капитана Вернера в деле секвестра испанского военного суда «Vigilante», то этот офицер был отозван. Вследствие этого он покинул стоянку перед Картахеной и, освободив генерала Контрерас, направился к Гибралтару, чтобы подождать своего преемника, который примет командование «Фридрихом-Карлом».

Узнав об этой перемене, испанское правительство решило, что оба его фрегета «Vittoria» и «Almanza», приведенные под секвестром в Эскомбрерас, будут ему немедленно возвращены.

Оно поэтому отправило в названный порт офицеров и экипаж, необходимый для возвращения фрегатов. Но там выяснилось, что его надежды тщетны: германский и английский командиры заявили, что они могут вернуть оба эти суда лишь по приказанию своих адмиралтейств.

Можно легко понять нетерпение испанского правительства вернуть себе право свободного распоряжения двумя восставшими фрегатами, после падения Валенсии они могли бы быть ему очень полезны в Картахене, представляющей последний очаг сепаратистского восстания, против которого сейчас направляют все сухопутные войска, освободившиеся после взятия остальных мятежных городов. Поэтому мадридское правительство высказало прусскому поверенному в делах некоторое удивление, — чтобы не сказать — недовольство, — по поводу задержки в возвращении обоих захваченных фрегатов. Как бы то ни было, несмотря даже на то, что повстанцы интернационалисты в количестве 1 000 человек сели в Валенсии на суда для отправки в Картахену, правительство не замедлит восстановить свою власть также

и в независимом кантоне Мурсии. Во всяком случае, глава правительства может считать себя счастливым, что консервативные генералы, из патриотических соображений, требующих восстановления порядка и сохранения целостности Испании, оказали ему поддержку для подавления в сравнительно короткое время всех мятежей на юге Испании.

Остается под вопросом, будут ли эти генералы продолжать мужественно поддерживать республику, когда они увидят, что их неожиданный успех изменил первоначально столь твердые намерения правительства в отношении крайне-левой партии, преступные происки которой вызвали столько беспорядков. Вместо того, чтобы строго наказать виновников и заставить их искупить свои проступки, беспощадно предав их всей суровости закона, центральное правительство отказалось в пользу учредительного собрания от права и обязанности наказать его непокорных депутатов. Но такой отказ от своего права равносилен безнаказанности и оправданию.

Правительство Сальмерона, повидимому, даже стремится к подобной развязке в целях заключения мира с крайней левой и привлечения ее путем ее возвращения в учредительное собрание, к обсуждению и голосованию федеральной конституции, которая находится накануне превращения в основной закон испанской республики. Но так как эта конституция освящает и одобряет такие доктрины, которые легко могут быть истолкованы в качестве основы коммунизма, то она представляет оправдание восстанию левых, которых вскоре нельзя будет обвинять ни в чем, кроме чрезмерного нетерпения.

К у д р я в с к и й.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 54. 15 (3) а в г у с т а 1873 г.

Г. управляющий.

Накануне падения Кадикса между революционной хунтой этого города и находящимся в нем иностранными консульским корпусом произошел инцидент, который так близко касается принципов международного права, что я считаю нужным сообщить о нем вашему превосходительству.

После энергичного подавления генералом Павиа демагогического движения в Севилье, лица, возбудившие подобные же беспорядки в Кадиксе, почувствовали, что наступил и их черед быть образумленными.

В предвидении этого главная забота революционной хунты свелась к собственному спасению. Поэтому она обратилась к французскому консулу, называя его с т а р ш и н о й консульского корпуса,

с сообщением, которым она передавала в руки этого корпуса правительственную власть Кадикского независимого кантона, которая совершила за короткое время своего существования самые ужасные злодеяния против государственной, частной и церковной собственности.

Г. Бенедетти, брат прежнего французского посла в Берлине, вместо того, чтобы указать мятежникам, что он отнюдь не является старшиной консулов, повидимому, напротив, принял это звание, хотя в Кадиксе есть несколько генеральных консулов, из которых настоящим старшиной должен был бы считаться старейший по экзекватуре.

После этого поступка революционной хунты французский консул собрал всех своих коллег на совещание.

Они премудро решили принять передаваемую им власть и поручить председательство в этом странном правительстве г. Рансесу, прежнему испанскому посланнику во Франкфурте, Берлине, Вене и Лондоне, который сейчас проживает в Кадиксе.

Г. Рансес поставил в качестве решительного условия отказ консулов от высадки войск, находящихся на 14 иностранных военных судах, которые сейчас стоят на якоре в порту.

В переписке, происшедшей по этому поводу между г. Рансесом и г. Бенедетти, французский консул снова позволил обращаться к себе как к старшине консульского корпуса и в своих ответах пользоваться этим незаконным званием.

Консульский корпус обратился даже к гражданам Кадикса с прокламацией, подписанной «з а к о н с у л ь с к и й к о р п у с», вверху которой стояло: «Бенедетти, консул Франции». Императорский флаг не представлен ни одним военным судном, и к счастью, имя российского генерального консула не находится под этим необыкновенным документом.

Составленное таким образом правительство Кадикса просуществовало лишь один день, т. е. до прибытия генерала Павиа.

Я не получил никаких протестов против этого прямого вмешательства иностранных консулов во внутренние дела Испании и не имею никаких заявлений от нашего генерального консула против притязания французского консула выступать в качестве старшины консульского корпуса в Кадиксе.

Я надеюсь, что ваше превосходительство одобрит тот такт, с которым наш генеральный консул сумел избегнуть необходимости поставить в этих обстоятельствах свое имя под каким-либо публичным документом [1]).

---

[1]) Против этого абзаца помета Александра II: «Конечно».

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 56.

18 (6) августа 1873 г.

Г. управляющий.

В разговоре, который лорд Лайонс имел с генералом Брольи, министр дал ему почувствовать беспокойство и недоверие, вызываемые у него вмешательством германских морских сил в испанские дела.

В то время, когда происходил этот разговор, французский консул в Кадиксе позволил себе самое открытое вмешательство — и по существу — во внутренние дела Испании.

Г. Бенедетти было поручено его коллегами председательство в комиссии, образованной консульским корпусом с целью поддержания отношений с Комитетом общественного спасения в Кадиксе. Во время исполнения этой обязанности французский консул, повидимому, посредничал между указанным Комитетом и военным комендантом, оставшимся верным своему долгу.

Кроме того французский консул убедил своих коллег принять полномочие на осуществление власти, которое Комитет общественного спасения, удаляясь, счел удобным передать консульскому корпусу. В этом случае г. Бенедетти, повидимому, убедил своих коллег по консульской комиссии в правильности своей точки зрения, сводившейся к тому, что они окажут большую услугу делу порядка и обеспечат безопасность своих сограждан, если возьмут на себя, после исчезновения Комитета общественного спасения, обязанность сдерживать излишества демагогической толпы, лишенной узды и руководства.

Однако достаточно дать себе отчет о состоянии умов в морском порту, в котором стоят на якоре 14 иностранных военных судов, чтобы убедиться в том, что одно присутствие подобной морской силы и неизвестность ее возможного в будущем поведения смогут в случае надобности внушить такое почтение населению, которое удержит его от агрессивных действий против граждан, флаг которых ежеминутно напоминает о представляемой им защите.

Из донесений британского консула, направляемых им по этому поводу британской миссии в Мадриде, я вижу, что в Кадиксе и вообще на юге Испании спокойствие еще далеко не так прочно установилось, чтобы прежние демагогические беспорядки не могли ежеминутно повториться, принимая во внимание безнаказанность, которой пользуются ее зачинщики со стороны мадридского правительства.

В предвидении этого я осмеливаюсь просить ваше превосходительство сообщить мне указания императорского кабинета относительно

позиции, которую генеральный консул и русские консулы в испанских портах должны соблюдать для того, чтобы не быть вовлеченными во внутренние дела Испании.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 57.

18 (6) августа 1873 г.

Г. управляющий.

Российский вице-консул в Картахене получил от законно установленных властей республики извещение о вступлении в действие блокады Картахенского порта, а от повстанческого правительства независимого кантона Мурсии сообщение о том, что как этот кантон, так и Картахенский порт находятся на военном положении. Это сообщение я считаю нужным представить вашему превосходительству.

Кудрявский.

Приложение I.

Сообщение уполномоченного временного правительства кантона Мурсии консулам иностранных держав.

Картахена, 14 (2) августа 1873 г.

На состоявшемся сегодня совете временное правительство испанской федерации решило объявить кантон Мурсии и порт Картахены на военном положении.

Я имею честь известить вас об этом согласно международным договорам и международному праву, сообщая в то же время это решение всему консульскому корпусу.

Николас Кальво де Гуайти.

Приложение II.

Сообщение командующего морскими силами испанской республики, действующими против Картаханы, старшине консульского корпуса в Картахене.

Картахенский рейд, 13 (1) августа 1873 г.

Назначенный правительством республики членом, командующим всеми ее морскими силами в Средиземном море, я по распоряжению указанного правительства объявил блокаду Картахенского порта.

Вследствие сего и следуя предписаниям международного права для подобных случаев, я имею честь известить вас об этом, прося в то же

время не отказать со своей стороны известить об указанном членов консульского корпуса и, если вы сочтете это нужным, всех тех иностранных подданных, правительства которых не имеют в Картахене консульских представителей.

Мигуель Лобо.

Приложение III.

Сообщение командующего морскими силами Испанской республики в Средиземном море старшине консульского корпуса в Картахене.

Картахенский рейд. 14 (2) августа 1873 г.

Вследствие объявления Картахенского порта в состоянии блокады и в соответствии с предписаниями международного права, я прошу вас не отказать известить консульский корпус и всех иностранных подданных, проживающих в этом порту, что суда иностранных держав, находящиеся там, могут его беспрепятственно покинуть с балластом или со всем грузом, который они имеют на порту, или с частью его. Никакие торговые операции этим судам более не разрешаются, и те из них, которые желают покинуть порт, должны это сделать втечение трех дней, которые будут считаться истекшими на закате солнца 17(5) текущего месяца.

Мигуель Лобо.

Госуд. канцлер Горчаков посланнику в Мадриде Кудрявскому.

Проект депеши [1]). 22 (10) сентября 1873 г.

В своей депеше № 56 вы запросили указаний императорского министерства относительно позиции, которую должны занимать наши представители в Европе при событиях, аналогичных происшедшим в Кадиксе.

Я уже заранее ответил на ваш вопрос в своей депеше от 28(16) августа, которая сообщает вам об одобрении, заслуженном нашим генеральным консулом, благодаря проявленной им в этих обстоятельствах сдержанности.

Я могу вам лишь повторить следующее: наш августейший государь желает, чтобы его представители в Испании отказались от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны и ограничили свою деятельность защитой нашей торговли и наших подданных.

---

[1]) На проекте помета Александра II: «Быть по сему».

На расстоянии, отделяющем нас, невозможно определить для всех особых случаев способ применения этого принципа. Положение вещей в Испании так необычно, что могут наступить обстоятельства, выходящие за пределы обыкновенной предусмотрительности. Может случиться, что консулы вынуждены будут выступить за пределы принадлежащей им роли для охранения своей собственной безопасности и вверенных им интересов.

В подобном случае наши консулы, естественно, не должны отказываться от солидарности с другими своими коллегами. Но даже тогда следует ограничиваться шагами совершенно неизбежными при охранении вверенных их защите интересов, а так как интересы, охраняемые нами, не столь многочисленны и не столь существенны, как у консулов других держав, то нашим консулам надлежит предоставлять инициативу представителям более заинтересованных, чем мы, держав и следовать за ними лишь в меру, совместимую с общим принципом невмешательства, который представляет неизменное политическое правило нашего августейшего государя.

Эти замечания позволят вам дать подведомственным вам представителям министерства иностранных дел точные указания, которые необходимы для правильного руководства их поведением.

[Горчаков.]

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 70.

18 (6) ноября 1873 г.

Г. управляющий.

К столь многочисленным внутренним трудностям, осложняющим положение правительства испанской республики в Европе, как, например, мятеж карлистов, кантональное восстание в Картахене, безденежье казначейства, отсутствие порядка, спокойствия и власти, присоединяются крайне серьезные международные затруднения с Соединенными Штатами, Англией и Пруссией.

Основное из них вызвано захватом 30(18) октября в открытом море между островами Кубой и Ямайкой парохода «Virginius», шедшего под американским флагом для оказания помощи людьми и вооружением повстанцам в Гаванне.

Когда кубанские власти обнаружили, что среди лиц, захваченных в плен, находятся такие, которые раньше за то же преступление были заочно приговорены к смерти, то их немедленно расстреляли. Среди них был один американский подданный, некий О'Райна. После приведения этого приговора в исполнение наступил черед капитана захва-

ченного судна и части экипажа, среди которого было 10 английских матросов.

Вашингтонский и лондонский кабинеты немедленно высказали сомнение в законности этого захвата и в правильности признания «Virginius» пиратским судном, как это сделало испанское правительство. Они энергично протестовали против совершенных казней, и британский посланник в Мадриде получил распоряжение заявить, что, в случае казни хотя бы еще одного английского подданного, ответственность за это будет возложена лично на членов испанского правительства и на власти Гаванны.

На эти протесты и вообще на настоятельные требования дать объяснения по поводу захвата «Virginius» и последовавших за этим жестокостей мадридский кабинет ответил, что при получении первого известия об этом происшествии он предписал властям Кубы отложить казнь пленников, но повреждение кабеля между Гаванной и портом Сант-Яго на острове Куба, куда был доставлен «Virginius», помешало указанному распоряжению во-время дойти; что, впрочем, испанское правительство, считая свое поведение в деле захвата этого парохода вполне оправданным, нуждается в ознакомлении с его подробностями и причинами, которые ему будут сообщены властями Кубы, и что до получения этих сведений мадридский кабинет должен ограничиться указанием на свое достоинство и свою независимость в разрешении дела, которое по существу относится к его ведению и касается вопроса о национальном единстве.

Представители Соединенных Штатов и Великобритании не пренебрегли никакими доводами, чтобы доказать г. Кастеляру, сколь велико в Англии и Америке возбуждение умов по поводу такой упрощенности приемов, которая представляется им чрезмерной. Они обратили его внимание на те серьезные шаги, на которые общественное мнение обеих стран может вынудить свои правительства.

Мадридский кабинет до сего времени ответил на эти представления лишь уклончивой нотой, которую посланник Соединенных Штатов охарактеризовал своему правительству как «illtempered» [1]).

Во время своих объяснений с британским посланником г. Кастеляр дошел до того, что допустил возможность войны с Соединенными Штатами, и в ее предвидении, он сказал, что Испания без колебания даст своим судам корсарские свидетельства, направленные против всей американской торговли, и что она вправе так поступать, потому что как она сама, так и Соединенные Штаты отказались подписаться под отменой корсарства, внесенной в договор 1856 г.

---

1) «Злонамеренная».

На самом деле, мадридский кабинет не имеет способов противостоять грозе, которая угрожает ему со стороны той державы, которую он считал более всего расположенной к новой форме правления в Испании.

В настоящее время Испания не имеет ни армии, ни флота, ни денежных средств, ни даже достаточной внутренней спаянности, чтобы немедленно и энергично противодействовать враждебным выступлениям против ее колониальных владений.

Но, несмотря на эту недостаточность материальных средств, испанская надменность и гордость не позволят мадридскому правительству вступить в сделку с Соединенными Штатами по поводу их требований или дать им то удовлетворение, на котором они настаивают. Между тем стремления Соединенных Штатов, их территориальные аппетиты и общие намерения в отношении Испании не составляли ни для кого секрета с тех пор, как генерал Сикльс приехал в 1869 г. в Мадрид для предложения американского посредничества в установлении независимости острова Кубы от метрополии под гарантией Соединенных Штатов.

Осложнения между Испанией и Пруссией носят менее сложный и менее серьезный характер. Картахенские повстанцы увели из Валенсии несколько торговых судов, которые имели на борту товары, принадлежавшие прусским подданным. Германский представитель потребовал их возвращения у картахенских повстанческих властей; последние не подают никакого признака, что намерены подчиниться. В случае невозвращения товаров, возникает вопрос, не имеет ли германское правительство права заявить мадридскому кабинету, что оно считает его ответственным за убытки, причиненные германской торговле и что в случае надобности прусские военные суда получат приказ захватить такое количество испанских торговых судов, которое по ценности будет соответствовать германским товарам, конфискованным повстанцами.

Таковы в основном отношения республиканского правительства в Мадриде к трем морским державам.

Претензий одной из них было бы достаточно для создания этому правительству самых серьезных затруднений. Я должен прибавить, что ни г. Кастеляр, ни кто-либо из вождей его партии не обладают надлежащей ловкостью, опытностью и авторитетом, чтобы с честью, а тем более со славой, вывести Испанию из того тяжелого положения, в которое его погрузил режим, так мало соответствующий традициям этой древней монархии.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Частное письмо. 4 декабря (22 ноября) 1873 г.

Ваше сиятельство.

Узнав, что я втечение некоторого времени не выхожу из дома вследствие недомогания, г. Кастеляр выразил мне желание поговорить со мной частным и доверительным образом.

Глава правительства начал с разговора об испытываемых им внутренних затруднениях и о политике, которую он рассчитывает проводить при открытии кортесов. Он уверял меня, что прежде всего он будет пытаться убедить их в невозможности установить в Испании федеративную, социальную или хотя бы только радикальную республику; он хотел бы, чтобы она была умеренной и консервативной и внушала к себе доверие как внутри страны, так и заграницей, благодаря правительству, знаменующему порядок, мир, авторитет и силу, т. е., чтобы Испания имела правительство, которое отличалось бы от монархического только названием.

В дальнейшей беседе г. Кастеляр высказал надежду, что ему удастся выйти победителем из обеих гражданских войн, опустошающих Испанию. Он радуется разрешению кризиса с Соединенными Штатами и считает, что в этом деле у него есть некоторая заслуга, так как он сумел побудить страну, несмотря на крайнее возбуждение общественного мнения, согласиться на спокойный и мирный исход дела, но он мне сознался, что у него нет уверенности в таком же повиновении в Гаванне.

Затем г. Кастеляр сказал мне, что он намеревается довести состав армии приблизительно до 200 тыс. человек и внести во все провинции мир, порядок и спокойствие, способствующее труду и торговле, а также мирному развитию благосостояния страны.

Его единственная забота, — добавил г. Кастеляр, — вызывается плохим состоянием финансов и отсутствием денег, но он надеется, что ему удастся внушить достаточно доверия руководителям иностранных рынков и снова расположить их в пользу Испании, так как он знает старинное правило, гласящее, что «хорошая политика ведет к хорошим финансам».

После этих признаний, самый общий характер и сущность которых я вам передаю, г. Кастеляр сказал мне, что он решил переменить испанских представителей при великих державах и что он хотел бы, но совершенно между нами, чтобы я помог ему найти лицо, способное поддерживать с вашим сиятельством добрые отношения; с этой целью он намерен выведать у герцога Оссуна, расположен ли он вернуться в С.-Петербург, и, в случае, если он выскажется

против, приступить к поискам. Я сослался на свою некомпетентность в этом вопросе. Но после того как г. Кастеляр признался, что ему совершенно неизвестно прошлое испанских дипломатов и их характеры, мы приступили с ним совместно к просмотру имен таких лиц, которые могли бы быть пригодны к занятию заграничных постов для проведения изложенной выше политики. После всяких замечаний и возражений по поводу разных имен, нами был назван маркиз Улагарес.

Г. Кастеляр сказал мне, что он лично его не знает. Тогда я ему напомнил, что маркиз был посланником в Константинополе во время правления маршала Серрано, которому он приходится шурином, я указал, что он человек очень корректных правил, обладает хорошей внешностью, умом, умением себя держать, придворными манерами, так как при короле Амедее он был гофмаршалом королевы, и говорит по французски с редким совершенством.

Этот персонаж как будто бы пришелся по вкусу г. Кастеляру, заметившему, что это находка в духе Диогена, что он сомневался в пригодности герцога Оссуна, несмотря на то, что уже во время республики он принял должность председателя испанской комиссии на выставке в Вене, и что г. Валера, которого он имел в виду для назначения в Россию, отказался туда поехать по состоянию своего здоровья.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 77.

11 января 1874 г. (30 декабря 1873 г.).

Г. канцлер.

Г. Сагаста, получивший в составе правительства, порученного маршалу Серрано, портфель министра иностранных дел, известил меня о вступлении в должность.

Нота, с которой он обратился ко мне по этому поводу, содержит следующее место: «Исполнительная власть считает себя в праве дать правительствам дружественных держав мотивированное объяснение причин, вызвавших необходимость в решении, принятом высшими военными властями Мадрида перед лицом неминуемой опасности, угрожавшей свободе и общественному порядку после вотума неодобрения, вынесенного палатой в отношении политики министерства, во главе которого стоял г. Кастеляр.

Общественное мнение страны приняло с ликованием эту спасительную меру, вследствие которой наша доблестная армия своевременно

явилась на защиту интересов общества и родины, причем между военными силами и всегда столь рассудительным населением столицы не произошло ни малейшего столкновения».

На это сообщение я ответил простым извещением о его получении.

С тех пор новая власть выпустила два документа. В первом из них она объявляет учредительные кортесы 1873 г. распущенными. Этот декрет начинается следующими словами: «Общественное мнение, воспользовавшись ниспосланной свыше помощью армии, распустило учредительные кортесы. Страна одобрила этот роспуск самым единодушным образом. Исполнительная власть берет всю ответственность за него на себя». Другой документ представляет манифест, с которым маршал Серрано и его правительство обратились к нации для объяснения ей, что конституция, принятая в 1869 г. остается в силе, за исключением ст. 33,относительно монархической формы правления, что в настоящее время исполнительная власть наделена диктаторскими полномочиями, что она не приступит к созыву кортесов до полного умиротворения страны; что когда это произойдет, министерство распорядится о производстве выборов в обыкновенные кортесы, на которые выпадет тройная обязанность: организовать исполнительную власть, выбрать президента республики и определить его полномочия.

По этой программе учреждения, которые Испания создала при отречении короля Амедея, остаются прежними, т. е. она остается республикой с органами исполнительной власти, пользующимися диктаторскими полномочиями. Таким образом государственный переворот, произведенный генералом Павиа, послужил для того, чтобы воспрепятствовать республике выродиться с помощью крайней левой в демагогию и анархию.

Трудно предсказать или даже предвидеть, во что выльется позже этот порядок вещей, принимая во внимание недостаточно установленные и всегда неопределенные намерения маршала Серрано, на характер которого, с политической точки зрения, можно мало рассчитывать, а особенно с тех пор, как он допустил в свое министерство тех же самых вождей радикальной партии, которые были основной причиной падения выборной монархии.

Сейчас внимание маршала Серрано направлено прежде всего на овладение Картахеной и на усиление военных действий против карлистов. От исхода этих двух предприятий, из которых картахенское уже близится к завершению, зависит дальнейшее развитие положения, созданного последним переворотом.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 1.

17(5) января 1874 г.

Г. канцлер.

Картахенские мятежники, видя после насильственного разгона кортесов, что они лишились поддержки, на которую они рассчитывали при действии конституции, поняли, что наступил момент, когда надо прекратить всякое сопротивление. Вследствие этого убеждения зачинщики восстания в Картахене сели на один из бронированных фрегатов, которыми они располагали. Им удалось, несмотря на блокирующую их эскадру, укрыться в Алжир и увезти с собой 2500 каторжников, которых они освободили для защиты Картахены.

По заявлению испанских властей французское правительство немедленно распорядилось, чтобы им был выдан как указанный бронированный фрегат, так и каторжники, после удостоверения их личности, а также руководители восстания, поскольку их преступления соответствуют положениям договора о выдаче, заключенного между Францией и Испанией.

Овладев снова Картахеной, исполнительная власть уполномочила министра иностранных дел подробно изложить это военное событие иностранным державам, с целью представить им то влияние и власть, которые мадридское правительство приобрело благодаря тому, что вновь завладело этим морским арсеналом. Из войск, осаждавших его в течение шести месяцев, будет создано ядро той армии, которая будет названа «центральной» и предназначается для стратегических операций против карлистских банд, опустошающих восточные провинции, в то время как основная, организующаяся сейчас, армия будет направлена против вооруженных сил претендента в провинции басков.

Таким образом глава исполнительной власти надеется, что в течение ближайшей весны он будет иметь возможность сообщить Европе о полном умиротворении Испании. Маршал Серрано льстит себя надеждой, что это обстоятельство представит сильный аргумент в пользу окончательного признания республиканского правительства со стороны иностранных кабинетов. Но меня уверяют, что, по личному мнению маршала, возвращение Картахены уже само по себе должно доставить правительству выгоды, представляемые возобновлением правильных сношений со всеми другими державами.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 2.

24(12) января 1874 г.

Г. канцлер.

Давая отчет о государственном перевороте, совершенном генералом Павиа и о вступлении во власть маршала Серрано, я в первый момент мог удостоверить вашему сиятельству, что как то, так и другое произошло при недвусмысленном одобрении столицы и всей страны. Едва прошли три недели с момента этого события, а уже замечается как в провинции, так и внутри партий чувство тревоги и недоверия в отношении прочности и судьбы правительства, которое было подготовлено крутой расправой генерала Павиа с кортесами.

Общественное мнение надеялось, что переход власти в руки маршала Серрано явится ударом, который окончательно добьет республику, и что отныне хотя и временное, но представляющее силу, порядок и авторитет правительство откроет Испании новую эру покоя и безопасности, при которой нация получит возможность располагать своей будущей судьбой.

Но когда увидали, что маршал Серрано сохранил за своим кабинетом характер республиканской исполнительной власти и, сверх того, окружил себя, предоставив им три портфеля, вождями той самой радикальной партии, предательское поведение которой при короле Амедее вызвало повсеместно глубокое отвращение, то общественное мнение взволновалось коалицией, которая по справедливости должна ему казаться самым плохим предзнаменованием.

Вследствие этого тягостного предчувствия в консервативной партии появилось недовольство, которое должно было предостеречь маршала Серрано от серьезных последствий, которые его союз с радикалами мог вскоре вызвать.

Действительно, с первых дней вступления во власть маршала, гарнизон Мадрида, и в особенности артиллерийские части, предупредили его, что они не могут взирать равнодушно на новое появление в правительстве тех самых лиц, которые уже при последнем короле систематически дезорганизовывали армию, разрушали дисциплину и постановили распустить артиллерийские части. Маршалу Серрано были заявлены самые решительные протесты со стороны всех генералов, преданных порядку и добрым принципам, против допущения в его министерство радикалов, рассматриваемых ими в качестве элемента разрушительного и пагубного для всякой власти, которая допустит их опасное сотрудничество. Все эти спасительные предупреждения не достигли цели у маршала Серрано. Он ответил, что радикальная

партия является единственной, представляющей объединенную силу, с которой следует считаться, и что его связь с этой партией не позволяет ему пытаться уже сейчас от нее освободиться, путем ее удаления от власти, когда он только что ее к ней допустил.

Эта связь ведет свое происхождение с того времени, когда в прошлом апреле маршал Серрано был вынужден покинуть Испанию, забавным образом переодетый, под личным покровительством английского посланника.

Исполнившись горечи и злобы против республики, которая его таким образом отстранила, он удалился в Биарриц. Окруженный сторонниками реставрации в пользу Альфонса, маршал, никогда в течение всей своей карьеры не проявивший интереса ни к чему, кроме собственного возвышения, вступил там в переговоры с агентами королевы Изабеллы. К удивлению очень многих, он проявил такую склонность к восстановлению конституционной монархии, что низверженная династия основала на этом большую надежду на возвращение с помощью действенного вмешательства маршала.

Во время этих переговоров, происходивших между Биаррицем и Парижем, фанатики радикальной партии, эмигрировавшие вместе с генералом Серрано, достигли того, что овладели его образом мыслей, указывая ему на возможность освободиться на будущее время от всякой зависимости от короны и удовлетворить свои честолюбивые виды путем ниспровержения федеральной республики и замены ее унитарным режимом, который провозгласит маршала президентом на десять лет, а может быть, даже пожизненно, с дотацией, равноценной цивильному листу.

Плененный этой перспективой независимой роли, вкус к которой возник у него во время его первого правления, маршал Серрано внезапно отрекся от проектов реставрации, к которым он одно время был склонен прислушиваться, предпочитая теперь связать себя с теми рискованными планами, соблазнительность которых расписывали перед ним радикалы, и которыми, как меня уверяют, особенно увлечена супруга маршала.

Теперь, когда его связь с дерзкой и предательской партией начинает обнаруживаться, те группы, которые оставались до сих пор пассивными в борьбе партий, но которые охотно бы сосредоточились и организовались под руководством маршала Серрано, проявляют нерасположение к тому, чтобы следовать за ним и верить в его искренность в отношении истинных интересов страны. Если армия в свою очередь заявит, что ей надоело подчиняться влиянию радикалов, ее непримиримых врагов, то легко может случиться, что, благодаря тому же генералу Павиа, маршал Серрано испытает военное пронунсиа-

миенто против своего правительства и даже против своей личности, престиж и популярность которой уже не таковы, как в те дни, когда верили, что им руководит личная незаинтересованность и мысли о благе родины.

Все это должно было бы к концу такой богатой и так разно оцениваемой карьеры внушить ему намерение дать стране мир посредством такого акта, который искупил бы зло и который мог быть внушен ему избытком его честолюбия, а чувство самоотверженности должно было бы ему посоветовать произвести, если бы он стремился к тому, чтобы превратиться в истории в крупную политическую фигуру.

Но будущее входит как будто меньше, чем настоящее, в круг его расчетов, и если только маршалу Серрано удастся удержаться во главе правительства, то судьба его страны будет занимать его меньше, чем надежда быть признанным со стороны Европы в качестве президента испанской республики.

К у д р я в с к и й.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 4.

31(19) я н в а р я 1874 г.

Г. канцлер.

При объяснении и оценке причин политического положения, созданного государственным переворотом 3 января, и результатов дальнейшего развития событий, следует учитывать личность генерал-лейтенанта Павиа, генерал - губернатора Мадрида и наместника Новой Кастилии. Этот офицер был адъютантом и даже начальником штаба маршала Прима. В настоящее время он пытается сообразовывать свою позицию и свое поведение с обычаями, усвоенными им в этой школе.

Исполнительная власть маршала Серрано представляет дело рук генерала Павиа. Он отказался принять в ней участие, но он за ней внимательно наблюдает. Он не создает себе иллюзий относительно недостатков этого правительства, которое поддерживает республику, но насчитывает среди составляющих его девяти членов л и ш ь о д н о г о республиканца. Остальная часть кабинета маршала Серрано образована из прежних либеральных консерваторов и радикалов. Последние пытаются, как следовало ожидать, обеспечить при всяком случае господство своим доктринам потрясения порядка. Отсюда возникают внутри правительства несогласия и трения, которые создают постоянные помехи и угрозы ходу дел и самому существованию этой разнородной власти.

Маршал Серрано, не имея большого опыта в руководстве партиями, откровенно объяснился по поводу этих затруднений с генералом Павиа, который обещал тотчас же в этом деле ему помочь.

Действительно, он отправился к г. Мартосу, вождю радикалов, и сказал ему следующее: «Вы оказываете правительству маршала противодействие, на которое я не могу согласиться: оно противоречит той цели, которую мы себе поставили, призывая его к власти. При своем слабом и нерешительном характере, маршал Серрано является необходимым злом. Он представляет все преимущества самого снисходительного конституционного короля; в качестве такового, его надо сохранить во главе дел. Можно сказать, что он царствует, но не управляет. Он вам поэтому советует не создавать ему затруднений. Если же все таки вы будете это делать, несмотря на настоящее предупреждение, то я обещаю вам, что сумею в один прекрасный день поступить с советом министров так, как я поступил 3 января с последними кортесами, — я его распущу».

После этого предостережения радикалы сделались более мягкими и более сговорчивыми. Но генерал Павиа предвидит, что, в конце концов, придется притти к разрыву с ними.

В предвидении этого события, его программа сводится, как меня уверяют, к возведению маршала на пост президента республики и к назначению его самого председателем совета министров. В качестве такового генерал Павиа намерен окружить себя коллегами, свободными от всяких обязательств перед политическими партиями, которые, слепо подчиняясь его руководству, помогут ему осуществить все его намерения. Среди последних надо прежде всего упомянуть самое энергичное подавление движения карлистов, умиротворение страны, улучшение ее нравов, изучение ее стремлений и, наконец, разрешение проблемы национального восстановления.

Я не взял бы на себя утверждать, в каком направлении он его осуществит. Как ученик маршала Прима, генерал Павиа отнюдь не республиканец. Он должен в глубине своего сердца, следуя своему прототипу, чувствовать себя монархистом. Влияния, которые он будет в этом отношении испытывать, так же как настроения, которые он сумеет внедрить в армию, хозяином которой он всячески стремится сделаться, будут, несомненно, иметь решающее значение для его последующих проектов, когда ход событий доставит ему то положение, которого он домогается.

Сохраняя маршала Серрано во главе правительства, генерал Павиа лишь следует тактике маршала Прима, который тем легче сумел установить свое личное влияние, что самолюбие маршала Серрано было тогда удовлетворено его положением правителя. Современем, при во-

дворении его на место президента республики, дело будет итти о потворстве его стремлению к первенству в государстве. Что касается его лично, то генерал Павиа будет следовать старинной поговорке: «Во втором ряду блестает тот, кто незаметен в первом».

Каковы бы ни были в будущем средства, с помощью которых генерал Павиа переделает Испанию и наполнит пустоту, оставшуюся в учреждениях страны благодаря отречению последнего монарха, я считаю нужным уже сейчас указать императорскому кабинету на план, приписываемый генералу Павиа, о котором наиболее влиятельная английская газета сказала шесть месяцев тому назад, что считает его за шпагу, которой предстоит возродить Испанию.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 6.

15(3) февраля 1874 г.

Г. канцлер.

Правительство маршала Серрано проявляет в отношении картахенских мятежников такую слабость и терпимость, которая вызывает всеобщее негодование на вялость военного суда, отсутствие вердиктов и легкость, с которой правительство позволяет главным виновникам избегать правосудия. В то же время оно сосредоточивает все свои военные и морские силы против карлистов, как будто одни эти роялисты нарушали втечение года законы страны, тревожили ее покой и отказывали в признании законно установленных властей.

Не углубляясь в изложение ущерба и вреда, наносимого таким партийным образом действия влиянию правительства маршала Серрано, я должен упомянуть об одной мере, принятой им против карлистов, так как она уже вызвала протесты со стороны нескольких иностранных держав: я говорю о блокаде берегов Бискайского залива за исключением портов Сен-Себастьяна, Сантандер и Хихон, где законной торговле разрешается действовать как обычно.

Лондонский и парижский кабинеты препроводили маршалу Серрано самые серьезные протесты по поводу расходящейся с обычаями блокады берегов столь значительной протяженности, без одновременного объявления Испании в состоянии внутренней или внешней войны. Блокада этой береговой полосы, имеющей больше всего значения для французской и английской торговли, может возбудить ряд вопросов, например, о правах крейсеров, о посещении портов, о наложении ареста и о законности захвата судов,—которые окажутся очень сложными и трудно разрешимыми, исходя из права нейтральных, при положении,

созданном мадридским правительством, которое признает наличие лишь одной воюющей стороны.

Морские державы уже предвидят, что такое положение вещей в Испании создаст осложнения и споры, подобные тем, которые во времена гражданской войны в Соединенных Штатах грозили нарушить отношения между Англией и Северной Америкой.

В провинциях басков маршал Серрано пытается, насколько это допускают обстоятельства, усилить армию, предназначенную при правительстве Морионеса для действия против карлистов. Блокада берегов должна лишить их поступления провианта и боевых припасов, которые они втечение двух лет получают из Франции и Англии, где претендент имеет столь же настойчивых, сколь и богатых сторонников, которые без стеснения способствуют его делу и поддерживают его военные операции.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 7.

16(4) февраля 1874 г.

Г. канцлер.

Генерал Сикльс, посланник Соединенных Штатов в Мадриде, прибыл сюда в 1869 г. с поручением указать тогдашнему испанскому правительству на своевременность эмансипации острова Кубы при посредстве военной операции, средства для которой вашингтонский кабинет предлагал в то время дать.

Маршал Прима вначале проникся идеей этого проекта и обсуждал его с г. Сикльсом. Но, увидев вскоре, насколько национальное самолюбие возмущается сделкой подобного рода, он попросил генерала Сикльса взять обратно свое предложение. С тех пор больше не было речи об этом деле. Однако генерал Сикльс никогда не упускал его из виду. Считая, что радикалы когда-нибудь все же вернутся к его рассмотрению, представитель Америки приложил все старания для все большего привлечения их к этому проекту. Когда при восшествии на престол короля Амедея, ген. Сикльс увидел, что радикалы действуют заодно с республиканцами, то он счел полезным склонить также и эту последнюю партию к плану освобождения Кубы. После того, как благодаря отречению короля была создана республика, генерал Сикльс тотчас же поспешил убедить свое правительство помпезно ее признать. Со своей стороны, он окружил республику заискивающей предупредительностью для сохранения в случае надобности у своих приспешников благоприятных намерений относительно будущей судьбы драгоценных Антильских островов.

Во время всех этих маневров возникло дело «Virginius». Генерал Сикльс, будучи свидетелем серьезных внутренних затруднений республики, вообразил в этот момент, что политика Соединенных Штатов должна заключаться в устрашении г. Кастеляра с целью получения от него посредством застращивания того, чего не удалось достичь примирительным образом действий. Вследствие этого он изобразил г. Кастеляру роковые последствия, которые американские претензии могут повлечь в отношении острова Кубы, если Испания не уважит справедливых пожеланий вашингтонского правительства.

Генерал Сикльс решил, что для достижения цели ему следует особенно подчеркнуть в Мадриде тон и позицию своего правительства. Вследствие этого между представителем Соединенных Штатов и испанскими властями произошел обмен нот, столь резких и настолько не соответствующих дипломатическим традициям и языку, что даже государственный секретарь Фиш испугался оборота, который генерал Сикльс видимо хотел придать этому разногласию.

В результате американское правительство сочло нужным перенести в Вашингтон переговоры относительно «Virginius».

Генерал Сикльс почувствовал себя оскорбленным этим решением в своих правах и в своем достоинстве представителя Соединенных Штатов в Испании. Он подал в отставку. Президент Грант принял ее после некоторых колебаний. Таким образом миссия генерала Сикльса оказалась завершенной. Он покидает Мадрид на этих днях.

Его отъезд встречает одобрение всех партий. Они, в конце концов, обратили внимание на то, что его позиция, то дружеская, то угрожающая, и покровительственный тон, который генерал Сикльс обнаруживал с самого начала в отношении республики, служили в конечном итоге лишь для сокрытия его тайных домогательств и для содействия им; последние сводятся к превращению современем Соединенных Штатов тем или иным путем в хозяев Кубы. Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 7.

22(10) февраля 1874 г.

Г. канцлер.

Испанское правительство, уступая решительным настояниям лондонского и парижского кабинетов, приостановило до 15 марта действие блокады, которую оно объявило установленной на берегах Бискайского залива.

Наиболее существенный и убедительный довод, который обе морские державы выставили против этой меры, сводится к тому, что

декрет, объявивший эту блокаду, не приводил в пользу ее ни одного основания, ни одного убедительного аргумента, в то время как инструкции морского министра испанским крейсерам упоминали «воюющих», «врагов», и «состояние войны», что придавало блокаде весьма двусмысленный характер.

Сообщая английскому посланнику, что действие блокады приостановлено, г. Сагаста добавил, что молчаливо решено не приводить ее более в исполнение и что с этой целью испанское правительство укроется за доводом об опасности осуществлять ее при приближении равноденствия, а затем в качестве повода для того, чтобы ее совсем не приводить в действие, сошлется на протесты нескольких муниципалитетов бискайского побережья против ущерба, который эта блокада наносит местным интересам в связи с рыболовством и каботажным судоходством. Английский посланник удовлетворен достигнутым результатом, принимая во внимание заботу, причиняемую его правительству огромными убытками, испытываемыми уже британским судоходством и торговлей благодаря политическому и финансовому положению в Испании.

В связи с последним я приведу следующий характерный факт: совсем недавно английские капиталисты предложили испанскому правительству сумму, необходимую для покрытия платежей за два последних полугодия по его государственному долгу заграницей, если оно предоставит им, в качестве обеспечения их ссуды, облигации некоторых рудников, эксплоатируемых за счет государства. Испанский министр финансов принял это условие, но когда дело зашло о том, чтобы передать в виде залога эти облигации английским капиталистам, то оказалось, что правительство, не зная этого, уже распорядилось ими при заключении других займов, вызванных надобностями войны против карлистов.

В результате английские капиталисты, возмущенные подобным управлением финансами, которое не внушает никакого доверия, взяли обратно свои предложения.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову.

Депеша № 13.

8 апреля (27 марта) 1874 г.

Во время вынужденной передышки, случившейся на севере, между обоими лагерями произошел обмен мнений относительно нынешней борьбы. Решение было представлено маршалу Серрано в следующих выражениях: его войска действовали бы лучше, если бы их знаменем

была монархия; офицеры-карлисты, восставшие первоначально против короля Амедея, а теперь — против республики, покинули бы дело претендента, если бы маршал провозгласил королем принца Альфонса. Серрано, рассматривая такое решение как верное средство положить конец этой войне сообщил его вождям консервативных партий, которые заявили, что принимают подобную развязку. Но республиканские члены правительства оказывают этой сделке тем более решительное сопротивление, что на их сторону встало правительство (?) Павиа, утверждающее, à la Прим, что Бурбоны никогда более не будут править в Испании. Отсюда полный раскол внутри кабинета и весьма серьезный кризис. Так как присутствие маршала Серрано в Мадриде стало необходимым, то он наметил маршала Конча, последнего министра королевы Изабеллы, в качестве своего возможного заместителя при армии. Волнение среди противников комбинации в пользу Альфонса таково, что генерал Павиа может не допустить Серрано в Мадрид, если он явится с намерением осуществить этот план умиротворения. Сообщу подробности со следующей оказией.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде Александру II.

Депеша № 23.

9 июня (28 мая) 1874 г.

Государь.

В своем почтительнейшем донесении от 18 (6) мая я сообщил о манифесте, с которым кабинет маршала Серрано обратился к нации для извещения ее о консервативном, однородном и примирительном характере нового министерства.

Сегодня министр иностранных дел получил от правительства распоряжение переслать этот документ испанским посольствам для того, чтобы они могли разъяснить иностранным дворам идеи, которыми новый кабинет будет вдохновляться в своих внешних сношениях, а также его оценку своего особого положения в отношении иностранных держав.

Этот документ очень обширен, недостаточно соответствует дипломатическому стилю, обдуманно прибегает к парламентскому языку и излагает факты так, чтобы овладеть общественным мнением Испании. Я считаю возможным ограничиться указанием на его основные пункты, объясняющие цель его сообщения, которое поручено испанским посольствам.

Правительство маршала Серрано изображает прежде всего трудности, которые Испании пришлось преодолевать внутри, именно:

бороться с карлистами, сдерживать колониальное восстание на Кубе, усмирять республиканцев-федералистов, создавших кантональное правительство в Картахене, победить беспокойный дух и разрушительные доктрины политических партий и, наконец подавить демагогическую разнузданность в соответствии с требованиями общественного мнения.

Правительство маршала Серрано полагает, что эту борьбу оно выдержало с мужеством и с успехом, выгоды которого почувствует весь мир, и что вследствие этого Европа должна была бы по справедливости оценить его деятельность в Испании, направленную к торжеству правого дела, в котором одинаково заинтересованы все страны. С этой точки зрения испанский министр высказывает сожаление по поводу того забвения и одиночества, в котором иностранные кабинеты оставляют его правительство. Он полагает, что после того как он проявил себя поборником порядка, свободы и прогресса, Европа не должна была бы оставаться совершенно безразличной к тому благоприятному результату, которого он достиг в этих трех отношениях, и что его усилия, увенчавшиеся успехом, должны были бы привлечь к нему сочувствие всех кабинетов и в результате улучшить его дипломатические отношения с ними.

Указанный документ оканчивается следующими словами: «укрепив таким образом общественный порядок, восстановив принцип власти и подавив анархию, испанский народ, выйдя вскоре из исключительного и временного положения, в котором он находится, найдет нравственный и материальный порядок достаточно упроченным, чтобы позволить ему совершенно свободно и при полном пользовании представительными учреждениями высказать свои истинные суждения о будущей форме правления».

При наличии этого заявления и накануне использования всемилостивейше пожалованного мне высочайшего разрешения отправиться на германские курорты для лечения, я счел полезным в интересах служения государю подробнее выяснить идеи и проекты маршала Серрано относительно судеб вверенной ему страны. При частном свидании с ним, состоявшемся в связи с моим предстоящим отъездом, маршал мне сказал, что он счел бы счастьем для себя, если бы его императорское величество узнал об его усилиях образовать правительство, знаменующее порядок, силу, авторитет, единение и умеренность; что он приобрел убеждение в необходимости держать разрушительные элементы радикалов и республиканцев всех оттенков вдали от власти вследствие того, что Испания является по своему духу истинно консервативной и глубоко монархической страной, что он даст нации возможность высказаться относительно этого как можно более свободно, но что сейчас он не в состоянии предусмотреть, в каком

разрешении династической проблемы выразится стремление народа вернуться к своим традиционным принципам. «Я буду стремиться,—добавил маршал,—дать стране и легальное положение, в котором она обретет свою созидающую и органическую силу; в этих целях я не оставлю враждебным партиям никакой возможности развращать общественный дух или отвращать его от истинных его склонностей; для этого я обладаю как достаточными средствами, так и силой воли, которые я буду применять в указанном направлении с упорством и энергией. Я буду бороться до последней крайности с анархией и демагогией и надеюсь, что в этой борьбе мы окажемся более счастливыми, чем в горной войне, в которой постоянное усовершенствование нового вооружения дает огромные преимущества обороне по сравнению с наступлением».

Я ответил маршалу Серрано, что, поскольку он признается в обладании достаточными средствами и силой воли для доведения дела восстановления до благополучного завершения, то можно будет лишь одобрить то упорство и твердость, которые он применит для его достижения.

Кудрявский.

Канцлер первому секретарю миссии в Мадриде Сидоровичу [1]).

Проект шифрованной депеши № 94. 26 (14) августа 1874 г.

Получил донесения №№ 38—42.

Вы знаете из моей телеграммы, что признание Россией отложено, несмотря на настояния Германии и Австрии. По нашему мнению, власть маршала Серрано не обладает еще легальным основанием в собственной стране. Наши действительные мотивы сводятся к этому, а отнюдь не проистекают из симпатии к карлистам, как это может казаться. Его императорское величество одобряет ваши рассуждения и ваши заключения, содержащиеся в № 38.

Продолжайте занимать официозную, нейтральную и беспристрастную позицию, не высказываясь в пользу ни одной партии.

[Горчаков].

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 68. 23 (11) октября 1874 г.

Г. управляющий.

Я вернулся к своему посту, известив об этом министра иностранных дел посредством записки, в которой я высказал благодарность за преду-

[1]) На подлиннике помета Александра II: «Быть по сему».

предительность, оказанную мне во время моей поездки. Г. Уллоа ответил на это следующим образом: «Добро пожаловать. Мы ничего не сделали, чтобы заслужить вашу признательность [1]). На внимание, проявленное по отношению к вам властями, вы имели право по двум основаниям: во-первых, лично и затем — по вашему положению, которое я весьма уважаю и почитаю, хотя оно, говоря дипломатически, пока еще не таково, как мы желали бы».

Усмотрев из этого, что прием, который я имел право ждать у правительства при настоящих условиях, не оставляет желать лучшего, я нанес на следующий день после этого обмена личных любезностей визит министру иностранных дел. Его прием был самым сердечным. Он высказал мне удовлетворение по поводу моего возвращения, прибавив о существовании втечение некоторого времени опасения, что оно также будет отсрочено, и указав на искреннюю радость правительства при получении уверенности в моем возвращении. Итак мое положение в отношении правительственной партии прочно установлено; оно таково теперь, как и раньше.

При этом случае я предупредил г. Уллоа, что на следующий день я рассчитываю посетить маршала Серрано, герцога де ля Торре.

Герцог принял меня самым дружеским образом и, сказав несколько вступительных слов, продолжал по французски буквально следующим образом: «Я понимаю и вполне отдаю должное решению его императорского величества отсрочить признание. Я отдаю себе отчет во всех встречаемых им в этом деле трудностях. При данном положении вещей и при том как оно было ему представлено император был прав поступить так, как он поступил [2]). Естественно, я желал бы другого решения. Но при наличии принятого его величеством решения следует отнестись с уважением к его независимости и достоинству, во всей их полноте. Я вам повторяю, я убежден, что император в его положении не мог действовать иначе, и, положа руку на сердце (причем эти слова он подкрепил жестом), скажу, что на его месте я поступил бы точно так же. Именно с этой точки зрения я предложил нашим министрам рассмотреть положение. Они сделают все возможное, чтобы оказаться достойными достигнутого результата. После военных успехов, на которые мы надеемся, мы постараемся созвать кортесы. Я не могу точно определить момент, когда это произойдет. До тех пор мы будем пытаться удержаться, но, в особенности, — правильно действовать».

Ваше превосходительство убедится из этих слов, которые были сказаны просто и убежденно, что я точно следовал той точке зрения,

[1]) На полях помета Александра II: «Он, по крайней мере, отдает себе должное».

[2]) На полях помета Александра II: «В самом деле!»

которая так искусно была намечена и изложена в вашем частном письме от 20 сентября [1]. Я льщу себя надеждой, что тем лицом, к которому она более всего относится, она была схвачена, понята и истолкована в соответствии с идеей императорского кабинета.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 69.

23 (11) октября 1874 г.

Г. управляющий.

Благодаря моей беседе с министром иностранных дел о позиции, занятой императорским кабинетом в вопросе нынешнего дня, категорически поставленная тема о непризнании оказалась, к нашему взаимному удовлетворению разъясненной и исчерпанной.

В дальнейшем г. Уллоа распространялся на тему о внутреннем положении правительства.

Он обрисовал мне трудности, с которыми ему приходится бороться.

Предметом нашего долгого разговора явились последовательно интриги партий, радикальной и республиканской, их злая воля, разрушительные стремления и предательские махинации, ненадежное положение Испании, желание ее теперешнего правительства казаться решительным, энергичным и сильным, но особенно его военная позиция в отношении карлистов.

Что касается вопроса о карлистах, то г. Уллоа мне сообщил, что правительство считает его вопросом жизни, вопросом существования, «to be or not to be» [2]. По мнению министра иностранных дел, возможность сомнительного исхода его дела была бы устранена и ему был бы скорее обеспечен успех, если бы Франция пожелала исполнить вдоль границы по Пиренеям, особенно после акта признания, обязательства, возлагаемые на нее с этой стороны правилами доброго соседства.

Г. Уллоа не скрыл от меня напряженного состояния отношений между правительствами маршала Мак-Магона и маршала Серрано. Постоянные протесты последнего против терпимости французских властей на юге портят взаимные отношения. Они сделали их в настоящий момент тем более ненадежными, что испанское правительство предполагает, по его мнению — не без основания, что произошло сближение

---

[1]) Старого стиля.

[2]) «Быть или не быть».

между воззрениями на этот вопрос французского и английского кабинетов. Подобная позиция естественно обяжет Испанию обратить свои взоры в вопросе ее существования, как его называет г. Уллоа, в ту сторону, где к ней проявляют больше всего интереса, но он будет пытаться устранить, по силе возможности, из этих затруднений то раздражение, в превращении которого в настоящую вражду Франция, конечно, не заинтересована и к чему она не стремится.

Подойдя к этому пункту разглагольствований министра иностранных дел, я должен сообщить вашему превосходительству о визите, нанесенном мне в день моего приезда британским посланником Лейардом.

Он мне говорил с некоторым изумлением о крайнем возбуждении умов в Мадриде и по всей стране при виде той рассчитанной и намеренной вялости, которую проявляет французское правительство в исполнении своих международных обязанностей и которую испанцы принимают за прямое поощрение дела карлистов или за вызов.

В отношении этого г. Лейард мне сказал, что когда он недавно, совместно с французским послом, задавал запросто маршалу Серрано разные вопросы, связанные с этой проблемой, то глава правительства обещал им соблюдать при регулировании взаимных отношений по границе вдоль Пиреней все возможное миролюбие, осмотрительность и умеренность. Но, когда он собрал своих министров, чтобы с ними об этом поговорить, то оказалось, что некоторые высказываются с живостью, свойственной испанскому характеру, и весьма решительно — в том смысле, что, ввиду поддержки некоторых держав, на которые можно рассчитывать, нет надобности применять в отношении Франции столько осторожности.

Таким образом, в самом правительстве мы видим, с одной стороны, обещание осторожности и мудрости, а с другой — безрассудную надежду на поддержку, я думаю — моральную тех, которые, по предположению испанцев, с их впечатлительной натурой, совершили акт признания с какой-то иной целью, чем придание правительству маршала Серрано влияния и твердого положения внутри страны, что являлось их единственным намерением.

Я считаю нужным отметить вашему превосходительству эти противоречивые тенденции внутри самого испанского кабинета для того, чтобы, зная об их существовании, вы могли следить за вполне возможным появлением более или менее открытых выступлений со стороны тех, кто недостаточно предвидел естественное влияние быстрого признания на настроение испанцев, долго предоставленных своему собственному воображению и считающих, что некоторые державы склонны отныне это признание поддерживать.

Я должен еще упомянуть, что г. Лейард сказал мне во время своего посещения, что те уступки, на которые подчас склоняется герцог Деказ под влиянием представлений испанского посла в Париже, нередко оказывается затруднительным осуществить вследствие неуместного вмешательства германского посла. Когда маркиз де ла Вега де Армихо выходит из кабинета французского министра, получив полуобещание, то германский посол приходит с властным видом требовать того же обещания, что затрудняет осуществление проявленных самим герцогом Деказом добрых намерений.

В столь критическом положении, которое отмечает прежде всего сам граф Шодорди, следует рассчитывать на то, что духу примирения и умеренности, проявляемому маршалом Серрано и г. Уллоа, не помешают многочисленные затруднения.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Депеша № 71. 2 ноября (21) октября 1874 г

Г. управляющий.

Партия Альфонса в Испании делится на три группы — в соответствии с их более или менее либеральными, конституционными или парламентарными оттенками.

Эти группы объединились с целью отметить 29 (17) ноября, — день, когда сыну королевы Изабеллы исполнится 17 лет, — путем единодушного поздравления и выражения пожеланий в отношении судьбы этого принца в ближайшем будущем.

Независимо от того, по собственному ли вдохновению или по приказанию действуют эти группы, каждая из которых надеется превратить своего кандидата в короля в своем собственном вкусе, они, во всяком случае, выжидают этого дня как случая, при котором он займет положение в политической жизни страны. Вся партия льстит себя надеждой, что при этой манифестации ответ принца, вследствие зрелости его ума, будет иметь значение исповедания веры, а в отношении европейских держав — значение настоящего манифеста.

Правительство знает о подготовляющейся демонстрации. Маршал Серрано уже сказал по этому поводу, что если принц Альфонс имеет намерение своим поведением и заявлением сыграть роль примирителя партий, то он не возражает, но если принц будет лишь в собственных интересах восстановлять монархию, то он окажет ему решительное противодействие.

Дело в том, что маршал Серрано рассматривает акт признания как личное дело, которое относится именно к нему, и как путь к деценату или септенату, который в отношении Испании в силу своей не-

оформленности и неопределенной продолжительности, может согласоваться с последующим планом державы, взявшей на себя инициативу признания.

Эта мысль маршала Серрано подкрепляется отсутствием какого-либо упоминания об испанских делах в тронной речи, произнесенной недавно германским императором при открытии рейхстага. По этой же причине он не слишком возражает тем из министров своего правительства, которые наиболее горячо стремятся вручить судьбу Испании в руки берлинского кабинета.

Во взаимных отношениях Испании со смежной державой по вопросу о гражданской войне замечается небольшое улучшение. Оно вызвано духом осторожности и рассудительности, проявляемым французским правительством на границе, занимаемой карлистами. Претендент получает в виде оружия и боевых припасов такую же, как и раньше, помощь, размер и происхождение которой не поддаются действительному контролю французских властей, но они демонстративно принимают иногда репрессивные меры, вызываемые обстоятельствами, чтобы не обосновывать чрезмерных протестов со стороны Испании, находящейся в отчянном положении.

Действительно, втечение четырех месяцов не было даже приступлено к столько раз объявлявшемуся плану выступления против карлистов. Из последнего набора в 120 000 человек в правительственную армию вступило немногим более половины; вооружение, разыскиваемое правительством в Соединенных Штатах, заставляет себя ждать самым плачевным образом; денег у правительства нет совершенно; генералы лишены способностей; офицеры, по собственному признанию маршала Серрано, питают отвращение к своему делу, а солдаты далеко не проявляют того увлечения и преданности, которые необходимы для окончания этой роковой войны. Она ведется по границе около Пампелуны. Карлисты ее окружили и рассчитывают добиться ее падения благодаря голоду. Одновременно они готовятся к нападению на Ирун. Захват этого пограничного места дал бы им непосредственное соединение с Байоной. Правда, они потерпели неудачу в провинциях, лежащих по Средиземному морю. Брат претендента, действовавший в этих областях, был даже принужден покинуть родину и укрыться во Франции. Но карлисты проявляют значительно большие стратегические способности, чем правительство, а их смелость парализует все усилия последнего добиться успехов.

Таково, в основном, положение страны, которую акт признания должен был как по волшебству спасти от бедствий и которую маршал Серрано еще рассчитывает вывести из этого прискорбного положения, в которое она попала. Кудрявский.

Посланник в Мадриде вр. управляющему мин. иностр. дел Вестману.

Во взаимных отношениях Испании и Франции уже наблюдалось восстановление удовлетворительного согласия и добрых намерений на Пиренейской границе, когда один прискорбный факт чуть, было, не поколебал в одно мгновение согласие, едва нарождающееся между обеими странами.

Излагая вкратце это событие, я позволяю себе лишь заметить, что внешняя политика правительства, подобного испанскому, которое отброшено далеко за пределы своих вековых традиций, не соответствует обычаям или рассудку.

Маршал Серрано устраивает в салонах помещения президента еженедельные собрания. На одном из этих последних приемов маршал, принимая британского посланника, прибывшего первым, проявил такие признаки раздражения и горячности, которые совершенно не соответствуют обычной мягкости его характера. Он сделал резкий выпад против махинаций французского посла со сторонниками Альфонса, причем уверял г. Лейарда, что он ожидает появления в своем салоне графа Шодорди, чтобы выразить ему в резкой форме возмущение свое и всех своих министров по поводу заговора сторонников Альфонса, которому, по его мнению, посол содействует и покровительствует.

Г. Лейард, прилагающий всегда большие старания к сглаживанию шероховатостей в поведении испанского правительства в отношении Франции, пытался успокоить маршала Серрано, указывая ему на необычность такого выпада и на те ближайшие последствия, которые он мог бы повлечь. После долгого спора относительно неуместности такого поступка президент, поддерживая все же мнение, что посол заслужил своим поведением возвращения ему паспортов, подобно тому, как это сделал Нарваес с сэром Генри Балвером (Bulwer), тем не менее обещал сдержаться, прибавив однако, что он не может не дать почувствовать графу Шодорди тревогу, которую внушает правительству его единение со сторонниками Альфонса.

После того как посланник Англии отвратил таким образом грозу, мог быть предотвращен в разговоре французского посла с маршалом Серрано тот взрыв, который этот последний имел твердое намерение вызвать.

Подозрения маршала Серрано и его министров основываются исключительно на том предположении, что представитель Франции имел будто бы тайное совещание со сторонниками Альфонса, и что совсем недавно он обедал в обществе г. Кановас дель Кастильо, главного вождя преступной партии.

Но этот так называемый заговор был явно ничем иным, как случайной встречей, и можно было точно таким же образом обвинить в подобных же махинациях графа Гатцфельда, потому что он запросто встречался с маркизом Алканнисес или с маркизом Бедмаром, которые являются известными деятелями партии Альфонса. Но раздражение испанского правительства против Франции так велико, что достаточно было простого обмена любезностями между графом Шодорди и г. Кановас дель Кастильо для возбуждения подозрительности маршала Серрано.

Для полноты изложения прибавлю, что на следующий день после вышеописанного происшествия гражданский губернатор Мадрида вызвал к себе руководителей партии Альфонса и заявил им, что если в наступающий день рождения их принца они вызовут какую-либо манифестацию, то правительство будет без колебания действовать против них с самой решительной твердостью. Говорят, что им грозили даже немедленной ссылкой.

Ваше превосходительство можете убедиться из всего предшествующего, что отношения между Испанией и Францией по существу крайне напряженны, несмотря на учтивость и безобидность образа действий графа Шодорди. В момент, когда этого будут меньше всего ждать, они могут быть порваны под простым предлогом или из-за какого-нибудь подозрения, что, без сомнения, объясняется существованием тщетных надежд.

Граф Шодорди отправил с курьером сообщение своему правительству о любезном обхождении, которое он испытал в обстоятельствах излагаемых в настоящем донесении.

Кудрявский.

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову [1]).

Секр. телеграмма.

30 (18) декабря 1874 г.

Центральная армия восстала близ Валенсии в пользу принца Альфонса. Правительство решило выступить против нее без Серрано, который должен сегодня около Пампелуны дать битву карлистам. Радикальная и республиканская партия обещали правительству поддержку. В Мадриде еще спокойно.

Кудрявский.

---

[1]) На подлиннике помета Александра II: «Прекрасно!»

Посланник в Мадриде госуд. канцлеру кн. Горчакову [1]).

Телеграмма № 566.

1 января 1875 г. (20 декабря 1874 г.).

Северная армия и гарнизон Мадрида высказались в пользу Альфонса. Правительство Серрано исчезло. Кановас дель Кастильо занят тем, чтобы образовать кабинет без пролития крови. В Мадриде спокойно, огромное ликование, полный порядок.

Кудрявский.

Сообщение испанской миссии в Петербурге росс. министерству иностр. дел.

2 января 1875 г. (21 декабря 1874 г.).

Аккредитованный здесь посланник Испании, г. Муруага, получил нижеследующую телеграмму:

«Министр иностранных дел полномочному посланнику Испании в С.-Петербурге.

Северная и центральная армии, мадридский и провинциальные гарнизоны провозгласили дон-Альфонса Бурбонского королем Испании. Как столица, так и провинциальные города приняли это известие с неописуемым восторгом. Министерство, на которое возложено регентство, сформировано следующим образом: председатель совета министров — Кановас, министр иностранных дел — Кастро, министр внутренних дел — маркиз Молинс, военный министр — Ховильяр.

Правительство получило от главнокомандующего северной армии, маршала Серрано, следующую телеграмму: «Логроньо, 31. Горячо вас поздравляю от имени северной армии. Я лично в высшей степени удовлетворен.

В момент, когда мы все становимся под знамя законной монархии, представленной дон-Альфонсом XII, позвольте мне быть выразителем горячих пожеланий северной армии о том, чтобы отныне это знамя служило не какой-либо партии, а явилось эмблемой восстановления родины и символом для всех тех, у кого нет иного культа, кроме преданности порядку и свободе» [2]).

Благоволите сообщить изложенное правительству, при коем вы аккредитованы.

Маркиз Молинс.

---

[1]) На подлиннике помета Александра II: «Прекрасно! Что скажет об этом наш друг Бисмарк?»

[2]) На подлиннике помета Александра II: «Это было бы превосходно, если бы эти слова не исходили от того же лица, которое опрокинуло два предшествующих правительства».

К истории разгрома вооруженных сил Колчака.

Публикуемые ниже документы представляют собой краткие отчеты о боевых действиях 27-й стрелковой дивизии на Восточном фронте в период операций по окончательному разгрому вооруженных сил «верховного правителя» Колчака с начала ноября 1919 г. по январь 1920 г. В этих операциях 27 дивизия сыграла совершенно исключительную роль, и в ознаменование заслуг ее перед революцией, за освобождение Сибири от гнета Колчака, за взятие его столицы г. Омска, дивизии было вручено от ВЦИК Почетное Красное знамя (15/II 1920 г.). За боевые заслуги дивизия была награждена (15/XII 1920 г.) Почетным Красным знаменем Сибирским революционным комитетом (Сибревкомом). Приказом РВСР № 2797 (559) дивизия была переименована в О м с к у ю (приказ по дивизии № 60 от 4/III 1920 г.).

Сухость языка воспроизводимых отчетов и их узко оперативная сущность не передают всего величия боевой работы 27 дивизии и обстановки, в которой она протекала, но несмотря на это научно-документальная ценность их значительна. Написанные непосредственно после описанных боев, отчеты эти носят на себе отпечаток суровой эпохи ожесточенной классовой войны, из которой пролетариат под руководством большевистской партии вышел победителем.

Уже до начала периода, описанного в публикуемых документах, колчаковщина быстрыми темпами шла к своему концу. Политика колчаковщины не нашла никакой опоры в трудовых массах Сибири. Чехословацкий корпус, находившийся в тылу колчаковских армий, еле сдерживал напор партизан и с трудом охранял основную коммуникационную линию колчаковских армий — Сибирскую железнодорожную магистраль.

Подпольные большевистские организации Сибири развили в тылу Колчака кипучую деятельность, организуя восстания в ряде городов навстречу приближавшимся частям Красной армии.

В этой обстановке главное командование Красной армии поручило преследование отступавших вооруженных сил Колчака 3 и 5 армиям Восточного фронта.

Омской операции, которой посвящен первый отчет, предшествовали ожесточенные бои за обладание сильным водным рубежом р. Тобол, на котором агонизирующая, жестоко потрепанная в период борьбы за Урал, армия Колчака пыталась задержать стремительное наступление Красной армии, стянув для этой цели из глубокого тыла значительное количество свежих формирований, резервные и запасные части.

14 октября Красные армии Восточного фронта, несмотря на упорное сопротивление, проявленное особенно на участке 27 дивизии, форсируют р. Тобол и вскоре, неотступно преследуя отходящие армии Колчака, овладевают вторым оборонительным рубежом по р. Ишим. Получив энергичный удар под гор. Петропавловском (на р. Ишиме), армии Колчака безостановочно покатились на восток, преследуемые Красной армией, которая своим непрерывным, молниеносным наступлением не давала опомниться разгромленному, но еще сильному противнику. Красные бойцы, горевшие стремлением скорее добить ненавистного Колчака, творили чудеса героизма и выносливости в необычайно тяжелых условиях сибирской зимы. «Красноармейцы и командный состав 27 дивизии, — говорится в одном из отчетов, — несмотря на крайне тяжелые условия (голод, грязь, недостаток обмундирования и снаряжения, громадность переходов с боями, малочисленность в частях), сражались, как львы, не считаясь с усталостью и численным превосходством противника, восполняя недостаток сил и средств стремительностью, отвагой и уменьем».

Стремление захватить г. Омск, этот политический и стратегический центр колчаковщины, было необычайно велико у красных бойцов и командиров. Оно вызвало у них широкую инициативу, активность и дух боевого соревнования.

О темпах наступления красных можно судить по тому, что, в среднем, 27 дивизия, действовавшая на главном операционном направлении вдоль Сибирской ж.-д. магистрали, делала в сутки переходы с боями по 30—40 верст. А в последний переход к Омску части дивизии сделали б е з о т д ы х а 105 верст. Почти на плечах белых бойцы 27 дивизии, форсировав р. Иртыш, врываются в г. Омск, захватив в нем огромные запасы разного рода имущества и свыше 10 тысяч пленных.

Остатки колчаковской армии, утратившей после взятия Омска всякую способность к активным действиям, разбившись на несколько групп, поспешно бегут на восток, охватываемые кольцом красных войск и местных партизанских отрядов. Не помогает гибнущей армии Колчака и последняя попытка задержаться на мощном оборонительном рубеже — р. Оби.

Победоносному наступлению Красной армии способствовало нараставшее с каждым днем, каждым часом разложение в рядах колчаковцев. Планомерный в начале отход колчаковских частей вскоре превращается, под стремительным натиском Красной армии, перешедшей на параллельное преследование, в беспорядочное бегство.

27 дивизия, получив задачу «не выходить из соприкосновения с противником», делая 40-верстные переходы, форсирует р. Обь и 13 декабря овладевает районом Новониколаевск — Барнаул, захватив до 40 тысяч пленных и колоссальную военную добычу, произведя окончательный разгром живых сил и материальных средств Колчака.

Разложение военных сил колчаковщины после этой операции пошло еще быстрей. Солдаты начали целыми полками сдаваться в плен, убивая своих офицеров. Усиливается разлад в самой верхушке командования Колчака.

Между тем Красная армия увеличивает свои ряды за счет притока огромного количества местных партизан. Действия красных партизан, самостоятельно образовавших

фронты в тылу и на левом фланге белых, значительно облегчали задачу ликвидации армии Колчака.

Командование Восточным фронтом, учитывая полную небоеспособность колчаковцев, отводит 3 армию в тыл и дальнейшее преследование главных сил колчаковской армии поручает одной 5 армии, в составе которой находилась 27 дивизия. Фактически решительные операции по добиванию вооруженных сил Колчака пали на долю одной этой дивизии.

Продолжая преследование противника в направлении на Тайгу, 27 дивизия встретила у ст. Литвиново 29 декабря сопротивление частей Польской дивизии, находившейся в хвосте союзнических войск, выбиравшихся из Сибири. После упорного боя противник был выбит из укреплений и оставил в руках красных бронепоезд и 18 полевых орудий. На другой день дивизия занимает ст. Тайга.

В наши руки попали громадные трофеи: до 8 000 пленных, 2 бронепоезда, 40 орудий, 100 пулеметов и т. д.

Дальнейшее преследование разгромленного противника возлагалось на 30 дивизию, но, в виду опоздания с выходом этой дивизии из района Томска на железную дорогу, 27 дивизия переходит в наступление и 28 декабря занимает г. Мариинск, захватив в нем до 5 000 пленных, 6 орудий и 20 пулеметов. Со взятием Мариинска 27 дивизия поступила в армейский резерв.

По ликвидации Восточного фронта 27 Омская дивизия была переброшена на белопольский фронт. В 1921 г. она участвовала во взятии Кронштадта и в том же году в ликвидации бандитизма в Поволжье. Дивизия имеет своим шефом итальянскую компартию и теперь называется 27 Стрелковая Омская имени итальянского пролетариата дивизия».

Публикация заканчивается подробным оперативным отчетом о боевых действиях Кокчетавской группы Восточного фронта по очищению ею района Кокчетав — Акмолинск.

С отходом белых от Омска ген. Дутову, оперировавшему со своей армией в районе Кокчетав — Акмолинск, была дана директива действовать на тылы наступавшей Красной армии. Для ликвидации этой армии белых, насчитывавшей 30 тысяч человек, красное командование Восточным фронтом выделило специальную группу в составе 59 дивизии, Крепостной бригады, Степной бригады и Кавдивизии, под общим управлением нач-дива 59.

Получив 14 ноября задачу очистить от белых район Кокчетав — Акмолинск, Кокчетавская группа быстро и успешно ее выполняет, уже 26 ноября заняв частями группы Кокчетав и через два дня — Акмолинск. По окончании операции Кокчетавская группа, согласно директивы командования Восточным фронтом от 30 ноября, снова переходит в непосредственное подчинение Восточного фронта.

Таким образом, в ноябре — декабре 1919 г. вооруженные силы колчаковщины были окончательно разгромлены. Жалкие остатки колчаковских армий в феврале 1920 г. были отброшены за Байкал и скоро окончательно уничтожены. Ставка мировой буржуазии на диктатуру Колчака была полностью бита трудящимися первой в мире Советской республики. Красной армии рабочих и крестьян принадлежит великая заслуга в деле

ликвидации буржуазно-помещичьей контрреволюции. «Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, т. е. от помещиков и капиталистов, — писал В. И. Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», — нам нужна мотучая Красная армия. Мы доказали не словами, а делом, что мы можем создать ее, что мы научились управлять ею и побеждать капиталистов, несмотря на получаемую ими щедрую помощь оружием и снаряжением от богатейших стран мира. Большевики доказали это делом» [1]).

Л. Андреев.

1.

Начоперупрарму 5 [2]).

Во исполнение вашей телеграммы № 437/0 при сем препровождаю краткое описание Омской операции.

Причем присовокупляю, что описание операции дано на основании личных воспоминаний и неполных исторических документальных данных, случайно сохранившихся в штадиве (все исторические документы и реляции боевых операций дивизии сданы уже в штарм).

Наштадив 27 [подпись].
Вр. и. д. военком [подпись].

Омская операция

в описании действий 27-й стрелковой дивизии [2]).

Описание Омской операции переносит нашу мысль в тот период времени, когда 5-я армия за вынужденный, полный тяжких испытаний отход к Тоболу ответила противнику решительным контр-наступлением, завершившимся 30 октября 1919 года взятием города Петропавловска.

Общая обстановка на фронте армии складывалась в это время в следующем виде (схема № 1) [3]): 26-я дивизия производила форсирование реки Ишима на участке Ново-Явленный — Ново-Никольский. Севернее ее Кавдивизия пыталась выполнить ту же задачу. Далее 2-я бригада 35-й дивизии пыталась форсировать р. Ишим на участке Ново-Каменский — Бишкульский; 1-я бригада 35-й дивизии вела бои за обладание гор. Петропавловском, занимая вокзал, восточную окраину города и далее к северу до Ново-Павловский,

[1]) В. И. Ленин. Сочинения, 1 изд., т. XVII, стр. 301.

[2]) На подлиннике штамп: «Р. С. Ф. С. Р. Начальник штаба 27-й Стрелковой дивизии 5-й армии. 16 апреля 1920 г. № 256/0. Г. Минусинск». (Архив Красной армии).

[3]) Эта и другие схемы нами не воспроизводятся. *Ред.*

где имелась связь с левофланговыми частями 5-й дивизии. Последняя обеспечивала левый фланг 5-й армии и поддерживала связь с 3-й армией (30 див.), наступавшей с фронта р. Ишим по магистрали Ишим-Омск. 27-я дивизия, снятая с левого фланга армии, сосредоточивалась в Петропавловске.

Со стороны противника на фронте 5-й армии по главной Сибирской магистрали действовала 3-я Сибирская армия генерала Сахарова в составе Уральской, Волжской и Уфимской групп; южнее ее действовала Степная группа генерала Лебедева. По магистрали Ишим — Омск действовала 2-я армия генерала Лохвицкого. Части 1-й армии в конце октября месяца выведены были в резерв и сосредоточивались в районе Томска, Мариинска и Красноярска.

3 ноября 27-я дивизия, сменив часть 1-й бригады 35-й дивизии в районе железной дороги, энергичным наступлением 3-й бригады сломила упорное сопротивление противника и вынудила его отступить и отказаться от мысли вернуть Петропавловск. К 3 ноября 3-я бригада заняла район Полуденная. К этому времени выдвинулись остальные бригады, и дивизия заняла следующее исходное положение для предстоящей операции против Омска (схема № 2): 3-я бригада — 241 Крестьянский полк Полуденная, 242 Волжский полк — восточнее ст. Тукуши, 243 Петроградский полк сосредоточивался на ст. Тукуши; 1-я бригада — 236 Оршанский полк — Лобановская, 237 Минский полк — Ольгино, 235 Невельский полк — Бугровое; 2-я бригада (238 Брянский, 239 Курский и 240 Тверской полки), составляя дивизионный резерв, сосредоточивались в районе Метличное, Нов.-Никольский.

Боевой состав дивизии выражался в следующих цифрах:

1-я	бригада	1043	штык.,	127	сабель,	53	пулем.,	8 трех-дюйм. оруд.
2-я	»	800	»	85	»	39	пулем.,	4 » »
3-я	»	2160	»	98	»	61	»	7 » и 1—42 л.

3-ей бригаде были приданы бронепоезда: «Мститель» (12 пул., 4 ор.), «Красный сибиряк» (24 пул., 2 оруд.). В общем дивизия располагала: около 4-х тысяч штык., 310 саб., 189 пул., 26 орудий.

Справа 27-й дивизии 36-я дивизия (в составе 2-х бригад) занимала фронт М. Чулак — п. Раево. Слева 5-я дивизия (в составе 2-х бригад) выходила на фронт Шелегина — Усовское — Беляева.

Со стороны противника на фронте дивизии к этому времени отмечены были следующие действующие части (схема № 2):

1) Ижевская дивизия (Уральской группы) в составе 1, 2, 3 полков, общей численностью около 850 штык., с 5-ю 3-ю дюйм. орудиями; при дивизии действовали 10 и 11 Сибирские казачьи полки 4-й Сибирской казачьей бригады, общей численностью около 300 сабель.

2) 1-я Самарская дивизия (Волжской группы) в составе 1, 2, 3 полков, общей численностью около 600 штыков с 4-мя орудиями.

3) 13-я Казанская дивизия (той же группы) в составе 49, 50 и 51 полков и егербата, общей численностью около 900 штыков, с 6-ю орудиями; при дивизии действовал кавдивизион, численностью около 180 сабель.

4) 4-я Уфимская дивизия (Уфимской группы) — 13, 14 и 15 полки и егербат, общей численностью около 1 200 штыков, с 8-ю орудиями; при дивизии действовала 3-я Оренбургская казачья бригада (3 и 6 каз. полки), около 300 сабель.

По железной дороге действовали три бронепоезда («Кондор», «Забияка» и «Дедушка»), вооруженных 6-ю орудиями. Итого, противник держал в боевой линии на главном операционном направлении около 3550 штыков, 780 сабель, 29 орудий, не считая остальных дивизий этих групп, которые были выведены в ближайший тыл и составляли тактические резервы групп. Всего в 3-й Сибирской армии насчитывалось около 11—13 тысяч штыков и сабель. Общее моральное состояние духа войск противника, несмотря на отход от Тобола и Ишима, было удовлетворительное.

Командарм 5, учитывая общий, хотя и медленный отход противника на фронте 2-х армий, в ряде директив потребовал от войск одновременного решительного наступления, имея конечной целью, разбив противника, овладеть городом Омском, базой противника и его политическим центром. Согласно директивы командарма № 1750/н, 27-я дивизия должна была наступать по главному направлению вдоль Сибирской железной дороги. На 35-ю и 5-ю дивизии по существу возлагалась задача обеспечить одновременным наступлением фланги 27-й дивизии.

Во исполнение директивы командарма об общем наступлении армии был отдан приказ по дивизии (№ 0144 и 0145) перейти 3 и 1-й бригадам 5-го ноября в решительное наступление, с выходом 8-го ноября на линию ст. Исиль-Куль — Лебяжья — Кабаний; 2-я бригада оставалась в дивизионном резерве и должна была двигаться на расстоянии полуперехода за левым флангом 3-й бригады.

5-го ноября в 16 час. 40 мин. 241 полк выступил из Полуденная и при поддержке 2-х бронепоездов повел наступление на Ганкин. который был занят частями Ижевской дивизии и 10 Сибирским казачьим полком при 5-ти орудиях; по железной дороге действовали два бронепоезда противника. После упорного трехчасового боя на подступах к деревне противник поспешно отступил к станции Медвежья, оставив свыше 100 пленных. Оправившись, противник решил восстановить утраченное положение и с рассветом 6-го ноября, в

составе трех полков Самарской дивизии, при поддержке [двух бронепоездов, повел наступление на 241 полк, занимавший д. Ганкин, с обходом его правого фланга. Две атаки противника были успешно отбиты 241 полком. Противник понес огромные потери и вынужден был отойти под прикрытие бронепоездов. В это время подошел к д. Ганкин 243 Петроградский полк. Совместным наступлением двух полков противник был опрокинут и вынужден был бежать. В 14 часов, без особого сопротивления со стороны противника, полками была занята станция Медвежья и захвачено около 400 пленных.

Одновременно 242 полк вел успешное наступление на д. Рявкино, в которой путем глубокого обхода и с юго-запада был окружен и разбит 49 Казанский полк, составлявший резерв Казанской дивизии. Взято было свыше 135 пленных и обоз полка; жалкие остатки полка разбежались в разных направлениях. Командир 242 полка, закрепив за собой обладание деревни и связь с 241 полком, пытался установить разведкой связь с правофланговыми частями 1-й бригады. По донесению разведки и из показаний пленных выяснилось, что остальная часть Казанской дивизии с боем отступает, под давлением 1-й бригады, из района дер. Бугровая в общем направлении на Зарослая. С рассветом 6 ноября командир полка двинул один баталион в направлении на д. Белая.

Положение на участке 1-й бригады было таково: части бригады начали наступление с вечера 5 ноября: 236 полк наступал на Зарослая; 237 полк, поддерживая связь с 43 полком 5-й дивизии (наступавшим на д. Краснова), после короткого боя занял в шесть часов Шелегино, захватив пленных 4-й Уфимской дивизии. Командир 237 полка тотчас же двинул один баталион на Краснова, а с двумя баталионами повел наступление на Зарослая с целью отрезать путь отступления противнику, отходящему под натиском 236 полка. Создавался опасный мешок для Казанской дивизии. К сожалению, слишком преждевременное появление разведки баталиона 242 полка в районе Белая вынудило противника, не задерживаясь в д. Зарослая, поспешно отступить через Правдинский на Чистый и тем избежать полного охвата. К вечеру 237 полк передовыми частями занял Правдинский, а 236 — Суворовский.

С рассветом 7 ноября 3-я бригада 241 и 243 полками перешла в дальнейшее наступление и, сбивая арьергардные части Казанской дивизии, заняла Чистый, а 8 ноября в 15 часов — Рославку. В 17 часов того же дня 242 полк занял без боя Лебежья.

В 16 часов 243 полк из Рославки повел наступление на Лосьева, а 241 в 17 часов 30 минут на ст. Исиль-Куль. Наступление бригады

производилось под покровом ночи. В 2 часа 9 ноября 241 полк незаметно окружил ст. Исиль-Куль и захватил в плен арьергард противника численностью около 200 человек различных частей. К рассвету 9 ноября 243 полк достиг Лосьева и завязал упорный бой с отходящими 14 и 15 полками 4-й Уфимской дивизии и 3 и 6 казачьими полками. В это время 242 полк, начавший наступление в 5 часов из Лебяжья на Первотаровский, незаметно окружил последний и нанес большие потери убитыми и ранеными 13 Уфимскому полку, находившемуся в этом поселке; остатки этого полка в панике бежали. Из опроса пленных выяснилось, что главные силы 4-й Уфимской дивизии около одного часа 8 ноября проследовали на Лосьева. Командир полка немедленно начал наступление на ст. Лосьева в обход с северо-запада с целью поддержать наступление 243 полка на эту станицу. Маневр 242 полка решил участь неравного боя 243 полка с противником. Последний, понеся огромные потери убитыми, ранеными и пленными, отступил на Салотопенный.

Части же 1-й бригады, поддерживая связь с 5-й дивизией, с небольшими боями с арьергардом противника успешно продвигались и заняли фронт Лебяжья — Кабаний. 2-я бригада сосредоточилась в районе станция Лебежья — Конюховский.

Становилось ясно, что противник совершает полный отход. Сближение двух операционных линий (которые сходились в Омске) отходивших 2-й и 3-й армий противника сокращало фронт 3-й Сибирской армии, а на левом фланге нашей дивизии было отмечено присутствие отходящих частей 2-й армии.

Учитывая общую благоприятную для нас обстановку, во исполнение директивы командара № 1759/н и в развитие приказа по дивизии № 0145, был отдан приказ 8 ноября в 20 часов (№ 0146) частям дивизии продолжать решительное наступление и 12 ноября занять двумя бригадами фронт Мариановка — Изб. Шуваева (схема № 3). Кроме того на 1-ю бригаду возлагалась задача наносить удары во фланг и тыл 2-й армии и производить набеги на железнодорожные станции. Для усиления левого фланга дивизии 1-й бригаде придавался из резервной бригады 239 полк.

Справа 35-й дивизии, успешно ведшей наступление, ставилась задача одновременно с нашей дивизией выйти на фронт п. Атабей-заимка Нако. 5-я дивизия, ввиду сближения операционных линий 3 и 5 армий, выводилась в армейский резерв в район ст. Исиль-Куль, и таким образом, наша дивизия должна была войти на левом фланге в связь с 30-й дивизией 3-й армии.

С рассвета 10 ноября 3-я бригада начала дальнейшее наступление движением 241 полка в направлении на ст. Кочубаева (ст. Моска-

ленки) и 243 полка на станицу Николаевская. Весь район от линии ст. Иск.. ь-Куль — Лосьева и далее на восток до ст. Кочубаева заполнен массой мелких хуторов, которые занимались казачьими частями противника; по железной дороге действовали бронепоезда противника. Полкам приходилось выдерживать со стороны противника чуть ли не из каждого хутора атаки в конном строю и набеги на тыл. Все же в 14 часов 243 полк занял ст. Николаевская, а в 23 часа 241 полк — Горький.

В 5 часов 11 ноября 241 полк повел дальнейшее наступление на Покровский с глубоким обходом его с юго-запада. Одновременно 243 полк повел наступление на пос. Волчий, который и занял в 9 часов, после непродолжительной перестрелки. Противник, не оказывая сопротивления, отступил на Покровский. Командир 243 полка направил один баталион для занятия ст. Кочубаева, а с остальными продолжал вести наступление в восточном направлении. В 11 час. ст. Кочубаева была нами занята и захвачены пленные 14 Уфимского и 44 Кустанайского полков; в 22 часа, после короткой перестрелки, были заняты хутора Буделевский, Леженкин, Николенко, откуда были выбиты конные части противника.

На рассвете 12 ноября части 241 полка, обойдя Покровский с юго-восточной стороны, сняли сторожевые посты противника и с криками «ура» атаковали станицу. Атака была настолько неожиданна и стремительна, что противник, бросая оружие, снаряжение, обозы и артиллерию, бросился спасаться к бронепоезду, стоявшему у станицы. Бронепоезд, повидимому, приняв свою бегущую пехоту за наступающего противника, намеревающегося атаковать его, открыл убийственный пулеметный артиллерийский огонь. Потери противника были велики: 48 Туринский полк почти был уничтожен. Захвачено свыше 200 пленных, два исправных 3-дюйм. орудия с полной упряжью, масса снарядов, патронов, винтовок и весь обоз полка.

К 5 часам 12 ноября 242 полк прибыл в пос. Буделевский. В 10 часов полк повел наступление на п. Курганский, который и занял в 20 часов, после короткого боя. Продолжая дальнейшее наступление, в ? часа 13 ноября полк после упорнейшего боя с 13 и 15 полками Уфимской дивизии, занял ст. Мариановка, захватив свыше 450 пленных и много других трофеев. К этому времени 241 полк занял хутор Ропп и Цибульский, имея связь с 35-й дивизией в заимке Нако; 243 полк эшелоном прибыл в район Курганский.

На участке 1-й бригады обстановка 10 ноября представлялась в таком виде: 236 полк занимал Тетерина, 237 полк — Николаевка, 235 полк, после продолжительного боя под дер. Водяное, занял ее и закрепился. 239 полк составлял бригадный резерв и находился

в Лукерьино. С рассветом 11 ноября 236 и 237 полки начали наступление с целью выхода на линию Лузино-Скобелевский.

235 полку приказано было нанести фланговый удар противнику, отходящему в юго-восточном направлении, наступлением на Драгунская. Задача полком была выполнена блестяще. Заняв Утичье двумя баталионами, командир полка повел наступление на Драгунская, к которой подошел одновременно и 3 баталион полка, направленный несколько ранее вместе с 237 полком на пос.Княжеско-Константиновский (из указанного пункта баталион наступал на Драгунская). В это время на д. Драгунская отходили части группы генерала Вержбицкого. Командир полка предпринял наступление одним баталионом с целью боевой разведки. Противник, очевидно, заметив малочисленность наступающего баталиона, сам обрушился на него. Благодаря находчивости командира полка и умелому ведению боя в течение двух часов сначала был разбит левый фланг противника, затем произведена быстрая перегруппировка баталионов и был сокрушен его правый фланг. Противник был обращен в беспорядочное бегство. Захвачены были сравнительно большие трофеи: 700 пленных 1 и 2 Штурмовых полков и других частей, один пулемет, масса винтовок и патронов.

12 ноября 236 полк повел наступление с целью овладеть пос. Орловским и произвести набег на ст. Любинская. После двухчасового боя посад Орловский был занят полком в 18 часов. Набег на ст. Любинская не пришлось произвести из-за большой усталости частей (переход был сделан в 30 верст); полк остановился на хуторах в 7—8 верстах северо-восточнее пос. Орловский.

К вечеру в Орловский прибыл 237 полк; 235 сосредоточился в Шуваева, имея связь с 267 полком (30 див.) в пос. Барятинский; 239 полк прибывал в пос. Орловский. Таким образом подготовлялись два кулака: один в пос. Орловский (239 и 237 полки) и второй — в районе железной дороги (236 и 235 полки). 2-я бригада 12 ноября двумя полками сосредоточивалась в пос. Покровский, причем ей было отдано дополнительное приказание к ночи сосредоточиться в Курганский. Таково было исходное положение нашей дивизии перед операцией по взятию города Омска.

Высшее командование противника решило упорно оборонять город Омск, для чего в 5—6 верстах западнее ст. Куломзино производились работы по созданию предмостного укрепления. Работы эти однако практическую пользу принесть вряд ли могли; были построены лишь голые окопы, а для жилья — землянок не было, и удержать бойцов в окопах можно было лишь до первого артиллерийского обстрела. Всецело надеяться же на реку Иртыш, как на серьезную

естественную преграду, не приходилось, так как температура все время падала, и с каждым днем ожидали, что Иртыш покроется льдом. Для обороны города и для прикрытия отходящих 3-й и 2-й армий были назначены довольно свежие дивизии — Екатеринбургская штурмовая (2-й армии) и Егерская образцовая (1-й армии) с присвоенной им артиллерией и с 4-й Оренбургской казачьей бригадой. Боевой состав обеих дивизий и бригады был около 2 000 бойцов, 400 сабель и 16 орудий. Моральное состояние этих частей считалось бодрым, и командный состав питал надежду, что с помощью этих частей удастся удержать за собой на несколько дней город и эвакуировать эшелоны с ценным военным имуществом.

12 ноября в 9 час. 40 мин. был отдан по дивизии приказ (№ 0147) окончательно разбить противника и, форсировав в ночь с 13 на 14 ноября р. Иртыш, овладеть городом Омском. Выполнение поставленной частям дивизии задачи должно было быть произведено ими следующим образом.

3-я бригада, наступая южнее железной дороги, должна была в ночь с 13 на 14 ноября форсировать р. Иртыш на участке В. Малоканский—Тамбовский и повести одной группой наступление на Омск, а другой отрезать железную дорогу в районе разъезда 763-й версты. Кроме того на бригаду возлагалась задача лихим налетом конных частей всех полков бригады, вместе с командами пеших разведчиков и при поддержке бронепоездов, захватить железнодорожный мост через р. Иртыш, не дав противнику взорвать его.

Части 2-й бригады должны были наступать по фронту и, форсировав Иртыш в районе Кожевенного завода, овладеть городом, выдвинув передовые части на линию разъезда 263 версты — Московка.

1-я бригада должна была отбросить отходящие части 2-й армии противника к северо-востоку и, форсировав реку Иртыш в районе Николаевка, содействовать захвату Омска ударом с севера, выдвинув передовые части в район Спирановка — Пушкина и боковой заслон — в Александровка. Задача дивинжена, сосредоточив заготовленные ранее материалы в местах предстоящих переправ, силами инженбат навести в кратчайший срок легкие мосты, если лед будет тонок и не выдержит прохода пехоты и артиллерии.

13 ноября в 14 часов 30 мин. 243 полк совместно с 241 полком повел наступление на д. Поповка. Одновременно 242 полк, смененный на ст. Марионовка 238 полком 2-й бригады, повел наступление в восточном направлении южнее железной дороги. В 2 часа 14 ноября 242 полк лихой ночной атакой занял разъезд Лузино, разбив 14 Уфимский полк (захвачено было целиком два батальона, более 200 человек, бронепоезд «Забияка», масса снарядов, патронов и обоз). Легкая

ударная группа из команд конных разведчиков всех полков 3-й бригады, организованная для захвата железнодорожного моста через р. Иртыш, в 3 часа 40 мин. заняла хутор Ребровский. Дальнейшее наступление группы для выполнения поставленной задачи было немыслимо: группа несколько раз окружалась превосходящим в силах противником и понесла крупные потери. В 6 часов 243 полк занял д. Поповку. Дальнейшее наступление всей 3-й бригады встретило отчаянное сопротивление противника на подготовленных заранее позициях.

238 и 240 полки 2-й бригады, делая 12 и 13 ноября огромные переходы, около 14 часов 13 ноября выступили из пос. Курганский и в ночь сосредоточились в пос. Мельничный.

Комбриг 1, во исполнение поставленной задачи, решил отбросить противника фланговым ударом в направлении на Любино-Малороссийское и тем обеспечить занятие Омска. Для этого было приказано: командиру 237 полка в составе трех баталионов 237 полка и двух баталионов 239 полка при 4-х орудиях овладеть к вечеру 13 ноября пос. Мельничный и произвести рекогносцировку реки Иртыш в районе Николаевка; отряд в 23 часа занял с боем Мельничный, захватив один баталион 1 Екатеринбургского полка противника, вместе с командиром его, и обозы.

Командиру 236 полка приказано было, подчинив 235 полк, повести наступление на ст. Любинская — с. Любино-Малороссийское, по занятии последней рекогносцировать Иртыш в районе Харина. Во исполнение сего командир 236 полка в 6 часов 13 ноября приступил к выполнению поставленной задачи. Один его баталион без боя подошел к ст. Любинская и встретился здесь с бронепоездом противника, который, очевидно, не ожидал появления наших частей и спокойно стоял на станции. Утренний туман позволил нашим частям подойти близко к бронепоезду; несколько красноармейцев, заглянув в орудийные люки, спросили прислугу поезда: «Откуда, товарищи?» Такое обращение сразу дало понять, с кем бронепоезд имеет дело, и он пустил пары и безнаказанно ушел (за отсутствием подрывных средств порчи железнодорожного пути произвести было нельзя). После короткой перестрелки со 2-м баталионом 3 Штурмового полка, который отступил на Любино-Малороссийское, ст. Любинская была занята 236 полком. С подходом 235 полка наступление продолжалось. К 23 часам огромное село Любино-Малороссийское было окружено 235 и 236 полками. Противник был застигнут врасплох. Здесь целиком был унитчожен 1-й баталион 3 Штурмового полка; кроме того захвачено свыше 200 пленных того же полка и обозы.

Ввиду большой переутомленности форсирование реки Иртыша было отложено до утра.

С рассветом 14 ноября полки 2-й бригады форсированным маршем подошли к реке Иртыш и в 10 часов 40 мин. уже были в городе Омске. Противник, не ожидавший быстрого продвижения наших частей, отдыхал и потому не мог . . .[1]) встретить наступающие части 2-й бригады. Некоторые части противника, сорганизовавшись, завязали бой на улицах города; большинство же, растерявшись, стали сдаваться массами. Полки (очень малочисленные) буквально потерялись среди белых на улицах громадного города и с трудом вышли на восточную окраину его; для разоружения пленных из каждого полка были выделены специальные отряды. Учесть пленных и трофеи не представлялось возможным; до утра шла стрельба и разоружение белых. В общем части 2-й бригады захватили в городе: до 10 тысяч пленных, 100 офицеров (среди них были и генералы), 7 орудий (одна тяжелая батарея из 3-х японских орудий и одна легкая батарея из 4-х орудий), 27 пулеметов, около 20 автомобилей, все армейские интендантские склады с продовольствием, снаряжением, обмундированием и инженерным имуществом.

Между прочим (данные получены от пленных) в Омске противником была сосредоточено невероятное число свежих частей (помимо Екатеринбугской штурмовой и Егерской образцовой дивизий): дивизия морских стрелков, сибирские казачьи части, разные инструкторские школы, общей численностью до 40 000 при 50 оруд.

Обе отступающие армии противника ожидали успеха со стороны гарнизона города Омска. Оборона города адмиралом Колчаком была поручена генералу Сахарову. Последний, получив такую серьезную задачу, стал путем совещания разрабатывать ее, отдав предварительные распоряжения на словах: генералу Волкову (комгруппы конной) занять кавалерией к вечеру 13 ноября подготовленное предмостное укрепление и дать первый отпор наступающим красным войскам, а генералу Каппелю (комгруппы Волжской), объединив свои части и омский гарнизон, дать генеральный бой. Высший штаб был уверен в успехе своего решения, а потому эвакуация города не производилась. Неожиданное появление 238 и 240 полков утром 14 ноября на улицах города совершенно расстроило планы действий генерала Сахарова. Последний, растерявшись, поручил оборону города генералу Каппелю, а сам уехал. Генерал Каппель, в свою очередь, успел только снять свои части с предмостного укрепления и предупредить (хотя и поздно) гарнизон. Никаких боевых распоряжений не было сделано, и гарнизон находился в ожидании их из высшего штаба. Были случаи, когда у поставленных на боевых позициях орудий находили орудийную прислугу и командный состав в ожидании приказаний.

[1]) Неразборчиво.

Части 1-й бригады ранним утром 14 ноября форсировали реку Иртыш. Река, к нашему счастью, покрылась тонким льдом, и части с помощью соломы и досок сумели перевезти даже батареи на колесах, несмотря на то, что провалилась одна пароконная повозка у самого берега, а колеса еще вырезывали в зыбком льду колеи. К ночи части бригады заняли: 239 полк — Спирановка, 237 полк — Пушкина; 235 полк оставался в селе Александровка, а 236 к вечеру занял северную окраину Омска.

Наступление 3-й бригады втечение 14 ноября сильно задерживалось упорнейшим сопротивлением противника и лишь в 22 часа 242 полку удалось после продолжительного боя занять ст. Омск, захватив около 5 000 пленных, 6 орудий, целые эшелоны со снарядами, патронами, обмундированием, 40 горячих паровозов, около 1000 груженых и порожних вагонов и прочее военное имущество. В 24 часа, после упорного боя, 241 полк занял п. Кормиловка, что в полутора верстах южнее В. Молоканский, захватив 100 казаков 10 Сибирского каз. полка и 300 голов скота. Одновременно 243 полк занял дер. Молоканский. В ночь полки форсировали р. Иртыш и к вечеру заняли: 241 полк Черемуховский-Селенгейча и 243 полк Парбашева и разъезд 763 версты, где захватил целиком роту 25 Екатеринбургского полка, 4 — шестидюймовых орудия, 3—48 л. орудия, 3-трехдюйм., одно 42 лин., полтора миллиона снарядов, около 5 миллионов патронов, санитарный поезд (великолепно оборудованный, с аптекой и медицинским персоналом), эшелоны с обмундированием и инженерным имуществом.

Разгромленный противник, прикрываясь 12 Уральской (южнее ж. д.), Екатеринбургской штурмовой (вдоль железной дороги) и Егерской образцовой (севернее ж. д.) дивизиями и конной группой, совершил отход 3-й и 2-й армий. Оба пути Сибирской магистрали были запружены поездными составами, которые тянулись сплошной лентой по четному и нечетному путям. Паровозы, за отсутствием воды и угля, начали замерзать, а это еще более замедлило движение составов. Высшее командование противника потребовало от частей упорно удерживать каждый удобный рубеж, дабы дать возможность вывести возможно большее число эшелонов с ценным имуществом.

Директивой командарма № 267 приказано развить и обеспечить достигнутый успех выходом 27-й дивизии 16 ноября на линию ст. Кормиловка — уроч. Игнатьево; части 35-й и 30-й дивизии к этому времени также должны были выйти на одну линию с нашей дивизией.

Во исполнение поставленной директивой задачи, по дивизии был отдан приказ: комбригу 3 занять фронт Кормиловка — Ники-

тина, комбригу 2 — тракт Омск — Юрьева — уроч. Игнатьево, выдвинув передовые части бригад вперед на полперехода.

С рассветом 16 ноября 241 и 243 полки перешли в наступление. Выдерживая почти на каждой мало-мальски удобной позиции упорное сопротивление противника, полки к вечеру 16 ноября заняли: 241 полк — Немировка, 243 полк — разъезд 776 версты, где захватил эшелон с тремя бронированными автомобилями и четырьмя легковыми, массу вагонов с обмундированием и инженерным имуществом. Ночью бронепоезд противника («Кондор») совершил налет на разъезд, занятый 243 полком, но потерпел крушение (по приказанию командира полка, часть железнодорожного пути была незаметно разобрана) и был подорван противником. Однако две бронированные площадки с одним орудием и двумя пулеметами удалось захватить в целом виде. 242 полк оставался в бригадном резерве на хуторе Атаманский.

2-я бригада 238 и 239 полками к вечеру 16 ноября без особенного сопротивления заняла линию Сыропятское (где захвачен был бронированный автомобиль и пленные разных частей) — зав. Некрасова. 240 полк оставался в бригадном резерве и находился в гор. Омске.

С рассветом 17 ноября части дивизии, продолжая дальнейшее наступление, заняли: 241 полк (около полудня) — ст. Кормиловка, где захвачено было около 200 пленных разных частей, три исправных паровоза и несколько десятков груженых вагонов; 243 полк около 10 часов — дер. Никитино; 238 полк в 9 час. 30 мин. — зав. Пахотина и Михеевка; 239 полк к вечеру — Юрьева и Спасская; 240 полк — Сыропятское. 1-я бригада составляла дивизионный резерв и находилась в гор. Омске.

С выходом 17 ноября частей 35-й дивизии на фронт Фоминский (нем.) — Новоселье — завод Шапочкина и 27-й дивизии на фронт ст. Кормиловка — Спасская можно полагать Омскую операцию законченной и назревающей — Татарскую, которая начинает развиваться почти незамедлительно.

Бросая общий взгляд на Омскую операцию, мы видим, что она привела к следующим результатам:

1) Правильным маневрированием частей 27-й и соседних дивизий живая сила 3-й армии противника была разбита и деморализована; вся инициатива действий перешла в наши руки.

Потери 2-й и 3-й армий противника в эту операцию громадны: около 16 тысяч пленными (из них 1 000 офицеров), 45 орудий разных калибров, 4 вагона с пулеметами (плюс 35 пулеметов Максима и Кольта), около 10 тысяч винтовок, 2 бронепоезда («Кондор» и «За-

бияка»), 9 бронированных автомобилей и массу легковых; 63 исправных паровозов, около 2300 вагонов с обмундированием, продовольствием и инженерным имуществом, полтора миллионов снарядов, до одного миллиарда патронов и проч. и проч.

Наши потери за Омскую операцию убитыми и ранеными в среднем выражаются до 50 человек на полк.

2) Достигнута общая политическая цель войны того времени на Восточном фронте — выигрыш огромного пространства богатой Западной Сибири, с занятием политического центра сибирского правительства — гор. Омска.

3) В частности, обращает на себя внимание широкое применение при наступлении элементов внезапности и стремительности, что создавало иллюзию превосходства в моральных и физических наших силах.

4) Красноармейцы и командный состав 27-й дивизии в рассмотренной операции, несмотря на крайне тяжелые условия (холод, грязь, недостаток обмундирования и снаряжения, громадность переходов с боями, малочисленность в частях) сражались, как львы, не считаясь с усталостью и численным превосходством противника, восполняя недостаток сил и средств стремительностью, отвагой и уменьем.

Все это в общей сложности привело к полному крушению планов противника. Врученное почетное Красное знамя 27-й дивизии от ВЦИК было заслуженной наградой за совершонный героический марш.

Начальник штаба 27-й Стрелковой дивизии [подпись].

Вр. и д. военком [подпись].

13 апреля 1920 года.

№ 256/0.

Гор. Минусинск.

2.

Ново-Николаевская операция в кратком описании действий 27-й Стрелковой дивизии.

Развивая достигнутый успех Омской операцией, 27-я дивизия, совместно с 35-й дивизией, в своем стремительном преследовании разбитого противника вдоль Сибирской магистрали нанесла ему ряд тяжелых ударов и заняла 1 декабря 1919 года 3-ей бригадой город Барабинск, а 2-й — Каинск. Дивизии разрешена была недельная стоянка в занятом районе для отдыха, подтягивания растянувшихся на сотни верст тыловых учреждений и 1-й бригады (остававшейся в Омске) и для подготовки к предстоящей операции по взятию базы

противника — гор. Ново-Николаевска. Авангардные части 27-й дивизии к 5 декабря занимали линию Новый-Каратуз — Еланская — Калмакова (схема № 1). 35-я дивизия к этому времени выдвинула свои передовые части на линию Ново-Сартланова, Одина. 30-я дивизия сосредоточилась в районе Горбунова — Сайгульская — Манчезерская.

2-я и 3-я армии противника совершали свой отход вдоль Сибирской магистрали (являвшейся разграничительной между ними линией) под прикрытием 4-й Уфимской дивизии (на стыке 35-й и 27-й дивизий), 12-й Уральской егерской образцовой (южнее ж. д.), 2-й Отдельной стрелковой бригады, 15-й Воткинской и Уфимской кавалерийской дивизии (в районе ж. д.) и 3-й Иркутской дивизии (севернее ж. д.); по железной дороге действовали два бронепоезда. Стремление высшего командования противника после окончания Омской операции вывести в резерв 2-ю армию ни к чему не привело: слишком стремительно, упорно и непрерывно было преследование со стороны Красных войск. Также не удалась попытка вывести в армейский резерв Волжскую и Уральскую группу в 3-й армии, южную и Тюменьскую во 2-й. Единственное, что удалось — отправить всю тяжелую и легкую артиллерию в общий артиллерийский резерв в г. Ново-Николаевск, оставив лишь на дивизию по одной четырехорудийной батарее. Численность отходящих армий противника сильно понизилась (до 10—12 тысяч бойцов), вследствие чего по 3-й армии был отдан приказ свести дивизии в полки. Сознание, что Красные войска стоят выше в моральном и численном отношении, страшно подавляло дух армий, и они видели спасение лишь в отступлении на восток. Совместное нахождение 2-х штабов армий на одной железной дороге создавало двоевластие и тормозило эвакуацию железной дороги, которая буквально была забита воинскими эшелонами с ценным интендантским, инженерным и артиллерийским имуществом.

Наша предстоящая наступательная операция должна была развиваться в районе с операционной линией отхода противника. Населенность данной местности в зависимости от географических условий крайне бедна, и селения исключительно группируются узкой полосой вдоль железной дороги, возле станций, примерно в расстоянии 35—40 верст. К северу и к югу от железной дороги — голые степи и непроходимые болота. Условия местности, таким образом, с одной стороны, сокращали противнику фронт обороны, давали возможность иметь большие частные резервы и намечали удобные рубежи (районы станций) для обороны. С другой — отрицательной стороны — весь ближайший тыл был забит громадными обозами частей, которые стесняли маневрирование частей (совершавших все время движение

на подводах), вынуждая принимать бои в неблагоприятных условиях. Задача противника — задержать наше наступление и выиграть время, дабы безболезненно разгрузить свой тыл от громадных тыловых учреждений, обозов, которые сильно связывали боевые части.

В ожидании директивы командарма, для выполнения предстоящей операции, 5 декабря комбригу 3 было отдано словесное приказание не выходить из соприкосновения с отходящим противником, а 6 декабря по дивизии был отдан приказ (№ 153) бригадам произвести следующую группировку: комбригу 3 — тов. Сокку, подчинив временно прибывающие по железной дороге полки 1-й бригады, сосредоточить главные свои силы в районе пос. Мариинский — Еланская (схема № 1) и вести активную разведку с целью выяснения группировки сил противника, не выходя из соприкосновения с ним; комбригу 2 — тов. Гусеву сосредоточить бригаду в районе Осиновые Колки.

Комбриг 3 тов. Сокк, учитывая благоприятную для нас обстановку, отдал приказ по бригаде занять к вечеру 6 декабря 236 полку — Ядрова и Аверьяновский, 242 полку — пос. Раменский — Поляковский — пос. Московский 241 полку — ст. Убинская — Ермолов.

В 16 часов 30 минут 241 полк, после двухчасового боя на подступах к ст. Убинская с 3 Егерским полком, занял последнюю и в 18 часов, под покровом темноты, повел наступление на пос. Ермолов в обход его с юго-запада. В 20 часов полк незаметно окружил посад и разбил находившийся там 9 Иркутский полк. Потери противника убитыми, ранеными и пленными были велики.

К этому времени 242 полк, после небольшой перестрелки с кавалерией противника, занял пос. Раменский и Московский. 236 полк сосредоточивался в пос. Аверьяновский; 243-й двигался на ст. Убинская.

Развивая успех, командиры 242 и 241 полков, во исполнение приказа комбрига, с утра 7 декабря предприняли дальнейшее наступление для занятия района ст. Каргат и в 2 часа 8 декабря, после упорного боя, заняли: 242 полк — Каргатский форпост, выбив 3 и 12 Оренбургские казачьи полки, и 241-й — ст. Каргат, имея перед этим сильный бой у дер. Каргатская с 12 Верхне-Удинским и 2 Егерским полками. Захвачено было около 200 пленных (5 офицеров), два бомбомета, 1 скорострельное орудие и обоз.

Втечение 8 декабря части дивизии сосредоточивались: 3-я бригада в районе ст. Каргат, 2-я бригада в д. Каргатская, 1-я бригада пос. Раменский — Московский. Таково было исходное положение нашей дивизии перед операцией по взятию Ново-Николаевска.

Директивой командарма тов. Эйхе от 8 декабря № 1894/н 27-й дивизии поставлена была задача: 16 декабря овладеть Ново-Николаев-

ском. 35-й дивизии ставилась задача одновременно наступать в направлении на Медведская; 30-я дивизия, наступая одновременно, должна была овладеть городом Колыванью и перерезать передовыми частями железную дорогу в районе ст. Ояш.

Учитывая создавшуюся обстановку, которая в данном случае (при узком фронте) была лучше известна штадиву, по дивизии был отдан 8 декабря приказ: форсировав до крайности наступление, овладеть Ново-Николаевском не 16-го, а 13 декабря, чтобы не дать таким образом противнику возможности оттянуть громадное количество — по сведениям разведки 191 эшелон — за Ново-Николаевск, эвакуировать из последнего свою фронтовую базу и взорвать железнодорожный мост, для чего 3-я бригада 9 декабря должна занять линию Иткульские — Иткульское, дав возможность втечение 9 и 10 декабря сосредоточиться в этом районе 1-й и 3-й бригадам и подтянуться 2-й бригаде.

С рассветом 11 декабря 1-я и 3-я бригады должны были продолжать дальнейшее наступление и 13 декабря овладеть Ново-Николаевском. 2-я бригада составляла дивизионный резерв и должна была двигаться за 3-й бригадой.

9-го декабря с рассветом 242 и 243 полки вели наступление на ст. Чулым, первый южнее железной дороги, а второй через Каргатская Дуброва. 243 полк, сбив заставу противника в Каргатской Дуброве, подошел к ст. Чулым, где завязал с частями 13 Сибирской дивизии, поддерживаемыми двумя бронепоездами, упорнейший огневой бой, длившийся более двух часов.

С подходом 242 полка ударом его с юга участь боя была решена, в нашу пользу. Была захвачена огромная добыча: около 250 пленных, 20 орудий, 4 вагона с бомбометами, минометами и пулеметами, несколько эшелонов со снарядами и патронами, эшелоны с армейским интендантством, 50 паровозов в горячем состоянии и проч. В 5 часов 10 декабря было занято с. Иткульское. К этому времени подошел эшелон с 241 полком.

1-я бригада втечение 9 и 10 декабря, делая огромные переходы, достигла авангардом района Ярковская. Части 2-й бригады к вечеру 10-го достигли района Каргатская — Дуброва.

В 4 часа 11 декабря 3-я бригада повела дальнейшее наступление и, сбив арьергард противника в районе Сектинская, в 17 часов, после упорного боя, заняла 241 и 243 полками ст. Дупленская.

Противник поспешно отступил, оставляя на всем протяжении от ст. Чулым сплошной лентой эшелоны с ценным военным имуществом. В 5 часов 12 декабря бригада продолжала дальнейшее успешное наступление. 242 полк, сломив упорное сопротивление противника на

подступах к д. Коченево, ворвался в последнюю и завязал уличный бой, в результате которого 10 и 12 полки 3-й Иркутской дивизии были разбиты и бежали, оставив свыше 160 пленных (из них 10 офицеров) 4 пулемета и массу винтовок. В 21 час 243 полк без боя занял дер. Казакова. К этому времени прибыл на ст. Коченева и 241 полк.

Авангард 1-й бригады (253 полк и баталион 236 полка) с рассветом 12 декабря выступил — Белая Дуброва для занятия линии Поваренская — Шагалова. Имея на пути небольшие схватки с арьергардом 12-й Уральской дивизии, 253 полк к ночи занял Федосова и Шагалова. Баталион 236 полка, двигаясь ночью для занятия Поваренская, встретил кавалерийские части противника, которые после короткой перестрелки отступили на дер. Поваренскую. Продолжая преследование противника, баталион на рассвете окружил дер. Поваренскую. Однако ночевавший в деревне штаб Уфимской группы, прикрываясь кавалерией, успел уйти из деревни. Захвачена была лишь часть обоза штаба группы, 3-х орудийная легкая батарея с полною упряжкою и пленные. Едва баталион успел выставить сторожевое охранение, как к деревне подошел из Федосова 12 Егерский баталион 12-й Уральской дивизии, во главе с командиром, который никак не ожидал появления красных в этой деревне. Баталиону дали возможность въехать, а потом разоружили без всякого сопротивления. Взято было 230 рядовых, 13 офицеров, 4 пулемета и другое имущество.

2-я бригада, поддерживая связь с 266 полком, к вечеру 12 декабря сосредоточила 239 и 240 полки в районе пос. Захолустье — Александровка, что в 12—6 верстах восточнее и северо-восточнее ст. Дупленская; 238 полк принял на себя охрану эшелонов от ст. Чулым и далее на восток.

С рассветом 13 декабря дивизия перешла в дальнейшее наступление с целью овладеть конечным пунктом операции — городом Ново-Николаевском.

1-я бригада — 237 полк повел наступление из Федосихи через Яркова для занятия с. Берское, 236 полк — через Сенечкина — Туманская для занятия Усть - Инская, 255 через Толмачева для занятия Ново-Николаевска; 3-я бригада — 243 полк наступал через Прокуткино — Кривощеково, 242 полк — Кривощеково с обходом Ново-Николаевска с северо-запада и выхода авангардом в Каменское. 241 полк двигался за 242 полком, выслав боковой авангард силою в один баталион в направлении на Коткова. 239 полк к рассвету достиг частей 3-й бригады и двигался за 243 полком; 240 полк наступал на Соколова, где разбил противника и захватил 5 пулеметов, и далее на гор. Колывань, который занял на рассвете вместе с 266 полком. Части дивизии не встретили сопротивления противника и в 20 часов 243 и

242 полки, после короткой перестрелки в городе, заняли его, причем 241 полк обошел город с северо-восточной стороны и отрезал путь отступления отходящим частям противника. В короткое время было перехвачено около 5 тысяч пленных солдат, 400 офицеров, 300 подвод с имуществом, 8 легковых автомобилей; на железной дороге захвачена масса эшелонов с ценным военным имуществом, готовых к отправлению. 14 декабря передовые части заняли линию Берская — Барышева — Жеребцова — Каменское

Наши трофеи, захваченные от Чулыма до Ново-Николаевска включительно, колоссальны: около 12 тысяч пленных солдат и 1000 офицеров (среди них генералы); взяты целиком 1-й Ново-Николаевский и 2-й Барабинский полки 1-й Сибирской дивизии, 13 кадровый полк и другие части. Свыше 100 орудий легкого и тяжелого типа, 5 бронепоездов, около 50 пулеметов, вагоны с бомбометами, минометами и пулеметами, около одного миллиарда патронов и трех миллионов снарядов. Почти все склады с интендантским, инженерным и артиллерийским имуществом 2-й и 3-й армий. Около 300 паровозов и 30 тысяч вагонов с ценным военным имуществом. Вся авточасть 2-й и 3-й армий (около 200 автомобилей), артиллерийское управление с мастерскими, топографический отдел Омского военного округа, эшелон управления морского ведомства, осведомительный отдел фронта с типографией, управление «Красного креста» с несколькими оборудованными санпоездами и проч. армейские учреждения. Железнодорожный мост был слегка подорван и в 7 дней исправлен. Наши потери в полках убитыми, ранеными и больными в среднем около 15%.

Бросая общий взгляд на операцию, необходимо отметить:

1) Живые силы 2-й и 3-й армии противника буквально были разгромлены и деморализованы.

2) Захвачена почти вся материальная часть этих армий.

3) Подтвердилась правильность принципа стремительности, на котором была построена вся операция дивизии.

4) Полки дивизии совершали в среднем переходы до 40 верст в сутки в холодное зимнее время, при огромном моральном подъеме и высшем напряжении физических сил, дав военной истории образец правильно выполненной операции с небывалыми трофеями.

Наштадив 27 [подпись]

Военком [подпись]

9 мая 1920 года.
№ 52/ш.
Гор. Минусинск.

3.

Срочно. Секретно.

Начоперупрарму 5.

Во исполнение вашей телеграммы № 437/о при сем препровождаю краткое описание операций «Тайга-Мариинск».

Причем присовокупляю, что описание операций дано на основании личных воспоминаний и неполных исторических документальных данных, случайно сохранившихся в штадиве (все исторические документы и реляции боевых операций дивизии сданы уже в штарм).

Врид Наштадив 27 [подпись].
Военком [подпись].

Описание операций Тайга — Мариинск [1].

Марш-маневр Тайга — Мариинск явился заключительным аккордом в деле окончательного разгрома разбитого и деморализованного противника во время Ново-Николаевской операции. По взятии 13 декабря города Ново-Николаевска обстановка на фронте армии представлялась в следующем виде: 35-я дивизия оставалась в районе Медведская; 27-я дивизия передовыми частями занимала линию: Чемская (Каменка) — Дергаусова — Боровлянская (Кокушкина) — Шумиловка — Петухова; 30-я дивизия, заняв Колывань, по собственной инициативе, предприняла дальнейшее наступление двумя бригадами на гор. Томск и одною — вдоль железной дороги.

3-я армия противника после Ново-Николаевска отходила в юго-восточном направлении, прикрывая свой отход на фронте 27-й дивизии Уфимскою группою в составе 8 Камской и 12 Уральской дивизий, при резерве 3-й казачьей Оренбургской бригады (документальные данные, захваченные 30-й дивизией). 2-я армия — двигалась вдоль железной дороги, прикрываясь 1-й польской дивизией. По линии железной дороги действовали три бронепоезда и большое количество установленных на вагонных платформах пулеметов.

К 18 декабря части 27-й дивизии занимали следующую линию: 2-я бригада — Чемская (Каменка) — Дергаусова — Боровлянская (Кокушкина); 238 полк находился на охране эшелонов от ст. Чулым до Ново-Николаевска; 1-я бригада — район Шумиловка и Петухова; 3-я бригада находилась в гор. Ново-Николаевске.

В силу директивы командарма № 1928 (н. частям дивизии 18 декабря в 8 часов отдан оперативный приказ № 0158 о дальнейшем на-

[1]) На подлиннике штамп: «Р. С. Ф. С. Р. Начальник штаба 27-й Стрелковой дивизии 5-й армии Отд. оперативный. 14 мая 1920 г. № 361/оп.»

ступлении и преследовании отступающего противника для занятия главными силами Шегарка (Жаркова), Б. Арышева с выдвижением передовых частей на линию: заим. Ново-Почитанская (Большая); 3-я бригада, составляя дивизионный резерв, получила задачу, по сосредоточении в районе Елфимова, двигаться двумя полками (один оставлен в г. Ново-Николаевске для несения гарнизонной службы) вдоль линии Сибирской магистрали.

С утра 1 декабря части дивизии приступили к выполнению приказа по дивизии и, не встретив серьезного сопротивления, преодолевая огромные пространства, достигли: части 2-й бригады к 21 декабря района Арлюковская — Поперечный Искитим; части 1-й бригады 20 декабря — линии Ачинская — ст. Болотная. 21 декабря 236 и 237 полки вышли в район дер. Борская, где вошли в связь с частями 3/30, которые вели под ст. Литвиново упорный и ожесточенный бой с противником, поддерживаемым польскими легионерами и тремя бронепоездами. Перевес был на стороне противника, отбивавшего несколько раз атаки частей 3/30 (270 полк). Кроме того между частями 3/30 и 1/30 оказался прорыв. 237 и 236 полки, заполнив его, бросились на выручку дрогнувшим частям 30-й дивизии и после длительного и тяжелого боя решили судьбу ст. Литвиново, которая к 10 часам 22 декабря уже была в наших руках, причем противник, оставив большое количество пленных, пулеметы, подвижной состав с миллионным имуществом и другие трофеи, поспешно отступил в район ст. Тайга. В тот же день части 1-й бригады через д. Кузель (10 вер. севернее д. Малново) выступили на ст. Тайга, имея в авангарде баталион 237 полка. Не доходя три версты до станции, головной баталион встретил противника и завязал с ним бой. Подошедший 237 полк, вследствие неудобства позиции, оставив один баталион в заслоне, тремя баталионами предпринял обходное движение севернее Сибирской магистрали (5 верст). Противник, зорко следивший за нашими действиями, обнаружил маневр 237 полка и обрушился на него свежими частями польских легионеров. Завязался ожесточенный бой с превосходящими численностью польскими легионерами, причем противник вел беспрерывный и жестокий огонь с трех бронепоездов.

В это время 236 полк также вел упорный бой за обладание станцией и городом Тайга. Положение вследствие превосходства противника создавалось критическое, но в самый тяжелый момент подошли части 2-й бригады, и перевес перешел на нашу сторону. Противник не выдержал стремительных наших атак и около 15-ти часов 23 декабря начал паническое бегство со станции и города Тайги, которые упорно оборонял более шести часов, оставляя в наших руках пленных

(частями 2-й бригады взято более 2 000 человек), эшелоны с вооружением, имуществом. В числе трофеев приходится отметить и все бронепоезда, причем один совершенно не поврежденный, а два других подорванные, 2 батареи и пр.

3-я бригада, дивизионный резерв, следовала по маршруту Петухова, Гутова, Корнилова (Мурзина), Елфимова и вдоль линии железной дороги.

После Тайги части дивизии, почти не встречая сопротивления и в то же время не теряя соприкосновения с противником, к 26 декабря заняли линию согласно приказа по дивизии № 1058: 2-я бригада — район Шегарка (Жаркова), причем здесь противник оставил эшелон с 30 грузовыми автомобилями, 4 орудия без замков, снаряды, патроны, много военного имущества, санитарный поезд и много перебежчиков; 1-я бригада — район ст. Ижморская, Постникова, Б. Арышева и передовыми частями Бекетная и Теплореченская; 3-я бригада, дивизионный резерв, — район ст. Судженки.

В порядке частного почина, комбриг 1, имея ввиду дальнейшее наступление и поддержание соприкосновения с противником, отдал приказ частям бригады 27 декабря занять район Ст. Берикульская, д. Тюменева, с. Берикульское, на каковую линию части и вышли около 16 часов 27 декабря, причем 235 полк в районе д. Камышевка (на карте нет, 7 верст южнее ст. Берикульская) выдержал 3-х часовой бой со значительными силами противника (32-й Прикамский полк), захватив пленных и трофеи. Успех, паническое бегство разбитого противника, оставлявшего на своем пути колоссальные и миллионные трофеи, создали такое настроение, что части рвались вперед, тем более, что в 32-х верстах был город. В 14 часов 28 декабря город Мариинск был взят частями 1-й бригады. Благодаря удачному обходу с восточной стороны одного баталиона 235 полка был спасен железнодорожный мост через реку Кия и захвачено много пленных.

Взятие города Мариинска завершило боевую деятельность дивизии, поступившей в армейский резерв.

Врид наштадив 27 [подпись]
Военком [подпись]

4.

Акмолинская операция
(с 20 ноября 1919 г. по 1 декабря 1919 г.).

20 ноября 1919 года по Кокчетавской группе, во исполнение директивы командарма 5, был отдан приказ следующего содержания:

I. Армия Колчака разгромлена. Жалкие остатки бегут в Томском направлении, железные дороги заняты отходящими поездами, про-

тивник стремится ее разгрузить, выдвигая слабые арьергарды. Небольшие силы противника отделились от главных масс и отошли на Павлодар.

II. Войска армии продолжают преследовать противника. 26-я дивизия к 30 ноября должна занять Павлодар.

III. Вверенной мне группе приказано к 30 ноября овладеть Атбасаром и Акмолинском, для чего приказываю:

а) Кавалерийской дивизии, охраняя правый фланг группы, достигнуть к вечеру 22 ноября главными силами линию Спасский-Каменский (40 верст в дюйме), имея заставу для связи с частями Степной бригады в Преображенский. Вести разведку на Атбасар и Ново-Кулучанский, охраняя все время правый фланг группы разведкой западнее тракта Кокчетав-Атбасар.

Дальнейшие задачи Кавдивизии: к 25 ноября занять Атбасар и Амантайская.

Штадиву 22 ноября перейти Максимовский.

б) Комбригу Степной немедленно сосредоточить бригаду Петровское (на тракте), следовать бригаде в боевом порядке и достигнуть к вечеру 22 ноября Егоровский, Вяземский, Восторговский и, имея штабриг — Преображенский, к вечеру 23 ноября достигнуть Азовский, Вражный, имея штабриг — Собиновский. Задача бригады двигаться форсированным маршем, уничтожить встречающиеся на пути отступающие части противника и выйти во фланг противнику, отходящему на Акмолинск. Во время движений поддерживать связь с Кавдивизией.

в) Комбригу 2/59 к вечеру 12 ноября выйти на линию Серединский, Блохинский, Иванова, Рысманова, имея штабриг к вечеру 21 ноября Тюкты, к вечеру 22 ноября достигнуть линию Ковалевский, Дворянский, Варкаянский и Ерусланов ский (исключительно), имея штабриг к вечеру 22 ноября — Блохинский.

г) Командиру Крепостной бригады к вечеру 22 ноября овладеть линией Ерусланов ский (10 верст в дюйме), Макинское и озеро Курту-Куль (40 вер. в дюйме), захватывая кавдивизионом тракт Петропавловск — Акмолинск и тракт Щучинская — Павлодар, освещать местность на восток от указанных трактов, штабриг к вечеру 22 ноября перейти Трактовый.

д) Командиру 527 полка, находясь в моем резерве, пополниться, привести полк в боевую готовность и быть готовыми к выступлению 25 ноября.

IV. Всем комбригам и начдиву кавалерийской приказываю принять все меры к своевременному выполнению боевого приказа, действуя решительно, охватывая фланг и тыл отступающих частей противника.

V. Разграничительная линия между Кавдивизией и 2-й бригадой — Собиновский, Вражный, Суворовский все для Кавдивизии включительно, между 2-й бригадой и крепбригадой Щучинская, Рысманова, Ерусланов ский, все кроме Рысманова включительно для крепбригады.

VI. Оперативные донесения доставлять в штадив к 8, 12 и 17 часам ежедневно, разведывательные к 9 час., о потерях к 8 часам.

VII. Начсвязи дивизии немедленно принять меры к восстановлению постоянной линии к вечеру 21 ноября на Атбасар до Зерендинская, где установить телеграфный аппарат для Кавдивизии и Степбригады, к вечеру 23 ноября Сандыктавский. На тракте Акмолинск для крепбригады и 2/59 бригады к вечеру 21 ноября установить по занятию в ст. Щучинская, к вечеру 22 ноября Трактовый, имея телеграфные аппараты в указанных пунктах.

VIII. Отделу снабжения перейти к вечеру 21 ноября в г. Кокчетав, где организовать прод. и арт. летучки дивизии и хлебопекарню по расчету на всю группу.

IX. Завсандиву организовать лечение больных в г. Кокчетаве и Алексеевской, используя местные больницы и прибегая к эвакуации только в крайних случаях, требующих лечения более месяца.

X. О получении приказа и отданных распоряжениях донести немедленно.

XI. Заместители начдив Кавалерийской и комбриг Крепостной.

Расположение частей группы ко времени издания этого приказа было следующее. Штаб группы, инженерный баталион, баталион связи, управление артиллерии и 527 полк— в гор. Кокчетаве. Отдел снабжения — в селе Алексеевском. Штаб 13 Кавдивизии — в пос. Викторовском, 65 и 66 Кавполки и партотряды тов. Лимберга и Жукова с утра 20 вели наступление на пос. Сандыктавский — Романовский — Преображенский, Исаков — Собиновский, Щедринский — Сердинский. Кавполк Стеньки Разина был в движении на д. Викторовка. Штаб Степной бригады—в с. Цюриховском, полки в движении на с. Михайловское и ст. Акан-Бурлукскую, бригада 1/59 в движении на с. Архангельское. Штаб бригады 2/59 в пос. Джильтавском, 526 полк в пос. Ермаковском, 2 баталиона 528 полка в д. Подгорная, один баталион в д. Заборовской. Штаб крепостной бригады в пос. Александровском, полки — 1 Крепполк, 1-й баталион 3 Крепполка, с одной легкой батареей, в движении из поселка Нестеровки на пос. Еленовку, 3 Крепполк в движении на пос. Дорофеевский.

Боевой состав группы к этому времени выражался следующими цифрами. Точных сведений о количестве бойцов 13 Кавдивизии, только что к тому времени перешедшей в подчинение начдива 59,

не имелось. Число бойцов во всех 3-х полках дивизии — 65—66 и казполке Стеньки Разина доходило приблизительно до 1200—1500 сабель и шашек. В бригаде 1/59: в 487 полку инструкторов 27, солдат — 414, штыков — 214, винтовок 1665, пулеметов — 7, лошадей — 39; в 488 полку: инструкторов 26, солдат 224, штыков 147, винтовок 1568, пулеметов 6, лошадей 39; в 489 полку: инструкторов 34, солдат 272, штыков 153, винтовок 1329, пулеметов 7, лошадей 39. В бригаде 2/59 было—в 256 полку: инструкторов 45, бойцов штыков 290, всего людей 480, пулеметов 7, лошадей 43; в 527 полку: находившиеся в резерве группы и на укомплектовании в гор. Кокчетаве — инструкторов 29, штыков бойцов 178, всего людей 375, пулеметов 7, лошадей 47; в 528 полку: инструкторов 40, штыков бойцов 250, всего людей 420, пулеметов 6, лошадей 41; в крепостной бригаде в 1 Крепполку: инструкторов 46, пулеметов 3, лошадей 40; в 3 Крепполку: инструкторов 52, пулеметов 2, лошадей 17; общее число бойцов в обоих полках 1514, всего людей 2472. В Степной бригаде в 2-х полках штыков 1400, пулеметов 2 и 2 трехдюймовых орудия.

В легком артдивизионе 2 батареи 4-орудийного состава, калибр — 3 дюйма, людей 486, лошадей 340. В отдельном кавдивизионе тов. Соболева: инструкторов 9, сабель 100, всего людей — 145, пулеметов 4, лошадей 120.

Состав парткавотрядов тов. Лимберга и тов. Жукова, действовавших при 13 Кавдивизии, известен не был.

Против нашей группы действовали части разбитой под гор. Кокчетавом южной группы противника Оренбургской армии, насчитывавшей в своем составе при отступлении от Омска и Актюбинска, со всеми вспомогательными частями, до 70 тысяч, но при дальнейшем отступлении на гор. Кокчетав растаявшей до 18 тысяч вследствие дезертирства, принявшего массовый характер, и всевозможных эпидемий.

Все части Оренбургской армии, по прибытии в гор. Кокчетав, были переформированы в 2 корпуса: 1-й и 4-й.

Опросом перебежчиков и пленных и на основании данных, добытых собственной разведкой к началу Акмолинской операции, было в общем установлено, что на фронте группы действовали следующие, в большинстве конные, части разбитого и прикрывающего кавалерией свой отход противника: 3—11, 33 и 35 Оренбургские казполки шестисотенного состава (по 80—100 сабель в сотне), Атаманский дивизион, численность которого установлена не была, отряд полковника Степанова, общей численностью до 3000 человек, 15 Запасный казполк пятисотенного состава (40—50 сабель в сотне), при 2 пулеметах; 8 Партизанский казполк, численность которого осталась

невыясненной, Кокчетавский отдельный казачий дивизион, численностью до 400 человек, и остатки разбежавшихся 1. 3, 4, 7, 8, 10 Сибирских казполков, состав каждого из которых не простирался свыше 300 сабель.

21 ноября части 13 Кавдивизии заняли: 65 Кавполк — д. Исаковская, 66-й — станицу Сандыктавскую и продолжали наступление на с. Романовское, 526 полк бригады 2/59 вел наступление на с. Ново-Медвежинское, части Крепостной бригады, заняв: I Крепполк — Еленовку, 3 Крепполк — пос. Дорофеевку, вели совместное наступление на ст. Щучинскую.

На всем фронте группы противник, после кратковременных перестрелок, продолжал поспешный отход в Атбасарском-Акмолинском направлениях.

С рассвета 22 ноября части 13 Кавдивизии находятся в движении — казполк Стеньки Разина из д. Балкашинской в д. Спасскую, 65 кавполк через пос. Подлесный в Каменский, 66 кавполк переходит к 14 часам в пос. Максимовский. Части бригады 2/59 продолжают наступление, 526 полк на пос. Дворянский, 528 полк на пос. Ковалевский, части Крепостной бригады 1 и 3 Крепостные полки, после 5-тичасового боя, заняли станицу Щучинскую, оборонявшие ее части противника — 11 и 3 Оренбургские казполки — при одной легкой батарее 4-х орудийного состава, отходят на Акмолинск; сегодня же [1]) части 3 Крепполка заняли станицу Котур-Кульскую, которая была очищена от белых партией сибирских казаков-повстанцев, численностью партии до 200 шашек — все 13 Сибирского казачьего полка. Казаки шли из-под Омска и, случайно узнав, что в станице Котур-Кульской находятся части отступающих из-под гор. Кокчетава белых, напали на них ночью с 21 на 22 ноября и выбили из станицы, захватив обоз и 2 легких орудия и рассеяв находившиеся в станице части белых.

22 ноября по группе, в связи с общей создавшейся обстановкой, был издан приказ № 05.

1. На Омском направлении противник продолжает отход, на фронте группы армия генерала Дутова отходит на Акмолинск, имея боковые арьергарды на тракте Кокчетав-Атбасар и на тракте Петропавловск — Акмолинск. Оказывает упорное сопротивление на тракте Кокчетав — Акмолинск.

2. Для развития дальнейшего отступления приказываю:

а) Начдиву Кавалерийской, обеспечивая правый фланг группы, продолжать энергичное преследование противника, к вечеру 24 ноя-

[1]) Так в подлиннике.

бря занять главными силами гор. Атбасар-Ново-Александровский (карта 20 верст), к вечеру 25 ноября выйти передовыми частями на линию р. Арчалы (40 верст), имея боковой отряд не менее дивизиона в районе Екатерининский (карта 20 верст) для разведки на левом фланге и боевой связи с частями Степной бригады.

Штадив к вечеру 24 ноября—Спасский, к вечеру 25 ноября гор. — Атбасар.

б) Командиру Степной бригады продолжать дальнейшее наступление и выйти на линию к вечеру 24 ноября Суворовский — Царицынский (карта 20 верст), к вечеру 25 ноября на линию Журавлевский-Некрасовский, к вечеру 26 ноября Оксановский — Черновский и Сосновка (карта 20 верст), поддерживая связь с Кавдивизией.

в) Командиру 2-й бригады продолжать выполнение приказа № 04 и к вечеру 24 ноября выйти на линию Вознесенский — Пушкинский (карта 20 верст), вести усиленную разведку Никольский — Сергиевский, донесения направлять через штабриг Крепостной.

г) Комбригу Крепостной к вечеру 24 ноября выйти на линию Богдановск — Приозерный и вести разведку в восточном направлении. Отряду тов. Соболева действовать в направлении Степок — Елененский.

3. Штабригам перейти: Степной к вечеру 24/XI Федосиевский, к вечеру 26/XI перейти Некрасовский; штабригу 2/59 к вечеру 24 ноября перейти Варклянский (карта 10 верст).

Штабригу Крепостной к вечеру 24 ноября перейти пункт п. Мининский.

4. Начсвязи дивизии придать штадиву Кавалерийской и штабригу Крепостной по 1 телеграфной станции, которые установить в местах расположения, указанных штабом, своевременно исправляя постоянную линию. К переезду штаба с предыдущей станции снимать телеграфные станции, только когда уже линия до следующей стоянки исправлена. Для штадива к 12 часам 24 ноября установить телеграфную станцию в Александровском. Оперативные донесения по приказу № 04.

5. Штагруппы к вечеру 24 ноября перейти село Александровское.

6. О получении приказа и отданных распоряжениях донести немедленно.

23 ноября, во исполнение вышеприведенного приказа, казполк Стеньки Разина занял поселок Спасский, отбросив части белых, занимавших его, к поселку Полтавскому. 65 кавполк занял небольшими заставами пос. Ключевский и село Сосновское, а главными силами пос. Каменский. Части бригады 2/59—526 полк вел разведку

в направлении на пос. Прохоровский-Ерусланов ский, 528 полк с одной батареей с рассветом 23 ноября повел наступление на пос. Ковалевский, 2 баталиона 1 Крепостного полка (Крепостной бригады) находились в движении на пос. Трактовый, 1 баталион с батареей оставлен в ст. Щучинская, 6 рот 3 Крепостного полка занимали ста ницу Котур-Кульскую, вылавливая белых, оставшихся в окрестностях, а две роты вместе с сотней Сибирских казаков-повстанцев (что заняли ст. Котур-Кульскую) и еще с вечера 22 ноября выступили на м. Кошунбай, находящийся в 25 верстах к юго-востоку от станицы Котур-Кульская; здесь в м. Кошунбай [1]), по сведениям, добытым от окрестных жителей, сгруппировалось до 200 оренбургских казаков, грабивших население. Связь со Степной бригадой попрежнему отсутствовала.

24 ноября. Утром этого дня партизанский кавотряд тов. Лимберга повел наступление на пос. Кочубеевский с целью обойти гор. Атбасар с запада, отряд тов. Жукова повел наступление на самый Атбасар, 65 кавполк должен сегодня [1]) занять п. Екатерининский, казполк Стеньки Разина оставался в пос. Спасовском, 66 кавполк в п. Максимовском, 2 батальона 1 Крепполка, заняв в 13 часов 23/XI пос. Трактовый, с утра 24 ноября ведут наступление на пос. Уральский, 6 рот 3 Крепполка, при одной батарее, в 6 часов выступили из станицы Котур-Кульской и повели наступление на пос. Яблоновский; 2 роты того же полка с сотней Сибирских казаков-повстанцев заняли аул Джукей и пос. Кочербаевский и повели наступление на поселок Даниловский-Имакинский, в которых, по данным разведки, сосредоточился отступающий противник. Части бригады 2/59 занимали: 526 полк—п. Дворянский, 528 полк—пос. Ковалевский. По сведениям от местных жителей, противник еще 23 ноября начал отход из Атбасара на Акмолинск. Штаб Кокчетавской группы перешел в этот день в Александровское.

Сегодня же по группе отдан приказ № 06.

1. На Омском направлении противник продолжает отход в восточном направлении.

На фронте группы противник, после боя у станицы Щучинская 22 ноября, продолжает отход на Акмолинск, левый его боковой арьергард по дороге на Атбасар поспешно отходит в южном направлении.

2. Во исполнение приказа командарма, вверенной мне группе приказываю:

а) Начдиву Кавалерийской по занятии Атбасара продолжать энергичное преследование противника по тракту Атбасар-Акмолинск,

[1]) Так в подлиннике.

к вечеру 26 ноября выйти на линию Таволжанский — Астраханский, к вечеру 27 ноября Петровский — Покровский, к вечеру 28 ноября Сосновский — Джамалевский, к вечеру 29 ноября, поддерживая Степную бригаду, выйти на тракт южнее Акмолинска, заняв бывший пос. Ак-Сенгар (карта 50 верст). Во время наступления все время охранять правый фланг группы, производя разведки Дмитриевский — Раздольный — Джарды — Куль и по тракту южнее Ак-Сенгар.

б) Комбригу Степной к вечеру 27 ноября выйти на линию Яктасы — Раевка, к вечеру 28 ноября занять всей бригадой Викторовский, к вечеру 29 ноября атаковать и занять гор. Акмолинск, поддерживая связь с Кавдивизией, имея боковой отряд в Мурза, Чеку Ак-Тюбе. Во время наступления во-время поддерживать связь со 2-й 59 дивизии, имея в виду дальнейшее движение [1]) по большому тракту на Семипалатинск.

в) Комбригу 2/59 к вечеру 25 ноября выйти в район Сергиевский — Таддыкуль, к вечеру 26 ноября Алексеевское — Дворянский, к вечеру 27 ноября занять всей бригаде пос. Кранкринский и Ново-Рыбинский.

г) Командиру Крепостной бригады, двигаясь восточнее 2-й бригады 59 дивизии, к вечеру 27/XI главными силами выйти на линию Степок, организовав отряд силою не менее баталиона, которому, передвигаясь на подводах, перерезать большую дорогу к вечеру 27/XI в районе Елененской, вести разведку в направлении Приречный, Ильинский, Гоголевский.

3. Штадиву Кавалерийской перейти к вечеру 26 ноября Ковыльный, к вечеру 27/XI Астраханский, к вечеру 28/XI в Семеновский, к вечеру 29-го гор. Акмолинск.

Штабригу Степной к вечеру 27/XI перейти Раевка, к вечеру 29/XI Викторовский.

Штабригу 2/59 перейти в Никольский к вечеру 25/XI, к вечеру 27/XI в Дворянский.

Штабригу Крепостной перейти к вечеру 27/XI в район Ново-Рыбинский.

4. С 24 часов 27 ноября все оперативные донесения направлять штабриг 2/59— Дворянское, где буду находиться я.

5. Начсвязи группы к вечеру 27 ноября установить телеграфную станцию в пос. Дворянском и телефонную связь со штабригами Степной и Крепостной.

6. Оперативные донесения, кроме разведывательной и о потерях, доставлять штагруппы к 8 и 18 часам.

---

[1]) Так в подлиннике.

7. Штагруппы к вечеру 25 ноября перейти в Щучинское.

8. Разграничительная линия между Кавдивизией и Степной Камышенский — Актасты — Акмолинск, — Александровский, все, для Степной бригады включительно; между Степной, и 2/59 бригадой — Сосновка — Раевка — Софиевка, все для Степной бригады включительно; между 2/59 бригадой и Крепостной Талдыкуль Ново-Рыбинский — Приречный, все пункты для 2/59 бригады включительно.

9. Начснабдиву оставаться в Кокчетаве, где организовать прод. и арт. магазины, 27/XI прод. и арт. летучки передвинуть в Щучинское. Инженерному баталиону оставаться в гор. Кокчетаве. 527 полку оставаться в гор. Кокчетаве, отправив первый баталион 25 ноября на подводах в станицу Щучинскую, куда прибыть к 26 ноября к 12 часам.

10. О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

11. Заместители начдив Кавалерийской и комбриг Крепостной.

25 ноября в 7 часов утра г. Атбасар занят партизанским отрядом тов. Жукова. К 20 часам этого дня в Атбасаре были партотряды тов. Лимберга и казполк Стеньки Разина и штадив 13 кавалерийской; 65 кавполк с утра сегодняшнего дня ведет наступление на дер. Ново-Александровскую, 66 кавполк на пос. Мариинский.

26 ноября. Части Кавдивизии с утра находятся в движении. 66 кавполк на пос. Астраханский, 65 кавполк на пос. Ново-Александровский — Старо-Колутоновский. Казполк Стеньки Разина находится в движении на пос. Таволжанский, штадив Кавалерийской в с. Ново-Александровском. Донесения от штаба Степной бригады поступают с большим запозданием; только 26-го стало известно, что 1 Акмолинский полк еще утром 24-го выступил из пос. Аксановского на пос. Камышенский — Елисаветградский. 2 Кустанайский полк выступил на пос. Таволжанский, а штаб бригады на пос. Камышенский. Чтобы выяснить причины систематического запаздывания оперативных донесений от названной бригады и вообще для налаживания штабной работы в бригаде 25/XI в штаб Степной бригады был командирован старший помощник начальника штаба группы. Части бригады 2/59 в движении из Вознесенского и Пушкинского в юго-восточном направлении (приказ № 06). Штаб бригады в с. Вознесенском.

Части Крепостной бригады — 1 Крепполк в движении по тракту южнее Никольский, сведений о достигнутых рубежах не поступало; 3 Крепполк продолжает наступление на пос. Яблоновский, — сведений о занятии поселка не поступало. Штаб бригады в с. Макинском, где находится и командующий группой вместе с военкомом и одним из помощников начальника штаба по оперативной части.

27 ноября части 13-й Кавалерийской дивизии — 66 кавполк в движении из Старо-Колутонского на пос. Астраханский, 65 кавполк

26/XI прибыл в Старо-Колутоновский; от полка Стеньки Разина сведений не поступало, штаб Кавдивизии в пос. Мариинском. Части Степной бригады, после ряда последовательных боев с 22 по 25/XI под сел. Ново-Колутоновском — Мариинском, Ковыльным, Камышенским, к вечеру 25/XI оказались: 1-й полк в пос. Елизаветинском, 2-й в движении на пос. Семеновский, т.-е. почти под самым гор. Акмолинском,опередив намного другие части группы; объясняется это тем, что Степная бригада вела наступление энергичнее других частей группы, а также и тем, что вследствие плохо налаженной связи приказов по группе в бригаде не получалось; бригада приняла слишком вправо, вышла за пределы разграничительной линии с 13 Кавдивизией (п. п. Введенский, Николаевский, Камышенский, гор. Акмолинск) и на пути отступающего противника и оказалась таким образом далеко впереди частей 13 Кавдивизии.

Этим был решен исход Акмолинской операции: паника в рядах разбитого противника достигла высших пределов, когда красные бойцы Степной бригады, как снег на голову, обрушились на белых под пос. Малиновским — Ковыльным и Мариинском. В руки героев попала в боях под этими селами большая добыча: в бою 22/XI под с. Ново-Колутоновским 2 полк бригады, разбив противника, захватил следующие трофеи: 6 пулеметов разных систем, 20 000 винтовочных патронов, полевое казначейство с наличностью в 600 000 рублей, телеграфный аппарат Морзе, 200 лошадей, 16 хомутов, 12 саней, 400 военнопленных. В бою под пос. Малиновским 2 полк Степной бригады уничтожил 2 и 3 Пластунские полки из состава 4 Оренбургского корпуса противника, захватив 300 пленных, захвачены были винтовки, патроны и обоз с съестными припасами. В бою под с. Ново-Колутоновским частями бригады уничтожен Атаманский полк противника, отряд атамана Верхотурова. 23/XI при взятии Новочеркасска-Островского 2 полком захвачен артиллерийский транспорт и часть обозов 4-го корпуса, 250 подвод, из которых 150 со снарядами и другое интендантское имущество; 150 пленных, корпусный инженер с сотрудниками. Противник во всех боях оказывал упорное сопротивление, переходя часто в контратаки, но энергичными контрударами красных бойцов каждый раз был отбрасываем с большими потерями.

Части Крепостной бригады — 1 Крепостной полк с 26/XI в движении на пос. Богдановский через Боярский, 3 Крепостной полк, по занятии 26/XI пос. Яблоновского, в движении на пос. Приозерный. Штаб бригады в селе Макинском. Сегодня в штаб группы, в станицу Щучинскую, пришли перебежчики Отдельного кокчетавского казачьего дивизиона и сообщили, что весь дивизион решил перейти на нашу сторону и направляется в ст. Щучинскую для сдачи оружия.

1-й бригаде 59-й дивизии командующим группой сегодня приказано в срочном порядке прибыть в гор. Кокчетав; начдиву 13-й Кавалерийской приказано назначить начальника гарнизона гор. Атбасара, принять срочные меры в восстановлению в городе порядка, отобрать от военнопленных оружие и снаряжение и организовать эвакуацию больных и военнопленных на Кокчетав.

Этого же числа по группе был отдан приказ № 07:

1. Части нашей армии продолжают наступление в восточном направлении, 2-я бригада 26-й дивизии продолжает наступление на гор. Павлодар и вышла на линию гор. Иртыш. На участке Кокчетавской группы противник, не оказывая сопротивления, отходит на гор. Акмолинск.

2. Частям группы приказываю:

а) Начдиву Кавалерийской продолжать выполнение моего приказа № 06 и к вечеру 30 ноября сосредоточить дивизию Преображенский — Рождественский — Романовский. Произвести тщательную разведку в районе Киевский — Ивановский, что 40—50 верст юго-восточнее гор. Акмолинска, и Борисовского, в 30 верстах восточнее Рождественского, штадив Кавалерийской — гор. Акмолинск.

б) Комбригу Степной к вечеру 30 ноября занять Александровский, где сосредоточить свою бригаду, имея заставы силою одна рота в районе озера Балта-Кара для связи с частями Крепостной бригады, штабриг Степной к вечеру 30 ноября — гор. Акмолинск.

в) Комбригу Крепостной продолжать наступление, к вечеру 30 ноября главными силами занять Владимирское, Подгорное, причем выделить заставы для очищения района Приречный, Кавчасти приданной бригады к вечеру 30/XI занять Ксениевский и вести тщательную разведку по большой дороге на Павлодар. Штабриг Крепостной 30 ноября вечером — Приречный.

г) Комбригу 2/59 сосредоточить полки бригады 29 ноября вечером Викторовский — Ключи, штабриг Кранкринский, бригада составляет резерв группы.

3. Штагруппы к вечеру 28/XI — Макинское, к 29/XI — Никольский.

4. Я буду находиться при штабриге 2/59 до утра 29/XI — Дворянский, а к вечеру 29/XI — Кранкринский, куда присылать все донесения.

5. Оперативные донесения прислать к 8 и 18 часам.

6. Разграничительная линия между Кавдивизией и Степной — г. Акмолинск, Александровский, Борисовский и все пункты, кроме Борисовский для Кавдивизии исключительно, между Степной и Крепостной бригадой — Софиевка — оз. Балта-Кара, Михайловский, все пункты для Степной бригады включительно.

7. Начснабдиву арт. и прод. летучки к 29/XI передвинуть Никольский. Отделу снабжения к вечеру 1 декабря — Щучинское, к вечеру 2/XII — Макинское.

8. Завсандиву немедленно организовать промежуточный перевязочный пункт Макинское, для чего использовать местную больницу. Перевязочному отряду 2/59 29/XI к вечеру — Александровский, где организовать передовой перевязочный пункт для всей группы.

9. О получении приказа и отданных распоряжениях донести.

10. Заместители начдив Кавалерийской и комбриг Крепостной.

28 ноября от частей Кавалерийской дивизии сведений не поступало. Степная бригада 26/XI 2-мя батальонами Кустанайского полка заняла гор. Акмолинск и 1 батальон — пос. Максимовский; Акмолинский полк занял пос. Софиевский, что 30 верст северо-восточнее Акмолинска, части бригады 2/59 дивизии, 526 и 528 полки, по занятии Алексеевского и Дворянского, ведут наступление на Кранкринский. Части Крепостной бригады — 3 Крепполк ведет наступление на с. Степок, что на 40 верст восточнее Ново-Рыбинского.

1 Крепостной полк ведет наступление на Измайловское, что в 20 верстах к востоку от Ново-Рыбинского. При занятии Акмолинска частями Степной бригады захвачены обозы противника. Последний поспешно отходит на Семипалатинск, не оказывая серьезного сопротивления. В связи с занятием Акмолинска командующим группой сделано распоряжение о немедленной высылке 2-х баталионов 627 полка бригады 2/59, находившегося все время Акмолинской операции в резерве в г. Акмолинске. Отделу снабжения со всеми приданными к нему частями приказано продолжать движение на Акмолинск с таким расчетом, чтобы к вечеру 4/XII прибыть в Алексеевское, откуда в случае неполучения распоряжения выступить 6/XII на Акмолинск.

29 ноября 526, 528 полки штабриг 2/59 в 5 часов выступили из Алексеевского в Кранкринское. Комгруппы при штабриге. Штаб 30/XI переходит в Алексеевское, к вечеру 2/XII прибудет в Кранкринское, к вечеру 3/XII Викторовский, к вечеру 4/XII г. Акмолинск. Части Степной бригады продолжали преследование поспешно отходящего по Семипалатинскому тракту противника.

30 ноября. Части Кавдивизии к 18 часам 28/XI вышли на линию Джамалеевский — Акмолинск и продолжают наступление на Преображенский — Романовский, очищая означенный район от противника. Части Степной бригады заняли Александровский, что 25 верст восточнее Акмолинска. Части бригады 2/59 29 ноября заняли село Кранкринское, захватив около 100 пленных, 40 000 ружейных патронов, 18 ящиков 3″ снарядов и 3 ящика 6″, обоз противника.

Крепостная бригада ведет бой в районе Степок и пос. Елененского с частями 4-го корпуса противника, отходящего от пос. Ново-Рыбинского и Кранкринского 30/XI по группе отдан приказ № 08:

I. Части 4-го корпуса противника, прикрывающие отступление армии Дутова, разбиты в районах Кранкринский — Степок и отходят в восточном направлении. Частям вверенной мне группы приказываю: энергично преследовать противника и уничтожить его.

II. а) Начдиву Кавалерийской к вечеру 2 декабря главными силами занять Борисовское, сбить противника с большого тракта Акмолинск — Семипалатинск, двигая боковой отряд вправо через Черниговский — Сункарский, разведывая указанные пункты и к 2 декабря занять их. Штадив 2 декабря — Александровский.

б) Комбригу Степной 2 декабря к вечеру занять главными силами Лермонтовский — Михайловский, имея заставу Борисовский для связи с Кавдивизией.

Штабриг 1 декабря к вечеру перейти — Александровский.

в) Комбригу Крепостной к вечеру 2 декабря главными силами достигнуть Сейтеновский — Ольчинский, имея кавалерийские части — Карательский. Комбригу энергично действовать, охватывая правый фланг противника, отбрасывая его к югу. Штабриг 2 декабря — Владимировский.

г) Резерв группы: комбригу 2/59 к вечеру 30 ноября перейти Викторовский, 1 декабря к 12 часам перейти в г. Акмолинск. Штабриг 2/59 — г. Акмолинск.

III. Оперативный отдел к 12 часам 1/XII — г. Акмолинск, куда присылать все донесения.

IV. Штагруппы 2/XII к вечеру — Алексеевское, а 3/XII — Кранкринский.

V. Отделу снаб. 3/XII — Никольский, 4/XII — Алексеевский.

VI. Комбату связи установить к вечеру 1 декабря телеграфную связь от Акмолинска со штармом.

VII. Разграничительные линии между Кавдивизией и Степной бригадой — Акмолинск — Борисовский, для Кавдивизии включительно, между Степной и Крепостной бригадами Софиевка — Михайловский — Константиновский для Степной бригады включительно.

VIII. О получении приказа и отданных распоряжениях донести немедленно.

IX. Заместители начдив Кавалерийской и комбриг Крепостной.

1 декабря. Части Кавалерийской дивизии к вечеру 30 ноября достигли района северо-восточнее села Рождественского и продолжали вести разведку в южном и восточном направлениях. Степная бригада — Акмолинский полк в с. Александровском, Кустанайский

полк ведет наступление на пос. Борисовский, части бригады 2/59 в 7 часов 1 декабря выступили на гор. Акмолинск. В город прибыл командующий группой тов. Калнин и военком группы тов. Самсонов, нач. гарнизона назначен военком бриг. 2/59 тов. Покровский.

Мирная жизнь города выбита из колеи; жители, напуганные тенденциозными рассказами белых об ужасах, которые несут с собой красные, прячутся по домам. Город завален брошенными белыми тифознобольными. Командующим принимаются энергичные меры к налаживанию нормальной жизни. За время Акмолинской операции военные добычи частей группы выразились в следующих цифрах: частями бригады 2/59 захвачено пленных и перебежчиков 144 человека, винтовок разных систем 90, лошадей 42, 3-дюймовых снарядов 18 ящиков, 3 ящика 6-дюймовых, 10 ящиков изоляторов, проводов 21 моток, 400 пудов овса и 7.500 рублей денег. Частями Крепостной бригады взято: пленных и перебежчиков — солдат 792 человека, офицеров 10, орудий 3-дюймовых 4, винтовок 580, пулеметов 2, шашек 181, патронов винтовочных 127 ящиков, гранат 130, шрапнелей 90, кухонь 2, седел 66, телефонных аппаратов 19 и 75 лошадей. Частями Степной бригады взято: перебежчиков пленных 1.300 человек, офицеров 60, врачей 2, фельдшеров 4, санитаров 11, орудий 3, пулеметов разных систем 39, патронов винтовочных 20.000, 12 ящиков мясных консервов, хомутов 16, саней 12, мотоциклетов 1, лошадей 21, орудий мортирных 1, винтовок 100, 270 ящиков 3 и 6-дюймовых снарядов и на 600 000 р. денежных знаков. Кавдивизионом товарища Соболева захвачено: перебежчиков и пленных — солдат 303, офицеров 3, врачей 2; в частях 3 Кавдивизии взято пленных и перебежчиков 70, фельдшеров 2, сестер милосердия 4, винтовок 63, шашек 20, патронов и снарядов 60, подвод, лошадей 111, седел 25.

Потери выражаются следующими цифрами: убито и ранено за время операции красноармейцев и комсостава 92 человека.

Части группы терпели большой урон не от пуль и снарядов противника, а от всевозможного рода заболеваний. Вся операция проходила в местности, редко населенной, в самое суровое время года; части не имели ни теплого обмундирования, ни обоза, чтобы во-время получать продукты питания. Обычны были переходы в 40 и более верст, ночлеги в аулах и селах среди населения, болеющего всеми видами тифов. Неудивительна поэтому была быстрая убыль людей в частях. И все-таки, несмотря на все эти подчас сверхчеловеческие лишения, части доблестно выполнили возложенные на них задачи.

Младший пом. нач. штаба по оперативной части. [Подпись].

Записки Н. М. Романова.

Окончание [1]),

Увольнение военного министра Алексея Андреевича Поливанова 13/III 1916 г.

Царствование Николая II, столь обильное сюрпризами произвола на почве симпатий или антипатий со стороны монарха или его супруги, дает обильный материал для будущего историка: на что была обречена Россия при режиме самодержавия, даже после знаменитого акта 17 октября 1905 года. В июле 1915 года государь должен был расстаться со своим любимчиком Вл. Ал. Сухомлиновым, пользовавшимся его неограниченным доверием в течение многих лет вопреки целого ряда веских предупреждений о зловредной его деятельности, раздававшихся с самых различных, вполне осведомленных сторон. На удивление публики, давно отвыкшей от удачных выборов со стороны власти, преемником Сухомлинова был назначен популярный генерал, снискавший общее доверие не только Государственной думы и Государственного совета, но и военной среды — Алексей Андреевич Поливанов. Когда состоялось это назначение, ее величество императрица Александра Федоровна в беседе с одним из приближенных выразилась следующим образом: «It is not for a long time, because Niki hates him», т. е. «это назначение ненадолго, так как Ники его ненавидит». Другими словами, понимай, что ненавидит его не Николай II, а его проницательная супруга. Девять месяцев Поливанов удержался у власти, не получив со стороны государя никаких знаков доверия во время докладов, но завербовав себе доверие со стороны армии, общества и особенно законодательных учреждений.

Сочувствуя нелицемерно всем общественным организациям, Поливанов старался за эти 9 месяцев поправить все те промахи, которые создались при его предшественнике, и направить в должное русло многосложные отрасли военного хозяйства России. Вот это-то сочувствие к общественным силам было ему поставлено в главную вину,

---

[1]) Начало публикации и предисловие к ней см. «Красный Архив», т. XLVII—XLVIII.

и его враги поют на все ноты, что Поливанов ничего не сделал, как только провел время в заигрывании с депутатами и со всеми элементами, вселяющими смуту в общественном мнении родины. Будущее покажет, насколько эти обвинения были голословны или правильны.

8 апреля в ресторане Донона я имел удовольствие обедать вдвоем с Ал. Ан. Поливановым и провести с ним в интереснейшей беседе более четырех часов. Суть этого разговора я постараюсь изложить в дальнейшем повествовании.

«Никого больше чем меня не поразил выбор государя, остановившийся на мне в июле прошлого года, как преемнике Сухомлинова. Первый прием был корректный, но далеко не ласковый, и я чувствовал, что он меня назначил против воли, а в силу обстоятельств, которые мне остались неизвестными, хотя я подозревал, что почти все министры поддержали мою кандидатуру, не исключая и Горемыкина». Это было начало разговора. Далее Поливанов анализировал последующие фазисы отношений, подчас носивших характер полурасположения, но в общем всегда преобладала нота недоверия и какой-то необычайной тревоги, что он его может подвести. При этом Поливанов заметил, что за все время пребывания его у власти он ни разу не произнес фамилии Сухомлинова и всегда избегал даже намеков на какую-либо оплошность его предшественника.

Но каждый раз, что Сухомлинова где-либо задевали — или печать или Государственная дума, Поливанов чувствовал лягание в свою сторону в той или иной форме. На совещаниях в ставке он взвешивал каждое слово, но, будучи в наилучших отношениях с Алексеевым, Эвертом, Куропаткиным и Ивановым, он всегда откровенно высказывал свое мнение, встречая исподлобья недоверчивый взгляд государя. Придворная камарилья держалась относительно его корректно, а некоторые, как например Воейков, изливали свои чувства одобрения по его адресу.

По инициативе Поливанова была создана должность полевого интенданта в лице генерала Шуваева, с подобающим штатом. Что же касается артиллерийской части, то дважды Поливанов рекомендовал на должность полевого инспектора артиллерии моего брата Сергея и дважды получил отпор со стороны государя, который только нехотя, наконец, согласился на это назначение, ранее того предпочитая видеть на этом посту генерала Шахтахтинского, а не его, которого считали более подходящим занять это место.

Когда осенью почти все министры подали прошение об отставке, изложенное в письме за их подписями, то Поливанов и Григорович желали присоединить и свои фамилии, но остальные министры их отговорили ввиду военного времени. Как известно, конфликт произо-

шел с Ив. Лог. Горемыкиным на почве роспуска Государственной думы. (Подписали именно: Харитонов, Сазонов, гр. Игнатьев, кн. Щербатов, кн. Шаховской, Самарин, Барк, Кривошеин; не подписали: Хвостов (юстиции) и отсутствовавший Рухлов.)

При возобновлении сессии Государственной думы речь, которая была произнесена Поливановым, была предварительно представлена на высочайшее благоусмотрение и была одобрена. Помимо того, при первом докладе после созыва Государственной думы, его величество сказал Поливанову: «Ваша речь была настолько интересна и хорошо составлена, что я ее прочел вслух своим дочерям».

Казалось, положение Алексея Андреевича было закреплено и что потерянное доверие понемногу возвращалось. Это было одной из иллюзий почтенного генерала.

Последующие речи в Государственной думе и особенно последняя, вызвавшая шумные одобрения всей Думы, была подвергнута немилосердной критике императрицы Александры Федоровны и большинства придворных, начиная с графа Фредерикса, находивших, что Поливанов разыгрывает роль парламентского военного министра, ищет популярности перед народными представителями во вред верховной власти.

Очевидно, Поливанов не подозревал такого исхода его выходов на кафедру Государственной думы, и он продолжал заблуждаться на этой почве в полном братании со всеми общественными организациями. Но кризис приближался, и даже тогда, когда он назрел, Поливанов был еще далек от мысли о своем увольнении. Случайные обстоятельства помогли развязке.

1 марта генерал Петров [1]) был в Царском; ему было возвращено следственное дело о Сухомлинове, пролежавшее у государя целых 12 дней.

После аудиенции Петрова было решено и подписано предание верховному суду бывшего военного министра В. А. Сухомлинова. В пятницу 26 февраля Поливанов был с докладом у его величества. Государь был весьма милостив и внимателен. Когда Поливанов его спросил о дне следующего доклада, приходившегося на вторник, 1 марта, то государь поморщился, но прибавил, что вероятно, доклад состоится и что он ему заблаговременно даст знать о часе приема. 29 февраля вечером доклад был отменен. 1 марта была заупокойная обедня в Петропавловской крепости, а днем состоялся доклад генерала

[1]) Петров, Н. П., инж.-ген., председатель образованной в 1915 г. «Верх. комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения». Согласно постановления этой комиссии в 1916 г. было возбуждено уголовное преследование против ген. В. А. Сухомлинова.

Петрова. Следующий день доклада военного министра приходился на субботу, 4 марта; накануне он был отменен, что заставило Поливанова только призадуматься, а 5 числа государь уехал в ставку, не видевши его. Тогда только сомнение закралось в душу столь прозорливого в обычное время Алексея Андреевича. Но доклады продолжались посылаться в ставку, следовали резолюции по заведенному порядку, и ничто не давало еще повода сомневаться в утрате доверия.

Только 12 марта пришла бумага поставщика, некоего Братолюбова, впутавшего великого князя Михаила Александровича в грязное дело и которого не без труда Поливанову удалось обезвредить, со следующей собственноручной пометкой: «Нельзя же доконать человека».

Эта надпись привела в смущение Поливанова, сразу понявшего, что сей субъект нашел окольные пути через Распутина, чтобы расшатать Александру Федоровну. Наконец, 13 марта пришло собственноручное письмо государя, извещающее Поливанова об его отставке. Письмо скорее любезное, без резкостей, но далеко менее предупредительное, как подобное же, полученное Сухомлиновым в день его ухода. Главным аргументом неудовольствия была выставлена следующая причина: «Вы были недостаточно строги и взыскательны со всеми общественными учреждениями, работающими на пользу армии». Другими словами: вы изволили популярничать с законодательными палатами и со всякими господами из городов или земств, а потому убирайтесь вон. К письму была приложена записка карандашом: «Пришлите мне к подписи указ о назначении вас в Государственный совет, Шуваева—состоять министром, а также проект приказа благодарности вам». Все требуемое было немедленно исполнено и отправлено в ставку.

15 или 16 марта вернулись подписанными оба указа, а вместо обещанного приказа — надпись собственноручная, гласящая кратко и ясно: «Благодарность отменяю». Эти два слова были не только обидны для Поливанова, но и несправедливы для его девятимесячной трудной работы, и показали наглядно, что нашлись молодцы в ставке, которые пожелали еще лежачего побить и побить больно, чтобы нанести оскорбление. Кто были эти молодцы, удалось точно установить.

В марте прибыли в ставку братья Треповы, Федор и Александр [1]), где пробыли два дня, изощряясь на все лады порочить доброе имя Поливанова, выставляя его как вредного политикана и человека, ровно ничего не сотворившего в бытность его военным министром

[1]) Трепов, А. Ф., упр. мин. путей сообщения; с 19/XI по 27/XII 1916 г. председатель Совета министров.

кроме безусловного вреда, с постоянным заигрыванием с общественными организациями. Оба брата постарались вооружить против Алексея Андреевича не только лиц свиты и штаба, но и самого государя, который, по своей обычной бесхарактерности и антипатии к Поливанову, сделал эту печальную для его личности надпись: «Благодарность отменяю».

Между тем всем известно, сколь снисходителен был монарх ко всем промахам Сухомлинова, и, даже расставаясь с ним, он ему написал в весьма теплых выражениях свою благодарность. Как полагает Поливанов, решив 1 марта, с болью в сердце, предать суду Сухомлинова, государь с злорадством решил отделаться от него, так как за все время пребывания своего у власти А. Ф. вооружала супруга против него.

Между прочим, Поливанов, несмотря на неоднократные обращения к нему известного князя Андронникова, наотрез отказался его принять, равно как не водил знакомства ни с Распутиным, ни с его сподвижниками, а открыто порицал всю эту зловредную банду авантюристов.

Замена же Поливанова Шуваевым объясняется просто, так как последний, живя в ставке, понравился своей грубоватой прямотой и только ввиду этого и был избран как подходящий человек для руководства военным ведомством. По мнению Поливанова, вряд ли его преемнику удастся справиться с сложной работой.

Беседуя на разные другие темы, Поливанов подробно мне рассказал, как он себе объясняет нравственное падение Сухомлинова тотчас же после назначения в 1910 году [1]). Дело в том, что, потеряв свою вторую супругу, которую он нежно любил, Сухомлинов сильно загрустил еще в бытность командующим войсками Киевского военного округа.

Этим угнетенным состоянием воспользовался очень ловкий аферист Альтшулер, оказавшийся впоследствии главой австрийского шпионажа в России. При содействии полковника Кулябко и будущего убийцы Столыпина Богрова, Сухомлинова завлекли в один из киевских театров, где обещали ему показать женщину, замечательно похожую физически на его покойную (вторую) супругу. Сказано — сделано. Впечатление было ошеломляющее. Сперва желание скорее познакомиться: она была женой местного помещика Бутовича, и знакомство произошло быстро. Пока Сухомлинов по уши влюбленный в эту особу [2]), Богров и Кулябко старались всячески скомпрометировать мужа ее, наталкивая его на всяких сомнительных женщин, чтобы облегчить

---

[1]) Неточно. Следует: в 1909 году.
[2]) Так в подлиннике.

дело неминуемого развода, так как Сухомлинов, уже не молодой, был влюблен по уши и торопил развод. Дело было в полном разгаре, когда он получил лестное предложение быть военным министром, которое не колеблясь принял. Тогда вся эта компания с австрийским шпионом во главе перебралась в Петроград. Здесь скоро был введен в круг ближайших знакомых еще немецкий коллега, а также полковник Мясоедов. Что же касается австрийца, то он стал завсегдатаем за завтраком или обедом и всегда сопутствовал чете Сухомлиновых в их заграничных поездках. Следствием было дознано, что втечение нескольких лет вся переписка, деловые бумаги, лежавшие на письменном столе беззаботного военного министра, были фотографированы одним из почтенных друзей и пересылались регулярно в Берлин и в Вену.

Подробности убийства Распутина.

18/XII 1916 г. 4 ч. утра.

17/XII в 5½ часов два телефонных звонка — один от княгини М. А. Трубецкой, другой от английского посла Бьюкенена — мне сообщили, что прошедшую ночь убит Григорий Распутин и что подозреваемые убийцы: князь Ф. Ф. Юсупов и мои племянники Федор и Никита [1]). Такое неожиданное известие меня ошеломило, и я помчался в автомобиле в дом брата Александра на Мойку, чтобы узнать, в чем дело. Застал лишь одного Никиту за уроком, а ни Федора, ни Феликса, жившего (без супруги) у них, не оказалось дома. Я был озадачен и взволнован и решил дождаться возвращения другого племенника, Федора, так как прислуга сообщила, что Юсупов вернется поздно. Федор вернулся в начале седьмого часа, заметно сконфузился, когда меня увидал, и на мой вопрос: «Что случилось?» ответил, что ничего положительного, кроме слухов, не знает, а дает слово, что он к убийству непричастен. Это меня отчасти успокоило, и, не дождавшись Юсупова, я пошел обедать в клуб, где все только и говорили об исчезновении Гришки. Под конец обеда появился вел. князь Дмитрий Павлович, бледный, как смерть, с которым я не разговаривал, так как он сел за другой стол, а я, успев спросить Трепова о правоте случившегося и получив ответ, что все это ерунда, доказывал во всеуслышание, что это новая провокация Протопопова. Между тем Дмитрий Павлович заявил другим, что, по его мнению, действительно Распутин или исчез или убит. Мы сели играть в quinze, а Дмитрий Павлович уехал во французский Михайловский театр.

[1]) Сыновья в. к. Александра Михайловича, на дочери которого, Ирине Александровне, женат Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон.

На другой день, 18-го, я узнал, все еще не видав Юсупова, что он и оба племянника уезжают вечером в Крым и что из ст. «Медведь» вернулся старший племянник Андрей. Но за день толки не умолкали, и А. Ф. Трепов мне по телефону сообщил, что действительно Распутин, вероятно, убит и что упорно называют Юсупова, вел. князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича — как замешанных в этом убийстве. Племянников я снова навестил и простился с ними, а в 9 час. вечера мне дали знать, что они благополучно отбыли в Ай-Тодор. Я вздохнул свободно и сел безмятежно играть в quinze, радуясь, что этот мерзавец, наконец, не будет больше вредить, но опасался, что все сведения Трепова неверны и что вся эта mise en scène затеяна Протопоповым.

Каково было мое удивление, когда около $10^1/_2$ ч. меня вызвал к телефону Юсупов, говоря, что жандармский офицер его задержал на Николаевском вокзале и что он очень просит меня заехать к нему, в дом брата. Когда я приехал к нему, Феликс уже лежал в кровати, и два племянника, Андрей и Федор, были около него. Я пробыл у него до часа или $1^1/_2$, слушая его откровения. Он казался утомленным, глаза его блестели особенным блеском, но, видимо, брал на себя, чтобы произвести впечатление на меня по полному спокойствию духа и даже какой-то деланной невинности [1]). Слушал я его повествование молча и редко перебивая, и когда он кончил, я сказал следующее: как Николай Михайлович — я не смею ему не верить, но — как М. Лекок (из романа «Рабство»), весь его роман не выдерживает критики и что, по мнению M. Lecoqu'a, убийца — он.

19/XII. Вечер.

Настолько мое убеждение было твердо, что, когда 19-го, на другой день, Феликс уже переехал на квартиру Дмитрия Павловича, то, войдя к ним в комнату, я брякнул: «Messieurs les assassins, je vous salue» [2]).

Видя, что упираться не стоит больше, Юсупов мне выложил всю правду. Первый раз он познакомился с Распутиным в 1911 году, скорее из любопытства, но возобновил знакомство с ним [за] несколько месяцев до убийства, осенью 1916 года. Гришка сразу полюбил его, много толковал о том и о сем и вскоре совсем доверился ему, Юсупову, доверяясь ему вполне [1]). Они виделись чуть ли не ежедневно, говорили обо всем, причем Распутин посвящал его во все свои замыслы, нисколько не стесняясь такой откровенностью.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) «Приветствую вас, господа убийцы!»

Шли недели, и Распутин был убежден, что он вполне располагает своим молодым приятелем, доминирует им, словом, что Феликс им окончательно загипнотизирован. Феликс же чувствовал на себе ток его влияния, но вместе с тем и внутренний какой-то отпор его собственной натуры на гипноз Гришки. Чем больше они виделись, тем больше Распутин становился ему противным, и он с ужасом думал, что другие (т. е. Александра Федоровна и государь) находятся вполне под его властью и что России угрожают самые пагубные последствия. Для удобства их свиданий, Юсупов наметил особняк в доме отца, где они могли свободно встречаться и никто не мог там им мешать. А тем временем Распутин все больше влюблялся в Юсупова и откровенно высказывал ему свои невероятные планы на будущее. К концу декабря было решено подписать сепаратный мир с Германией!! Это вызвало у Юсупова желание, а вскоре и твердое решение покончить с ним во что бы то ни стало.

Местом для замысла был избран юсуповский особняк на Мойке. Ночь 16/XII была назначена для выполнения замысла. До преступления молодой Феликс долго молился один в Казанском соборе. У себя он объявил людям, что у него будет попойка или ужин с молодыми людьми и дамами, потому вся лишняя прислуга была услана вон, а оставались лишь несколько слуг в нижнем этаже — и те не появлялись наружу. Приглашены были: в. к. Дмитрий Павлович, Пуришкевич, Сухотин и врач (приглашенный Пуришкевичем) — фамилии не помню. Для них были приготовлены в верхнем этаже чай и закуска, а внизу, в столовой (молодых Юсуповых) был сервирован холодный ужин с напитками, где заседали Распутин и Юсупов в д в о е м. Тут они провели время около 3-х часов вместе (от 12¼ до 3 ч.), пока Гришка не опьянел. Подливая ему вино, в котором был яд (раствор цианистого калия), — к удивлению Юсупова, [он] никакого действия на Распутина не имел, что озадачивало Феликса почти до умопомрачения, — и видя, что его замысел не удавался, а Распутин только постепенно пьянел, он оставил его одного в столовой, а сам побежал наверх к остальным заговорщикам и взволнованным тоном заявил: «Господа, непонятно: яд не действует. Давайте мне револьвер, придется его добить выстрелом». Револьвер оказался у Дмитрия Павловича, и он долго не хотел его отдавать Юсупову, но тот настоял на своем.

Вернувшись в столовую, Юсупов сел совсем близко к Распутину и, разговаривая с ним, произвел один выстрел почти в упор. Пуля задела часть легкого, прошла через печень, и Распутин повалился без памяти на пол со всеми признаками мертвого. Когда дело было кончено, Юсупов снова вернулся наверх и позвал их в столовую. Врач кон-

статировал агонию Распутина и сказал, что через несколько минут он перестанет дышать. Тогда, чтобы не терять времени, Дмитрий Павлович, Сухотин и доктор вышли из внутреннего подъезда (з а б ы в з а к р ы т ь д в е р ь н а к л ю ч), чтобы распорядиться с мотором для вывоза тела. Пуришкевич, нервный, возбужденный и в п о л н е т р е з в ы й (никто из них н е пил), не выдерживал оставаться в комнате, и, закрыв двери в столовой на замок, оба вышли с Феликсом в верхний этаж, чтобы обсудить дальнейшие действия.

Тем временем прочие еще не возвратились, и Юсупов пошел один в столовую, где Распутин продолжал лежать на полу без всякого движения, с закрытыми глазами. Тут произошло что-то невероятное по драматизму. Встав на колени перед трупом, Юсупов начал ощупывать пульс, который не бился, а также положил руку на сердце, не ощущая никакого биения, как вдруг мнимый покойник начал открывать сперва левый глаз, затем правый, впиваясь взором, пылавшим лютой злобой, в своего убийцу, который отскочил от Распутина в ужасе. Но не успел он сделать несколько шагов назад, как Распутин сделал усилие, поднялся во весь рост и, как лютый зверь, бросился на Юсупова (револьвер остался забытым наверху), сорвал с него погоны и вцепился руками в его тужурку. Юсупов вскрикнул и вместе с Распутиным направился к винтовой лестнице, где ему удалось оттолкнуть Гришку, упавшего на ступени и на четвереньках, с особенным ревом и шипением раненого зверя и с пеной у рта, рычал [1]), подымаясь по винтовой лестнице.

В один миг Юсупов вбежал к Пуришкевичу, призывая его к себе на помощь. Подойдя к лестнице, к удивлению, Распутина они уже не нашли: он успел убежать ко внутреннему выходу, где имел силу подняться и открыть незакрытую дверь во двор. Пуришкевич, нагнав его, сделал два выстрела: одна пуля попала в затылок, другая в ногу, и Распутин повалился на землю уже на дворе с рычанием и пополз к одним из выходных ворот двора. Здесь настиг его Юсупов и ка-

[1]) Так в подлиннике.

учуковой палкой начал добивать, пока жертва его не испустила духа.

В это время подоспели на выстрелы трое остальных, и тело было нагружено на мотор, но от волнения врач, который должен был управлять, заводя мотор, упал в обморок. Тогда пришлось сесть на руль Дмитрию Павловичу, и вместе с прочими они укатили.

Но до этого произошла еще отвратительная сцена. Раньше чем отправить тело, его втащили в дом, и здесь вдруг с Юсуповым произошло что-то необъяснимое. Взяв эту палку, он начал колотить ею труп Гришки по лицу мертвеца [1]) со всей силы, перебил ему нос, изуродовал все лицо, а прочие, видя этот припадок бешенства, с трудом его оттащили от трупа и уложили на диван, где он впал в прострацию, а сами все 4 уехали. Оба камердинера, увидя своего барина в крови, не на шутку перепугались, кое-как привели его в чувство, и как раз во-время, так как надо было принять меры предосторожности на дворе, где была масса крови. Пришлось убить дворовую собаку, чтобы перепутать следы крови; это был четвертый выстрел (собака была убита прислугой в 6 час. утра внутри дома и выброшена в снег); затем надо было вымыться и переодеться, так как Юсупов был весь в крови. Все это было сделано, и белье сожжено, кроме сапог, которые оставались, как особенно удобные для ношения(?!). Затем надо было вымыть пол в столовой, и все это надо было закончить за ночь. Точно не помню, когда появился городовой, прибежавший на выстрелы с набережной Мойки, но ему был дан совет молчать, так как мол господа баловались на попойке, и Дмитрий Павлович убил шутя собаку.

Место для погребения тела было выбрано накануне Юсуповым и Сухотиным, именно — на Петровском мосту. Словом, все подробности убийства были взвешены кроме возможности, что цианистый калий не подействует, что я объясняю просто, часто обращаясь в былое время с этим ядом для насекомых. Раствор был слишком слаб и, конечно, произвел бы свое действие, но позже. Что удивительно, это что тот же раствор яда был дан большой старой собаке, которая тотчас же околела, проглотив его.

Сознаюсь, что даже писать все это тяжело, так как напоминает роман Ponson de Terrail или средневековое убийство в Италии!!

23/XII. Половина третьего утра.

Только что проводил Дмитрия Павловича; Феликс уехал раньше в Ракитное. Мое почтение, кошмар этих шести дней кончился! А то

---

[1]) Так в подлиннике.

и сам на старости лет попал бы в убийцы, имея всегда глубочайшее отвращение к убиению ближнего и ко всякой смертной казни.

Не могу еще разобраться в психике молодых людей. Безусловно они невропаты, какие-то эстеты, и все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но — полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым. Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийств, не вполне еще определенные, но логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было. Голова идет кругом, а графиня Н. А. Бобринская, Миша Шаховской меня пугают, возбуждают, умоляют действовать, но как, с кем, — ведь одному немыслимо. С Протопоповым еще возможно поладить, но каким образом обезвредить Александру Федоровну? Задача — почти невыполнимая. Между тем время идет, а с их отъездом и Пуришкевича я других исполнителей не вижу и не знаю. Но, ей-ей, я не из породы эстетов и, еще менее, убийц, надо выбраться на чистый воздух. Скорее бы на охоту в леса, а здесь, живя в этом возбуждении, я натворю и наговорю глупости.

31/XII. Первый час.

Готово дело. Только что фельдъегерь мне привез приказание выехать в ссылку в Грушевку. Александра Федоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?! А он что это за человек, он мне противен, а я его все таки люблю, так как он души недурной, сын своего отца и матери; может быть, люблю по рикошету, но что за подлая душонка!

Хорошо встречаю новый год! Что он нам даст? Ничего хорошего. Иду спать, спать и спать.

Вагон. Киев. 4/I. После беседы с Шульгиным [1]) и Терещенко [2]).

Какое облегчение дышать в другой атмосфере! Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, а люди.

Шульгин—вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко, молодой, богатейший, но глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, уверен, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени.

---

[1]) Шульгин, В. В., член IV Госуд. думы, правый; редактор газ. «Киевлянин»; 2 марта 1917 г. вместе с А. И. Гучковым ездил в Псков к Николаю II с требованием Врем. ком. Госуд. думы отречься от престола.

[2]) Терещенко, М. И., крупный сахарозаводчик, после Февр. революции министр финансов, затем министр иностр. дел Врем. правительства.

Дай-то бог! Его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!

Что за времена, что за проклятие обрушилось на Россию! Оба мне выказывают столько сердца, симпатии, что я тронут и смущен. «Вам эта ссылка пойдет впрок, как она сама по себе ни возмутительна», говорит Шульгин. «Ничего, и вы испытаете на себе все прелести произвола», со злобой в глазах чеканит Терещенко со своим черным локоном волос на лбу. Надо ехать обедать к Марии Федоровне. Устал физически, отчего сам не знаю, а духом бодр. Мои люди — молодцы, но дразнят меня, что ради знакомства с Шульгиным и Терещенко меня сошлют из Грушевки дальше, чуть ли не в Сибирь. Может быть, они и правы.

Грушевка. 31/I 1917 г.

Письмо от Ирины и Феликса из Ракитного. Переписываю несколько строк Феликса: «Благодарю за письма, прочел их внимательно. За «маэстро» можно быть совсем спокойным. Он идет по верному пути, и никто и ничто его с этого пути не сдвинет. Про Дмитрия я имею тоже известия. Он там хорошо окружен... Выписываю пластинку для граммофона «Слушайте, если хотите». Буду ее все время заводить и вспоминать нашу жизнь у Дмитрия Павловича, где ты проявил ко мне столько сердечности». Это верно. Ничего другого кроме сердечности я проявить не мог, а лишь сожаление, что они не докончили начатого истребления, и результаты — только отрицательные — уже налицо. Подождем.

Грушевка. 14/II 1917 г.

Еще выписка из другого письма Феликса: «Это не «маэстро», а какой-то «сверх-маэстро». Судите сами»... «После допроса моего камердинера Нефедова (очень поверхностного) их пригласили обедать (т. е. прокурора и судебного следователя) и вечером ставили мы граммофон. На другой день они отправились в обратный путь. Было очень холодно, и прокурору была выдана меховая доха, которая очень напоминала ту доху на молодом человеке в роковую ночь в квартире Распутина?! Exceedingly funny!» [1]) Итальянцы XIV или XV столетия могли бы гордиться таким экземпляром, а я недоумеваю и, откровенно говоря, скорблю, так как он — муж моей племянницы. А что сказать про Ирину и про его мать, Зинаиду Николаевну Юсупову, которые обе в диком восторге, что Феликс — убийца Гришки!!! Хотя одиночество в Грушевке располагает ко всяким размышлениям, но

[1]) «Чрезвычайно забавно!»

этой психики понять не могу. М. Н. Молодовский, который знает кое-что, а, может быть, догадывается про суть дела, и он смущен откровением той же дохи.

16/III 1917 г.

Вернулись из Ракитного Ирина и Феликс в восторженном настроении духа, был у них и подробно осмотрел все места драмы 17/XII. Невероятно! Они спокойно обедают в той же столовой: муж, жена, Андрей, Федор и Никита.

Не могу понять психики. Чем, например, объяснить неограниченное доверие, которое оказывал Распутин молодому Юсупову, никому вообще не доверяя, всегда опасаясь быть отравленным или убитым? Остается предположить опять что-либо совсем невероятное, а именно — влюбленность, плотскую страсть к Феликсу, которая омрачила этого здоровенного мужичину — развратника и довела его до могилы. Неужели во время нескончаемых бесед между собою они только пили, ели и болтали? Убежден, что были какие-либо физические излияния дружбы в форме поцелуев, взаимного ощупывания и возможно... чего-либо еще более циничного. Садизм Распутина не подлежит сомнению, но, насколько велико было плотское извращение у Феликса, мне еще мало понятно, хотя слухи об его похотях были еще распространены до его женитьбы.

Эта сцена убийства, где один хладнокровно отравлял другого и только удивлялся, что яд не действует, и продолжал с ним пить! Далее — вся последняя борьба. Пробуждение убитого, выражение его глаз, полных злобы и кровожадности, конечно, понятной, этой ярости нагло обманутого мерзавца при виде ошеломленного юноши-убийцы, это рычание насмерть раненого зверя — все это отвратительно по своему реализму, но если не было плотской страсти, разве все это возможно? Наконец, исступление самого Юсупова перед трупом убитого и добивание жгутом из каучука своей уже беспомощной жертвы. Отчего такая злоба, отчего такой цинизм, такое извращение чувств — все же страдающей, умирающей жертвы? [1])

Но, конечно, остается гадать и гадать, а всю истину их отношений Распутин унес с собой, что же касается Феликса, то он многого, конечно, не договаривает из чувства стыдливости, особенно перед дядей его жены. Мне кажется, что он кандидат на сумасшествие в будущем. На мои неоднократные вопросы, что неужели его не мучит совесть, что он всетаки убил человека, всегда тот же ответ: «Никак». — Видел ли он его хоть во сне? — «Никогда».

А что сказать про занятия и приготовления к экзамену за 18 число и великолепно выдержанный экзамен утром 19/XII?! Сила воли неимо-

[1]) Так в подлиннике.

верная, сила убеждения, что он сотворил нечто необходимое, тоже полнейшая, а отношения жены и матери к нему, которые одинаково его боготворят! Я — другого поколения, но мать его лишь немного моложе меня — и она заражена той же болезнью — превозносить убийство! Это для меня необъяснимо, как и все подробности, до мелочей включительно, обдуманные заранее до убийства. Если Распутин был зверь, то что сказать о молодом Юсупове??

Как все они предали его [1]).

Император Александр III и его супруга имели около себя кружок лиц, которых они любили и которым оказывали свое доверие. Кружок этот, очень замкнутый и немногочисленный, уже не покидал их во все продолжение их царствования. Во главе видим фигуру министра двора гр. Иллариона Воронцова-Дашкова с его супругой, рожденной графиней Шуваловой; за ними идут кн. Владимир Оболенский с женой, рожденной Апраксиной, бывшей фрейлиной императрицы Марии, когда она была еще цесаревной, Владимир Шереметев, женатый на графине Строгановой, дочери вел. княгини Марии Николаевны, генадъют. Черевин, начальник дворцовой полиции, Екатерина Озерова и ее две сестры, графини Кутузовы — все три фрейлины, граф Сергей Шереметев и Павел Жуковский (сын поэта), вот и все.

Ничего похожего не было у преемников этих государей. Никогда никакой интимности с кем бы то ни было, и даже была определенная оппозиция против идеи создания такого кружка преданных и приближенных лиц. После 23 лет царствования Николай II не оставил ни одного друга ни среди своих родных, ни в высшем обществе, ни в среде приближенных. Императрица Александра, по крайней мере, имела двух друзей: m-me Вырубову, рожд. Танееву, оставившую печальную память по своей роли в дружбе с Григорием Распутиным, и свою лектрису m-lle Шнейдер.

Благодаря императрице выбор на должность министра двора остановился на лице, о котором покойный император Александр III говорил графу Воронцову: «Я охотно соглашаюсь назначить его вашим помощником, но при одном условии, чтобы он управлял только императорскими конюшнями и чтобы он не имел претензии быть вашим преемником». О ком шел вопрос? Не более, как о бароне Фредериксе (позднее графе), человеке порядочном, но ограниченном, и представляющем абсолютное ничтожество. Его влияние проявлялось время от времени в некоторых более или менее значительных назначениях,

[1]) Перевод с французского.

где выбор падал обычно на какого-нибудь офицера л-гв. Конного полка, в котором бар. Фредерикс сам долго служил и которым позднее командовал. Все эти люди, имена которых: Максимович, Мосолов, Теляковский, кн. Орлов, кн. Белосельский, Одоевский-Маслов, Новосильцев, бар. Штакельберг, Каменев, Переяславцев, обязаны своей карьерой или хорошо оплачиваемым местом только протекции барона, их покровителя и патрона.

После смерти ген.-адъютанта Рихтера, который был преемником Черевина и графа Воронцова, барон сделался председателем императорского Яхт-клуба, основанного еще в 1849 г. при Николае I, но начавшего играть политическую роль со времени восшествия на престол Александра III.

Этот клуб был образован несколькими крупными вельможами высшего петербургского общества по образцу иностранных клубов Парижа и Лондона, где ежегодные выборы были подчинены очень строгим правилам.

При Александре II Яхт-клуб не играл никакой особенной роли, но был известен страшной игрой, где проигрывали и выигрывали огромные суммы в баккара или в «пятнадцать», также, как и в коммерческие игры, но затем, при его преемнике, в дни «Священной дружины», Яхт-клуб начал становиться политическим собранием, так как большая часть его членов были в то же время членами «Священной дружины», президентом которой был гр. Воронцов, а главной пружиной (cheville ouvrière) — граф Павел Шувалов (Боби), оба бывшие столпами клуба.

После плачевного распада «Священной дружины» клуб сохранил род ореола ввиду содействия со стороны большинства членов клуба этой организации, целью которой было победить революционные стремления (так называемых тогда нигилистов) и укрепить самодержавие.

Что касается до Александра III, то он выказывал во все время своего царствования большое доброжелательство Яхт-клубу и его членам.

После его смерти клуб переменил свой состав, выборы сделались менее исключительными по строгости, и молодые его элементы, навербованные среди офицеров известных гвардейских полков, придали ему отпечаток гораздо менее серьезный и, в особенности, менее дисциплинированный. Разговоры сделались более свободными. Открыто критиковались поступки и поведение молодой императрицы, рожденной принцессы гессенской, которая со времени восшествия на престол своего супруга выказала ту ледяную холодность в отношении к высшему обществу и ту жесткость, которые ей принесли много не-

приязни, вполне понятной и естественной. С годами ее величество Александра Федоровна ни от кого не стала скрывать своей антипатии к этому клубу и через бар. Фредерикса потребовала сделать словесное предостережение членам клуба за критические отзывы, которые они позволяли себе произносить относительно поступков ее самой или поступков императора и его министров, и, наконец, барон намекнул даже о возможности совершенного закрытия этого «зловредного» собрания. Среди же членов Яхт-клуба были такие, которые, зная недоброжелательное отношение к нему государыни, систематически сообщали ей все сплетни — или для того, чтобы ее развлечь, или, скорее, для того, чтобы поддержать в ней эту неприязненность.

Несмотря на это большая часть придворных царскосельского двора были участниками клуба, хотя вполне знали истинные чувства императрицы к нему — печальный симптом, потому что они не могли предвидеть событий, и, когда разразилась катастрофа, были застигнуты врасплох.

В течение 48 часов Николай II и его супруга были покинуты не только высшими сановниками, высшими чинами двора и членами Государственного совета по назначению, но также всей многочисленной свитой, представители которой думали только об отличиях или о доходных местах, где можно было бы, критикуя все без тени всякого стеснения, предаваться dolce far niente.

Все эти люди, князья или графы, носители наиболее известных фамилий, Белосельские, Кочубеи, Куракины, Барятинские, Оболенские, Горчаковы, Трубецкое, Воронцовы, Шереметевы, Шуваловы, объединились, как по волшебству, в одном блоке с выскочками, представленными: Граббе, Свечиными, Народами, Княжевичами, Саблиными, Гадонами и кучей других, для того, чтобы громко отречься от своих вчерашних благодетелей.

Это общее бегство, этот цинизм оставления были особенно презренны со стороны тех, которые еще накануне ловили доброжелательную улыбку или какую-нибудь милость.

И между ними мы видим: графа Дмитрия Шереметева, графа Александра Воронцова, графа Альфреда Велепольского, князя Павла Енгалычева, князя Виктора Кочубея, князя Михаила Кантакузена, двух князей Белосельских, отца и сына, генерала Илью Татищева, генерала Максимовича, Свечина, Гадона, графа Нирода и сколько других! И если некоторые из них и всегда держались в стороне, то здесь же находились другие, которые, казалось, были любимцами. Так, например, граф Дмитрий Шереметев, который в продолжении всей этой войны постоянно сопровождал императора в его многочисленных поездках, так же, как молодой граф Воронцов, моряк Саблин

и эта трусливая флюгарка — князь Павел Енгалычев, перед тем генерал-губернатор Варшавы — все они его оставили, «прежде чем пропел петух».

А что сказать о тех, которые рассеялись из Могилева, после ареста Николая?

Посмотрите на этого толстого и слащавого гр. Александра Граббе, начальника конвоя, который имел наглость испрашивать у государя разрешения остаться со своими казаками в ставке для встречи нового верховного главнокомандующего вел. кн. Николая, выехавшего из Тифлиса; на этого отвратительного лейтенанта Саблина, который в своих письмах в продолжении месяцев доносил императрице обо всем окружающем; на всех этих адъютантов, как, напр, Нарышкина, Мордвинова и тех, имена которых, к счастью позабыты?!

С какой развязностью покинули государыню ее секретарь Апраксин, бар. Штакельберг, начальник императорского оркестра, гусар Гротен, который должен был быть назначен помощником ген. Воейкова по управлению дворцовой полицией! Наконец, все эти грязные адепты и друзья Григория и Анны Вырубовой, вся эта куча вредных интриганов, которые влекли Россию в пропасть в продолжении этой войны и привели к фатальной развязке падения режима!

Посмотрим теперь, каково было поведение начальников армий на фронте. Они так же, как по волшебству, один за другим отвернулись от своего государя и верховного главнокомандующего, причем к поспешности примешивалась дурно скрываемая радость. Эти носители георгиевских крестов разных степеней, которых они так мало заслуживали, звались: Рузский, Эверт, Брусилов, Щербачев.

Два слова о трагикомическом инциденте, имевшем место с ген.-адъютантом Ивановым, который, говорят, имел запоздавшее поручение спасти царя и сделаться хозяином восставшего Петрограда.

Иванов, состоявший при особе государя, в течение ряда месяцев печально влачил свое существование в Могилеве без всякого дела и регулярно приглашался к императорскому столу, где никто не обращался к нему ни с единым словом. Эпилог — скорее ужасный для боевого генерала, имевшего в своей биографии славные моменты в начале наших сражений с неприятелем в 1914 г.

12 декабря 1916 г. генерал имел беседу с государем, в которой, наконец, он нашел возможность очень откровенно поговорить о своем собственном положении. Иванов воспользовался случаем, чтобы сказать своему господину о вреде, который причинял Распутин и его банда, что, видимо, было неприятно Николаю, а в конечном счете генерал испросил у императора разрешение оставить его, удалиться из ставки, взяв полную отставку, так как бездействие сделалось ему слиш-

ком тягостным. Николай, по своему обыкновению, увернулся от того, чтобы дать генералу ясный и прямой ответ, предложив ему, в свою очередь, сделаться присутствующим членом Государственного совета, от чего Иванов категорически отказался.

Эта беседа раздражила императора, который с тех пор, как генерал был освобожден от своих обязанностей, не соблаговолил обратиться к нему ни с единым вопросом о военном положении, и с тех пор события шли сами по себе, без тени разрешения судьбы экс-главнокомандующего юго-западных армий. Иванов продолжал прозябать в ставке и прохлаждаться, когда, внезапно, 27 февраля 1917 г. был позван к императору, который сообщил ему о беспорядках, возникших в Петрограде, повелевая ему принять командование войсками Петроградского военного округа, с полномочиями командующего армией, и тотчас же отправиться в путь, не теряя времени. Несмотря на протесты старика государь настаивал, не обращая внимания на его замечания, и приказал ему немедленно итти к генералу Алексееву, который ему даст дополнительные инструкции.

Алексеев ему сообщил тогда о сделанных уже распоряжениях, т. е. об отправке нескольких пехотных и кавалерийских полков, отозванных с одного из фронтов, а что касается до самого ген. Иванова, то он должен был взять специальный поезд и отправиться в Царское село со Сводным батальоном георгиевских кавалеров, который составлял почетную стражу в Могилеве. По прибытии в Царское Село Иванов должен был принять также командование над войсками тамошнего гарнизона, полками, оставшимися еще верными, и, соединив с ними те, которые прибудут с фронта, итти на Петроград, чтобы принять карательные меры против восставших войск.

Генерал Иванов покинул ставку около полуночи с 27 на 28 февраля и, прибыв на вокзал в Могилев, узнал о внезапном отъезде императора также в Царское Село, причем он его опередил на несколько часов.

Передвижения генерала достаточно известны, но что неизвестно, это — разговор, который у него был с императрицей Александрой в Царском Селе, в Александровском дворце, в ночь со 2 на 3 марта.

Государыня, казалось, очень хорошо владела собой и была невозмутимо спокойна. Она уверяла генерала, что энергичными действиями он легко может восстановить порядок в Петрограде, и затем императрица наивно прибавила несколько слов удивления на ожесточение, какое проявляется против нее и ее супруга, что все это восстание ничто иное, как недоразумение, что император уже прибыл в Псков; что мало вероятно, чтобы он решился отречься от престола, и если бы

даже он это сделал, то это было бы только для того, чтобы успокоить умы, и — в пользу наследника, а ввиду несовершеннолетия последнего установить регентство под его попечением. Иванов был ошеломлен всем этим разговором, старался показать невозможность итти на Петроград и должен был сознаться, что он может принять только единственное решение — это вернуться в Могилев.

Тогда императрица, не выходя из своего настроения, просила генерала согласиться взять письмо к ее супругу, от чего Иванов должен был уклониться, как это сделал два дня спустя и граф Замойский, потому что наверное письма эти были бы от них отобраны новым правительством. Однако Иванов, который хотя и является человеком скорее ограниченным, выказал известное благородство души, потому что, если сразу он и не понял невозможности действовать, то все же он скоро увидел, что новое пролитие крови было бы опасным и бесполезным. Если его ошибка не была рассеяна раньше, то это благодаря уклончивым обнадеживаниям двух офицеров генерального штаба, которые были к нему причислены повелением свыше — полковников Доманевского и Тилле, и туманными телеграммами Алексеева.

Одним словом, его карательная экспедиция сделалась водевилем, и позднее он понял, что вся эта инсценировка была созданием рук Гучкова, уже бывшего военным министром, и Алексеева, чтобы усыпить возможное беспокойство императора и чтобы отдать себе отчет об истинном настроении войск царскосельского гарнизона.

Не следует забывать, что все положение могло быть перевернуто сверху донизу, если бы Дума и большинство войск, сосредоточенных в Петрограде, не подчинились бы требованиям улицы, и что Гучков и Милюков на совещании с новыми министрами в импровизированном аппартаменте на Миллионной улице у вел. князя Михаила голосовали за конституционную монархию против всех их коллег, высказывавшихся за демократическую республику. Двойная игра этих двух министров не может никого более обмануть.

А что сказать о господах членах Государственного совета, о всех назначенных его величеством и о первых чинах двора?

Так, например, пошляк Кауфман-Туркестанский шагал по улицам, одетый, как бродяга, — с огромной красной розеткой в петлице, считая себя в безопасности ввиду этих предосторожностей; кн. Анатолий Куракин, живший у беспокойной графини Клейнмихель, известной своими немецкими (boches) симпатиями, сбежал из своего жилища, ища приюта по соседству у Орловых-Давыдовых, желая уверить последних в том, что в Государственном совете он всегда голосовал с блоком и что он не знал Протопопова, забывая, что последний посещал его спиритические вечера. Вот куда завела его паника! Отец весьма

знаменитой Вырубовой, Александр Танеев, отправился со своей супругой в Царское Село, желая приютиться в Александровском дворце у своей дочери и надеясь там быть в безопасности, но он был постыдно выгнан за дверь поляком Замойским и, продав все свои картины, тотчас же уехал в Финляндию.

Большая часть губернаторов внутренних губерний России вели себя таким же жалким образом. Двое правых, считавшихся наиболее верными и энергичными людьми — Багговут (курский) и Княжевич (таврический) спрятались первые; все же другие печальные герои, которые обязаны были своим назначением Маклакову, Штюрмеру и Протопопову, последовали их примеру, или подчинясь новому правительству или покинув свои посты.

Окружающие вел. кн. Николая на Кавказе отступили с такой же непринужденностью, и трое главных сотрудников его высочества — кн. Орлов, генерал Янушкевич и Истомин, покинули Тифлис вместе с великим князем, который отправился в Могилев, чтобы принять верховное командование.

Генерал Куропаткин в Туркестане, Гондатти в Восточной Сибири, Пильц в Иркутске и tutti quanti в остальной России отличились все в поспешности отделиться от павшего режима. Вот все те, кто были первыми дезертирами, из них я перечислил немногих.

Великий князь Николай Михайлович.

26 апреля 1917 г.

Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II.

(Август—декабрь 1878 г.).

Печатаемые ниже документы являются дополнением к обнаруженным ранее в Архиве Революции и Внешней Политики и опубликованным в XL томе «Красного архива» «всеподданнейшим докладам» ген.-ад. А. Р. Дрентельна. Первая часть публикуемых здесь докладов принадлежит перу исп. должность шефа жандармов ген.-лейт. Селиверстова за краткий период его пребывания на посту главного начальника III отделения (10/VIII—12/X 1878 г.). Вторая часть настоящей публикации представляет собой доклады Александру II назначенного 15 сентября 1878 г. шефом жандармов ген.-ад. Дрентельна, начиная с первого его доклада по прибытии в Петербург — по 18 декабря 1878 г.

Доклады Селиверстова относятся к моменту, непосредственно следовавшему за убийством Кравчинским ген.-ад. Н. В. Мезенцова и рисуют со всей яркостью и откровенностью, которая возможна лишь в переписке близких людей, растерянность и ожесточенность власти после этого убийства. Доклады Дрентельна рисуют последующие моменты поисков убийц Мезенцова, а также вскрывают любопытные подробности организации борьбы с все нараставшим революционным движением.

Подлинники публикуемых докладов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики (фонд 1 секр. архива III отделения собств. е. и. в. канцелярии, д. № 1454).

Текст документов подготовлен к печати В. Далаго и С. Ваксман.

Доклады ген.-лейт. Селиверстова.

1. *)

Имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству нижеследующее.

В городе спокойно; нового ничего нет.

Третьего дня во время шествия погребальной процессии и вчера при погребении покойного шефа жандармов у Сергия публика выразила трогательное сочувствие убитому. — В городе, в среде

*) На подлиннике знак рассмотрения Александра II и помета рукой Селиверстова: «Возвращено из Царского Села.» — Слова, набранные разрядкой в этом и дальнейших докладах, подчеркнуты в подлиннике Александром II.

масс стоявшего вдоль тротуаров народа, с о т н и не только дам, но и мужчин плакали, а в обители весь путь от ворот до храма был засыпан цветами.

Меры предосторожности, мною принятые в видах ограждения погребальной колесницы и гроба от случайностей, оказались ненужными: народ срывал шапки с тех, которые по рассеянности или злонамеренно забывали обнажить голову, и громогласно проклинал всех злодеев и нарушителей общественной безопасности.

Исправляющий должность шефа жандармов

генерал-лейтенант С е л и в е р с т о в.

С.-Петербург.
10 августа 1878 г.

2.

Имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

В городе спокойно.

При сем приложена: записка о розысках убийц генерал-адъютанта Мезенцова и в е д о м о с т ь о п р о и с ш е с т в и я х *).

Генерал-лейтенант С е л и в е р с т о в.

Августа 20 дня 1878 года.

3 **).

Имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

В городе спокойно.

По высочайшему вашего величества повелению совершившееся уже усиление состава городской полиции и распространившийся слух о заарестовании одного из участников [1]) в деле убийства Мезенцова произвели хорошее впечатление; столичное население видит, что правительство действует энергично, не прибегая к крутым мерам: обыски производятся только у несомненно подозрительных лиц, и с 4 августа всего заарестовано 27 человек, притом ни один долее 3 суток в заключении не находился. К сему числу под арестом 6 лиц***).

Административным порядком высылаются 8 личностей. — Об усилении состава пригородной полиции сделано сношение с министром внутренних дел.

---

*) Ведомость в деле отсутствует.

**) На подлиннике помета: «Получено от государя императора из Ливадии 31 августа. Генерал-лейтен. С е л и в е р с т о в».

***) На полях помета Александра II: «Но, как всегда, все эти арестования не привели еще ни к какому результату!»

При III отделении содержащийся мещанин Серышов — не есть Дейч и, повидимому, не один из 2-х убийц Мезенцова, но он закостенелый социалист, подготовившийся к ответам на допросах; особенно подозрительно его показание о дне 4 августа: выйдя из дому в 10 часов утра, Серышов говорит, что он был на Невском, на Садовой, заходил в пирожную, вернулся домой в 3 часа и засим в 6 часов отправился на Крестовский, заходил в трактиры, где видал знакомых, а об убийстве будто бы узнал случайно в 11 часов ночи от извозчика. Это — явная ложь, и, если Серышов не был вполне посвящен в подробности тайны заговорщиков, то все же имел с ними сношения. К сожалению, до послезавтра вдова барона Гейкинг [2]) в Петербург не вернется; она одна может положительно показать о том, задержанный ныне Серышов то ли именно лицо, которое три дня сряду следило за Мезенцовым по утрам, в Летнем саду *).

Внимательное рассмотрение писем, адресованных к m-me Anna в Берн, и некоторых других, наводит на мысль, что убийство Мезенцова совершено малочисленным кружком самых отчаянных социалистов, известное время проживавших в Петербурге. Способ приведения в исполнение злодейства был обдуман зрело и хранился в глубокой тайне. Есть поводы полагать, что убийцы у е х а л и в А м е р и к у **) и что некоторые из их одноумышленников доселе в России, а что в столицу ожидается прибытие некоего «Митьки» с большими запасами ***).

Для проверки и выяснения наших догадок нужны время и средства; розыски производятся в России и заграницей, а для усиления во всех отношениях слабого состава нашей агентуры я, пользуясь теми денежными средствами, кои ваше величество соизволили предоставить шефу жандармов, уже обратился в Лондон с просьбой через знаменитого сыщика Друсковица завербовать двух агентов, знающих, если не русский, то хоть польский язык.

Между тем личный состав действующих агентов уже усилен. На-днях появилась брошюра «Убийство Мезенцова» [3]). Она по почте (городской) разослана редакциям газет и некоторым лицам; надо полагать, что подпольная типография, в коей отпечатана брошюра, находится в руках того же злодейского кружка ****). Все, что возможно предпринять для отыскания типографии, будет предпринято.

Акт, в коем изложен способ приведения в исполнение закона 8 августа (о заарестовании подозрительных лиц), выработан, по согла-

*) Помета Александра II: «Видел ли его Макаров?»
**) Помета Александра II: «Почему?»
***) Помета Александра II: «Чего?»
****) Помета Александра II: «Стыдно, что до сих пор не могли ее открыть».

шению министров юстиции и внутренних дел со мною [4]). Этот документ будет на-днях представлен статс-секретарем Набоковым [5]) на благовоззрение вашего императорского величества.

Осмеливаюсь полагать, что в настоящее время главная задача шефа жандармов должна заключаться в том, чтобы, при полном содействии министров юстиции и внутренних дел *), жандармское ведомство спокойными, но решительными мероприятиями, клонящимися к предупреждению злокозненных замыслов революционеров, устранило панику в столице и возвратило в умах всех верноподданных доверие к могуществу правительственной власти, поколебленное последними событиями, в отношении возможности пресечения социалистам способов злодействовать. К этой цели устремлены все наши усилия, и можно надеяться, что при помощи божией она будет достигнута втечение нескольких месяцев **).

Генерал-лейтенант Селиверстов.

С.-Петербург.
20 августа 1878 г.

4 ***).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

Народный праздник на Царицыном лугу 26 августа прошел спокойно, тем не менее имеются данные полагать, что пропагандисты пытаются возбудить брожение в умах молодежи и рабочих и подбивают их к демонстрациям. Для предотвращения таковых мною принимаются меры, направленные преимущественно против подстрекателей ****). На-днях арестован крестьянин Ярославской губернии Григорьев [6]), брат сосланного по Казанской истории в Астраханскую губернию: Григорьева, выдали рабочие прокатного завода *****); дознание начато.

Вообще, не торопясь, но последовательно, необходимо очистить Петербург от наплыва злонамеренных личностей путем высылки таковых в отдаленные, редко населенные места. Опытом доказано, что доселе высылка пропагандистов в губернии Европейской России, не достигая своей цели ******) (ибо высланные десятками убегали и тайно возвраща-

*) На полях помета Александра II: «Да».
**) На полях помета Александра II: «Дай бог».
***) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 7 сентября. Генерал-лейтенант Селиверстов».
****) Помета Александра II: «Да кто они?»
*****) Помета Александра II: «Это хороший признак».
******) Помета Александра II: «Да».

лись в столицы), кроме сего способствовала распространению лжеучений в провинциях, но ныне с введением урядников [7]), при некотором увеличении состава жандармских чинов, средства для надзора усилятся, а главное, законом 8 августа установленная ссылка перебежчиков в Якутскую область положит конец безнаказанности побегов. Я уверен, что прибегать к этой грозной каре доведется весьма редко и что одно предварение ссылаемого о возможности применения оной произведет сильное моральное влияние на того, кто может, в случае побега, ей подвергнуться.

В Киевском тюремном замке, по инициативе начальника губернского жандармского управления, генерал-губернатором приняты для водворения порядка некоторые меры *). Самая существенная из этих мер та, которая косвенно лишает прокурорский надзор права по исключительному его усмотрению устанавливать распорядок в способе содержания политических арестантов в камерах. Подлинное донесение по сему предмету при сем всеподданнейше прилагаю.

У арестанта Серышова найдена карманная памятная книжечка, в коей оказались адреса нескольких важных и по большей части уже осужденных политических преступников и цифровой шифр, служащий посредством постукивания для разговоров арестантов, размещенных в отдельных камерах. Серышов отрекается от сообщества с злоумышленниками, утверждая, что адреса и шифр записаны им давно и что носил он при себе памятную книжку случайно или по привычке. Данных в том, чтобы он участвовал в убийстве, нет, а баронесса Гейкинг, могущая уличить Серышова в том, что он следил за покойным Мезенцовым в Летнем саду, доселе сюда не вернулась.

Содержание депеши, по повелению вашего императорского величества мне сообщенной графом Адлербергом [8]), относительно адреса С.-Петербургского земского собрания будет мною сообщено министру внутренних дел для руководства и совокупного со мною негласного направления дела.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

С.-Петербург.
28 августа 1878 г.

[5 **).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

---

*) Помета Александра II: «Давно пора было».

**) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 12 сентября. Генерал-лейтенант Селиверстов».]

Крестный ход в Александровскую лавру и народный праздник 30 августа прошли спокойно.

В прошлом заседании Комитета министров генерал-адъютант Тимашев [9]) внес на обсуждение свое предположение о пользе предоставления 2 газетам права отпечатать целиком брошюру об убийстве Мезенцова в видах указания публике на безобразное и нелепое содержание оных. Прения по сему вопросу возникли жаркие: ни один из высказывавшихся министров не согласился с целесообразностью предложенной меры, но многие, в том числе Набоков, Ливен [10]) и я, полагали небесполезным допустить в печать избранные выдержки. Напротив, некоторые члены находили вовсе ненужным допущение какого бы ни было оглашения по инициативе правительства возмутительных воззваний, в особенности в виду заявленного ген.-адъютантом Тимашевым и большинством Комитета благоприятно принятого намерения Петербургского земства сделать в своем адресе указание на преступную брошюру. О том, что намерение земства мне известно, я не высказал ни слова.

Ваше императорское величество соизволили 9 августа повелеть, а 12 числа августа подтвердить мне о безотлагательном приведении в исполнение всех мер, упомянутых в журнале Особого совещания и записке статс-секретаря Макова [11]), совместно со мною составленной. Исполнение такового вашего величества повеления и усиленные розыски повлекли за собою громадное увеличение самой секретной переписки, непосредственно от шефа жандармов исходящей — в особенности, относящейся до устройства агентуры, увеличения состава жандармских управлений вообще и организации особого надзора за ссылаемыми в Восточную Сибирь. — Оказывается необходимым образовать особую канцелярию, лично при шефе жандармов, по примеру существующей при министре внутренних дел. По бывшим примерам, главные начальники образовывали подобные канцелярии — временные — собственной властью путем отдания о сем приказа по своему ведомству, — я же не решаюсь сего сделать и осмеливаюсь испросить предварительного высочайшего соизволения на внесение установленным порядком представления об образовании особой канцелярии*) и, вместе с тем, разрешения безотлагательно составить временную канцелярию**), без всякого изменения существующих штатов, из чиновников, состоящих при мне для особых поручений и личных секретарей — и без испрошения на сей предмет особого кредита.

*) Помета Александра II: «Повременить».

**) Помета Александра II: «На это согласен».

Заарестование Клейн [12]), кажется, может повести к серьезным раскрытиям. Дерзаю доложить, что более 1½ лет безуспешно производящиеся розыски подпольной типографии составляли предмет глубочайшего прискорбия покойного Мезенцова и его сотрудников; сии последние, поистине говоря, с 4 августа не щадят себя — работают все, до самых мелких чиновников, сверх сил, и все, что, по крайнему разумению, возможно сделать для достижения полезных целей, то делается с полнейшим рвением *).

Генерал-лейтенант Селиверстов.

2 сентября 1878 г.

6 **).

Имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

В городе спокойно; розыски продолжаются энергично, но все-таки не столь успешно как бы желалось — ***), одно из главных препятствий — это упорство обвиняемых давать показания — большинство отзывов: «Я ничего не хочу говорить».

Вчера для встречи л.-гв. Егерского полка стечение публики было громадное; войско имеет вид бодрый, но усталый. Все члены августейшего вашего величества дома присутствовали при встрече, и я был очевидцем того восторга, с коим солдаты бросились к раздаче венков из рук государыни наследницы цесаревны.

Относительно усиления власти губернатора по надзору за тюрьмами ваше величество 22 августа начертать соизволили, чтобы о сем войти в Комитет министров. Во исполнение сего повеления, я, ввиду того, что на шефа жандармов возложен надзор только за политическими преступниками и что тюрьмы состоят в ведении министерства внутренних дел, сообщил генерал-адъютанту Тимашеву содержание высочайшей воли, и, по соглашению с ним, дело это будет внесено в Комитет министров ****).

Положение дел в Харькове очень нехорошо. Губернатор в отпуску, а прокуратура и местные административные власти, я осмеливаюсь так выразиться, упали духом; население крайне встревожено.

*) Помета Александра II: «Желал бы видеть успех».

**) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 14 сентября. Генерал-лейтенант Селиверстов».

***) Помета Александра II: «Пока не вижу никакого результата».

****) Помета Александра II: «Хорошо».

Нужны меры энергичные и помощь от войска, для коей военное ведомство вследствие указаний, сделанных графом Милютиным [13]) в шифрованной депеше к ген.-адъютанту Минквицу [14]),—сей последний принимает меры. Для усиления состава жандармского управления еще в августе командированы мною два расторопных офицера, 18 унтер-офицеров и послано 1500 руб. в распоряжение генерала Ковалинского [15]). От министерства внутренних дел командирован в Харьков действ. стат. советник Харламов [16]) для исследования причин происходящих неурядиц. С следующим фельдъегером я всеподданнейше представлю подробное изложение происходящего в Харькове *).

Весьма серьезные затруднения встречаются для замещения вакантных мест на должности по корпусу жандармов; к прискорбию моему, желающих вступать на ныне столь тяжкую, ответственную и даже для жизни опасную службу, не представляющую собою достаточного вознаграждения за труды, почти что не находится. Одно из средств привлечь способных деятелей — это значительное увеличение окладов, и, памятуя высочайше выраженное указание действовать не теряя времени, я решаюсь из ассигнованных 300 000 рублей на усиление средств жандармского ведомства отделить часть суммы для негласной выдачи прибавочного содержания гг. штаб и обер-офицерам **), состоящим на службе в жандармских управлениях и, в особенности, вновь определяющимся.

Адрес С.-Петербургского земства вотирован; по мнению всех, кому он известен, этот адрес превосходный; он, несомненно, произведет благоприятное впечатление не только на Россию, но и заграницей ***).

Генерал-лейтенант Селиверстов.

С.-Петербург.
Сентября 4 дня 1878 г.

****).

Имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству.

Петербург занят встречей войск, прием коим делается самый радушный.

Во исполнение высочайшего повеления по делу обсуждения мер для издания народных брошюр о пропагандистах я испросил разре-

*) Помета Александра II: «Ожидаю с нетерпением».

**) Помета Александра II: «Одобряю».

***) Помета Александра II: «Я его еще не получил».

****) На подлиннике помета: «Получено от государя императора из Ливадии. Сентября 17-го 1878 г. Генерал-лейтенант Селиверстов».

шение представиться его высочеству; государь наследник цесаревич назначил мне явиться завтра. Между тем я осведомился, что завтра появится в «Голосе» статья о подпольных изданиях — она просмотрена ст.-секретарем Маковым и послужит как бы дополнением к порицанию, выраженному в адресе Петербургского земства, а народные брошюры — довершением дела. Таким путем установится ряд систематически обдуманных мероприятий, путем прессы, противодействовать преступной пропаганде *). Ваше величество изволите спрашивать, кто подстрекатели. Осмеливаюсь доложить, что число их размножилось до неуловимо значительных размеров и будет плодиться дотоле, пока руководители **) не будут уничтожены. Руководителем самым опасным в Петербурге, несомненно, представляется Кравчинский [17]). Мы имеем в руках положительные о том данные, и, вероятно, на этих днях, со страхом и трепетом, чтоб дело не загубить поспешностью или неловкостью исполнителей составленного плана, приступлено будет к серьезным арестам и обыскам у нескольких лиц ***), начиная с матери Веры Засулич [18]). Медлить — тоже опасно, ибо малейшая огласка наших предположений или возбуждение подозрений в тех, за коими следит агентура, может заставить их бежать из столицы, а пользы от этого будет мало.

Подпольная печать доселе работает, к крайнему прискорбию нашему, но есть много поводов полагать, что печатание производится не в специальных типографиях, а наборщиками на дому или тайком в разных типографиях, в кои революционеры поместили своих агентов. Таковой, между прочими, является Анна Клейн [19]).

Дерзаю доложить, что ничтожность доселе достигнутых результатов розысков сокрушает меня и моих сотрудников, ибо, ваше величество, тяжко перед лицом вашей священной особы и всей Россией оказываться столь мало полезными для службы отечеству.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

9 сентября 1878 г.

8 ****).

Ваше императорское величество.

Я имел счастие 9 сентября всеподданнейше доносить, что готовлюсь приступить к весьма серьезному обыску, который мог привести

*) Помета Александра II: «Желаю весьма, чтобы оно могло принести пользу».

**) Помета Александра II: «Я их и разумел».

***) Помета Александра II: «Дай бог, чтобы оно удалось и имело бы положительные результаты».

****) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 25 сентября 1878 года. Генерал-лейтенант Селиверстов».

к обнаружению руководителя петербургской шайки бунтарей путем уличения матери Веры Засулич в письменных сношениях с дочерью, через посредничество третьего, нам неизвестного лица. Эту меру, по совещанию с статс-секретарем Набоковым, я отложил ввиду некоторых данных, вновь здесь добытых, и полученных из Одессы сведений о том, что сообщник «Капитана» (Чубаров) [20]) — некий Федотка [21]) в июле, по возвращении из Харькова был злодеями командирован в Петербург; Федотка—приятель Фомина [22]), содержащегося в Харькове, и, быть может, через сего последнего удастся добыть необходимые разъяснения. К несчастию, развитие пропаганды приняло размеры громадные, о чем почти всякий день с разных концов империи доносят начальники жандармских управлений. Кроме сего из заграницы сообщают*), что партия польско-русских социалистов, проживающих в Швейцарии, затеивает покушение, направленное против особ августейшего дома. Наша агентура доставила указания на некоторых лиц, проживающих в России и будто находящихся в сношениях с заговорщиками, в числе коих назвала Сентянина [23]) (содержится в Харькове), но однако едва ли тревожные заграничные вести имеют серьезное основание. Можно надеяться, что это подлое запугивание **).

Тем не менее мною командирован заграницу вновь нанятый ловкий агент, иностранец, а другой вызван по телеграфу из Вены для доставления ближайших сведений о швейцарских злоумышленниках.

Достоверным оказывается, что между русскими и польскими социалистами устанавливается связь и что здешние социалисты распространяют печатные брошюры преимущественно через женщин.

Доселе бог милует Финляндию и Остзейский край — там все благополучно ***), и я даже перевел из Лифляндской и Курляндской губерний 15 унт.-офицеров жандармов наблюдательного состава. Полагаю, что эта мера будет остзейцами принята благоприятно как выражение доверия правительства к политической их благонадежности.

Результаты наших усилий достигаются медленно, но я опять осмеливаюсь выразить полную надежду на то, что, при помощи господа, к зиме Петербург будет очищен от кинжальщиков, и прочие шайки пропагандистов будут стеснены в их преступной деятельности ****).

---

*) Вчера я получил из Берлина от «Социал-демократического собрания» уведомление об смертном моем приговоре: кинжалом, револьвером или ядом — для чего будто бы будут на днях посланы исполнители. (Прим. в подлиннике).

**) Помета Александра II: «И я так думаю».

***) Помета Александра II: «Слава богу!»

****) Помета Александра II: «Дай бог!»

Вчера под председательством государя наследника цесаревича происходило совещание об издании народных книжек. Полезность этой меры признана единогласно, относительно же способа приведения ее в исполнение высказаны были различные мнения, кои, наконец, резюмировались принятием предложения статс-секретаря Валуева [24]) и моего о том, чтобы в программу книжек ввести указания не только на пагубность пропаганды, но и поучительные рассказы, объясняющие народу о необходимости налогов, податей, рекрутской и иных повинностей и вообще исполнения жителями обязанностей, против тяжести коих направлена преступная агитация.

Его высочество изволят сами писать о сем вашему величеству, а между тем они поручили министру внутренних дел составить журнал совещания *) и за сим руководство для приведения его в исполнение, при участии министра народного просвещения и и. д. шефа жандармов.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

Сентября 16 дня
1878 года.

9 **).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

В городе спокойно. Розыски продолжаются, но подробности оных пока не заслуживают высочайшего внимания; я могу только доложить, что мало-по-малу многоразличные козни и замыслы пропагандистов выясняются и против них принимаются меры.

И. д. харьковского губернатора Шостак [25]), доставив подробное донесение о положении Новобелгородской тюрьмы, между прочим указывая на то, что все одиночные камеры замещены, испрашивает разрешения, вместо одиночного заключения всех 28 человек находящихся в оных политических каторжников, допустить содержание некоторых по два в камере. В законе нет указаний на обязательность одиночного содержания политических арестантов, но так как из дел III отделения видно, что ваше величество 15 мая 1875 года в г. Эмсе повелеть изволили по делу Долгушина [26]) Дмоховского [27]) и прочих содержать означенных преступников поодиночке, то таковой способ заключения генерал-адъютант Мезенцов применил вообще ко всем политическим каторжникам, и посему без всеподданнейшего доклада я не считаю возможным изменить сделанного распоряжения.

*) Помета Александра II: «Буду ожидать его».

**) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 7 октября 1878. Генерал-лейтенант Селиверстов».

Вследствие вышеизложенного и принимая во внимание донесение ст. сов. Шостака о том, что долговременное одиночное заключение разрушает здоровье арестанта в физическом и моральном отношениях, я признаю священным долгом, зная милосердие вашего величества, испросить повеления:

1. Разрешить и. д. шефа жандармов теперь же,—а шефу и на будущее время—делать указания губернатору (через министра внутренних дел) *), кто именно из политических арестантов должен подвергаться одиночному заключению и кто может быть от оного избавлен.

2. Дабы облегчение в способе содержания политических арестантов не имело вида уступки, делаемой революционной подпольной пропаганде, — переводить ныне заключенных каторжников из одиночного заключения не вдруг многих, а постепенно в виде поощрения тех, кои ведут себя смирно.

3. И. д. шефа жандармов войти в соглашение с министром внутренних дел при участии министра юстиции о том, чтобы, при первой возможности, некоторая часть политических каторжников была перемещена на остров Сахалин или иную отдаленную местность Сибири с тем, чтобы министерство внутренних дел предварительно распорядилось устройством для перемещаемых арестантов благонадежных от побегов мест заключений. Насколько мне известно, этот вопрос был давно поднят, но доселе не получил разрешения. Между тем число политических каторжников ежегодно увеличивается, и в европейских тюрьмах для них недостает мест. Меры для ссылки в Якутскую область политических преступников и для устройства таковым поселений (как сие было упомянуто в записке моей и статс-секретаря Макова, удостоившейся высочайшего утверждения)— эти меры разрабатываются, но в Якутскую область предположено высылать не каторжников, а менее преступных социалистов.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

21 сентября
1878 года.

10 ***).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

В городе спокойно, но в среде учащейся молодежи замечается некоторое брожение, за коим зорко следим, предотвращая сборища

*) Помета Александра II: «Да, но не иначе как с моего разрешения каждый раз».

**) Помета Александра II: «Да».

***) На подлиннике помета: «Возвращено из Ливадии 7 октября 1878. Генерал-лейтенант Селиверстов».

многочисленных сходок, под какими бы то ни было предлогами таковые студентами ни затевались.

Из приложенного доклада ваше величество изволите усмотреть, что множество угрожающих заявлений, по ближайшему обсуждению оных, оказываются незаслуживающими серьезного внимания: тем не менее ни одно не оставляется без расследования.

К сожалению, революционный социализм принимает возрастающее развитие; борьба против него — дело труднейшее, вести это дело следует твердо, энергично, но крайне осторожно. Для противодействия пропаганде надлежит усваивать различные приемы; принятие одних строгих карательных мер недостаточно, даже вредно, — по временам необходимо относиться снисходительно к некоторым личностям, увлеченным преступными идеями, в особенности к тем, кои принадлежат к среде учащейся молодежи и кои подают надежду к отрезвлению в будущем. На-днях управляющий министерством народного просвещения заявил мне, что студенты Петербургского университета весьма взволнованы тем, что двум из их товарищей, Введенскому [28]) и Федоровичу [29]), замешанным в большом процессе 193-х лиц, по суду оправданным, но отданным под надзор полиции, воспрещено проживать в университетских городах, что лишает их возможности окончить курс наук. Рассмотрев дело и убедившись, что упомянутые студенты не совершили важных проступков, я заявил князю Ширинскому-Шихматову [30]), что признаю возможным допустить к слушанию лекций тех студентов, состоящих под надзором полиции, кои представят ручательство ректора в безукоризненном поведении в отношении политическом *) Ректор г. Бекетов [31]) выдал таковое ручательство, под личной своей ответственностью, и оба студента допущены в университет, но с учреждением за ними негласного наблюдения. Это снисхождение успокоило студентов, и я решаюсь распространить оное относительно еще восьми студентов разных учебных заведений. Мне кажется, что следует устранять все поводы к возникновению корпоративного возбуждения неудовольствия в среде студенческой, но, во всяком случае, не дерзая упускать из памяти мудрое высочайшее указание вашего величества на то, чтобы розыски, производимые в Петербурге, ни под какими предлогами не были ослабляемы **) и тем преступникам не было бы дано возможности распространять губительную заразу.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

Сентября 23 дня
1878 года.

---

*) Помета Александра II: «Меру эту одобряю».
**) Помета Александра II: «Да».

11 *).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

В городе спокойно, но агентурные сведения указывают на брожение умов учащейся молодежи, преимущественно в Медико-хирургической академии. Студенты сего заведения по большей части принадлежат к разряду пролетариев, отличаются неряшливостью, грубостью и имеют особый тип. Они представляют собою почву, восприимчивую для преступного лжеучения пропагандистов, и живут довольно дружно в каждом курсе. Секретные наблюдения за студенческими движениями усилены, но я осмеливаюсь полагать, что не только эта, но и все доселе принятые меры в видах отрезвления студентов медиков — суть меры паллиативные, нужны меры радикальные: таковой могло бы быть — перемещение Медико-хирургической академии в такой город (или местность), в коем студенты были бы разобщены от соприкосновения с злонамеренно возбуждающей их фалангой разного рода и вида социалистов — и удалены от соблазна, представляющего собою столичную жизнь **). Здесь бедным студентам покровительствуют многие к довольно высоким слоям общества принадлежащие личности, образ мыслей коих враждебен правительству, влияние этих личностей на молодежь пагубно, но происки их, не будучи явно противозаконными, почти неуловимы, — однако мы должны им противодействовать, и по прибытии шефа жандармов, я сообщу ему данные, сообразив кои, быть может, генерал-адъютант Дрентельн [32]) признает нужным представить на высочайшее воззрение предположения о принятии некоторых мер, косвенно направленных против деяний различных благотворительных обществ и отдельных лиц, с целью парализования вредного влияния этих деятелей на учащуюся молодежь.

Из приложенной докладной записки о похищении бумаг у д. с. с. Харламова, ваше величество усмотреть изволите о крайне нахальной выходке революционеров. Эта кража доказывает, что в среду служащих на железных дорогах социалисты поместили своих агентов. Приняв все зависящие меры к раскрытию преступников, я просил министра путей сообщения энергически обследовать это дело.

---

*) На подлиннике — знак рассмотрения.

**) Помета Александра II: «Это практически невозможно». Далее рукою Дрентельна: «Собственною его величества рукою карандашом начертано: «Это практически невозможно». 2 октября 1878 г. Ливадия. Ген.-адъютант Дрентельн».

Опасаясь, чтобы преступник Сентянин не убежал из Харьковской тюрьмы, я предписал препроводить его в Петербург. Личность эта весьма серьезная: Сентянин, несомненно, посвящен в самые сокровенные тайны бунтарей.

Генерал-лейтенант Селиверстов *).

Сентября 28 дня
1878 года.

12 **).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

---

*) В деле III отд. с. е. и. в. канц. 3 экспед. (№ 370—1878) имеется приводимая ниже докладная записка:

«О ПОХИЩЕНИИ БУМАГ У ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА ХАРЛАМОВА.

Командированный министром внутренних дел в г. Харьков для устройства более строгого надзора за политическими арестантами в Новобелгородской каторжной тюрьме действительный статский советник Харламов, возвратясь из командировки в С.-Петербург 22 текущего сентября, заявил о пропаже двух чемоданов, сданных им в багаж при отъезде из Харькова.

Чемоданы эти прибыли к месту назначения только 24 числа, и Харламов, заметив, что оба чемодана связаны не таким образом, как первоначально было это сделано, не принял их. Затем 25 числа Харламов, прибыв в вокзал железной дороги, просил о вскрытии чемоданов при свидетелях, указав предварительно, какие в них были вещи. Требование это было немедленно исполнено, и в одном из чемоданов не оказалось запечатанного пакета, в котором находились, кроме не имеющих значения писем, известная подпольная брошюра об убийстве генерал-адъютанта Мезенцова, присланная Харламову революционным исполнительным комитетом, и предостережение того же комитета, чтобы он, Харламов, устранил себя от исполнения поручений, клонящихся к преследованию социалистов.

Вместо пропавшего пакета в чемодане оказалась небольшая, представляемая при сем, бумажная лента с наклеенными на ней печатными буквами, составляющими следующую фразу: «Того нет, что было, помни совет».

Прочие вещи, хранившиеся в чемодане, и замки, которыми он был заперт, оказались в целости.

К розыску лиц, виновных в задержке означенного чемодана, происшедшей, как дознано, в Курске, и в похищении пакета приняты надлежащие меры.

28 сентября 1878 г.»

На подлиннике знак рассмотрения и помета: «Государь император изволил читать. Получено из Ливадии 7 октября 1878 г. Генерал-лейтенант Селиверстов».

**) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 10 октября 1878. Генерал-лейтенант Селиверстов». Далее знак рассмотрения.

В Петербурге розыски продолжаются деятельно; все струны жандармского ведомства натянуты до-нельзя; в производстве множество дознаний и расследований, но дела недостаточно созрели, чтобы утруждать ваше величество изложением подробностей. В числе новых интересных эпизодов — заарестование Шейны Шур [33]). Посланная доверенным курьером из Парижа в Россию заграничными социалистами с письмами в конвертах без адресов, эта еврейка была схвачена в Вержболове. Письма найдены у Шур на теле под рубашкой. Из приложенной копии с донесения нашего агента *) ваше величество усмотреть соизволите, что заграничные революционеры не ожидали заарестования Шур, но что они получили о том известие из России едва ли не в самый день ее задержания.

Общее положение дел, относящихся до распространения пропаганды в России, отменно серьезно, но не безвыходно **). Для достижения успеха, для подавления преступных замыслов революционеров необходимо, чтобы указания вашего величества приводились в исполнение совершенно единомысленно теми тремя учреждениями, коим подчинена полиция ***), а непоколебимо верным залогом победы над социалистами служит искренная беспредельная любовь к священной особе вашего величества всего народа, войска и поместного дворянства, ежедневно проявляющаяся путем отголосков, сообщаемых в Петербург из провинций и здесь гласно заявляемых. Эти проявления служат искренним утешением для всех вашего величества верноподданных и поддерживают в них рвение к службе отечеству.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

Сентября 30 дня
1878 года.

13 ****).

Ваше императорское величество.

По содержанию вчера полученной депеши от генерала Черевина [34]) с указанием на рисовальщицу Малиновскую [35]), проживающую в Царском Селе, имею счастие всеподданнейше донести, что это — личность, давно известная III отделению, действительно, подозрительная и за ней имелось секретное наблюдение.

---

*) Копия донесения среди докладов отсутствует.

**) Помета Александра II: «Грустно было бы думать противное!»

***) Помета Александра II: «Да».

****) На подлиннике помета: «Получ. от государя императора из Ливадии 14 октября». Далее рукою Александра II: «Ливадия. 9 окт. 1878».

Ныне наблюдение это усугубляется *).

Третьего дня в Комитете министров читан был годовой отчет одесского градоначальника, в коем упомянуто о том, что ему не отпускается никаких денежных средств на сыскную полицию. Министр внутренних дел возразил, что таковой вовсе нет ни в одном из городов, кроме столиц. По этому поводу возникли прения; некоторые члены указывали, что сыскная полиция необходима и что она вообще должна быть организована и подведома жандармскому ведомству; другие члены с последним условием не соглашались. Действительный тайный советник Абаза [36]) заявил, что он многократно указывал на анормальность подчинения полиции нескольким ведомствам, вследствие чего она не может действовать быстро и достичь цели своего назначения; большинство высказывавшихся членов соглашались с Абазой. Но так как обсуждению Комитета подлежал один частный вопрос по Одессе (о чем напомнил статс-секретарь Валуев), то генерал-адъютанту Тимашеву поручено было представить соображения по одесскому делу, дальнейшие же прения на общую тему о полиции были прекращены.

Полученное сведение о том, что в Турции оставлено до 300 000 войск, сильно занимает всю Россию, имеет влияние на падение курса и цен на фонды, — между тем распространенный в Петербурге слух о состоявшемся соглашении России с Австрией принят весьма благоприятно в высшем слое общества, ныне заинтересованном обсуждением печатью возвещенных предположений об необходимости введения новых налогов. Отголосок рассуждений по сему предмету можно резюмировать изложением нижеследующего.

Кредит наш заграницей падает, он может быть поднят лишь при убеждении капиталистов в том, что государство изобрело новые источники доходов. Всякий новый налог крайне неприятен плательщикам; он влечет за собою ропот, но, если без увеличения налогов обойтись невозможно, то рациональнее ввести разом новый налог в таком размере, который мог бы удовлетворить всем нуждам страны.

Для покрытия расходов по росписи на 1879 год ожидается дефицит доходов размером от 50 до 70 миллионов; предположенный же поразрядный налог может дать от 13 до 16 миллионов, притом он служит как бы переходной ступенью для введения подоходного налога — этого самого ненавистного, даже в Англии, вида платежей казне. Введение табачной монополии стеснит развитие этой нарождающейся в России промышленности и встречено будет всеобщим неодобрением — от богатого до бедного. Самым простым (по способу взи-

*) Помета Александра II: «О послед(ующем) донести». И далее надпись: «Собственной его величества рукою карандашом начертано: «О последующем донести». Г.-а. Дрентельн».

мания) средством увеличить государственный доход финансисты предполагают — введение сбора дополнительных копеек (Centimes additionnells), по примеру Франции. Этот сбор, даже за освобождением от оного лиц, платящих подушно подать, мог бы дать ежегодно до 50 миллионов и более, а изъятие в пользу крестьян и мещан, укрепив в них чувства преданности самодержавному началу, вместе с тем отняло бы у прессы и зловредной пропаганды повод укорять правительство в том, что для улучшения быта беднейших классов населения ничего не предпринимается.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

С.-Петербург.
5 октября 1878.

14 *).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

В городе спокойно— кроме некоторого волнения в Медико-хирургической академии; на-днях в тамошней библиотеке была сходка, — агентурные донесения об оной при сем прилагая, осмеливаюсь доложить, что вполне довериться справедливости всего в них изложенного едва ли возможно. Вызвав к себе начальника академии, тайного советника Быкова [37]), человека почтенного, но устаревшего и робкого, я передал ему сведения о вновь готовящейся сходке, присовокупив, что, по-моему, следовало бы исключить из академии тех студентов, кои были дерзки, с тем, чтобы потом выслать исключенных из столицы. Ввиду ожидаемого приезда шефа жандармов я ограничился вышеизложенными мерами.

Тайный советник Быков заявил, что при нынешнем комплекте, превышающем 1900 слушателей лекций, он признает невозможным наблюдать за студентами. По его мнению, полезно было бы обратить академию в закрытое заведение **), как оно прежде было, но так как помещений в зданиях академии недостаточно и едва ли хватит на 350 человек, то остальных студентов можно было бы распределить по всем университетам или учредить особую медицинскую академию в одном из городов империи. Граф Толстой [38]) не встречает препятствий к устройству медицинского факультета при Петербургском университете.

Пресса более или менее сдержанно, но последовательно продолжает возбуждать общественное мнение рядом статей, критически

*) На подлиннике помета: «Получ. от государя императора из Ливадии 19 октября.» Далее рукою Александра II: «Ливадия, 12 окт. 1878 г.»; им же поставлен знак рассмотрения.

**) Помета Александра II: «Это немыслимо».

трактующих о предположенных налогах и о податях. Статс-секретарь Валуев передал мне, что он в качестве члена Главного финансового комитета с своей стороны обратился к министру внутренних дел с указанием на вредное влияние этого рода статей; Валуев проводит ту мысль, что полезно было бы опровергнуть (печатно) все газетные сведения, распространяющие неосновательные или тенденциозные слухи по финансовым вопросам. *)

В последнем всеподданнейшем докладе моем от 5 октября упомянуто было об рисовальщице Малиновской.—Сим имею счастье доложить, что Малиновская ныне проживает в Петербурге на углу Обводного канала, а не в Царском Селе. Надлежащие меры для наблюдения за ней приняты.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

С.-Петербург.
7 октября 1878 года.

15 **).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести.

Сегодня ночью было произведено три обыска, причем открыто переплетное заведение революционных изданий. Повод к обыскам был следующий, Наблюдение за известной вашему величеству Малиновской обнаружило, что она постоянно ходит в один дом 12-й роты Измайловского полка, где проживают два лица, в полиции не прописанные. Опасаясь, чтобы Малиновская и эти неизвестные люди не заметили, что за ними учрежден надзор, мною решено было вчера, в 8 час. вечера, произвести в ту же ночь с 11 на 12 октября внезапный обыск одновременно в 3-х домах, и для выигрыша времени — без участия прокурорского надзора. Во время обыска у Малиновской жившая с ней на одной квартире дочь губернского секретаря Федорова [39]) два раза предательски выстрелила из револьвера в жандармского полковника Кононова, разбиравшего бумаги в 3 или 4 шагах расстояния от преступницы, но господь помиловал Кононова — обе пули в него не попали ***). В доме 12-й роты Измайловского полка у неизвестного лица, назвавшегося Василием Павловым Соболевым [40]), найдены револьверы и кошка. При сем прилагая донесение начальника с.-петербургского жандармского губернского управления генерал-майора Комарова, имею счастие доложить, что более под-

*) Помета Александра II: «Меру эту признаю и я полезною».

**) На подлиннике пометы — рукой Селиверстова: «Получено от государя императора из Ливадии 21 окт.»; рукой Александра II: «Ливадия. 16 окт. 1878 г.»

***) Помета Александра II: «Слава богу».

робного донесения *) к часу отправления фельдъегеря в Ливадию не было возможности успеть составить.

Министр внутренних дел, вероятно, уже донес вашему императорскому величеству о появлении в № 8 газеты «Русская правда» открытого письма на имя шефа жандармов, подписанного редактором-издателем Гирс. Хотя тон письма довольно приличный (кроме указаний на бесчисленные жертвы, отрываемые с невыносимой болью от груди матерей, братьев и друзей), но таковое письмо — явление, еще в России небывалое. Говорят, что Гирс — подставной издатель-редактор газеты; под его фирмой «Русскую правду» закулисно ведут Корш и К° с платой Гирсу 5000 руб. жалованья. Письмо к шефу жандармов занимает весь Петербург, благомыслящая среда общества признает выходку газетчика совершенно неприличной в самодержавном государстве. **)

Вообще печать в последнее время, хотя сдержанно, но чаще и многостороннее, проводит антиправительственные идеи; «Новое время», «Русский мир», «С.-Петербургские ведомости», «Новости» и некоторые другие постоянно возбуждают самые жизненные государственные вопросы (ныне с особенным жаром—финансовый), и обсуждение газет постоянно направлено к порицанию таких предположений, на коих правительство даже еще само не остановилось, например, о налогах.

При покойном Лонгинове [41]) действовал тот же самый закон 6 апреля 1865 года о печати, который действует поныне и на множество недостатков коего ссылаются некоторые лица, между тем за время Лонгинова пресса, видимо, подчинялась направлению ***), указываемому ей Главным управлением по делам печати, и я осмеливаюсь полагать, что ныне, ввиду более или менее возбужденного настроения общества и возрастающего развития социальной пропаганды, следует самым серьезным образом относиться к делам печати ****), мне кажется, что было бы небесполезно опровергать в официальном органе те слухи о правительственных предположениях, кои измышлены или ложны.

Генерал-лейтенант Селиверстов.

12 октября 1878 г.

---

*) Помета Александра II: «Буду ожидать с нетерпением.»
**) Помета Александра II: «И я также.»
***) Помета Александра II: «Это правда.»
****) Помета Александра II: «Да».

Доклады ген. Дрентельна.

1 *).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Прибыв вчера в Петербург, я немедленно вступил в исправление должности, в которую облечен высоким доверием вашим**). На первый раз я не имею ничего, о чем бы должен был довести до сведения вашего императорского величества. Генерал Селиверстов доложил мне, что он не находит ничего прибавить к сделанному им в последний раз всеподданнейшему донесению. Он обстоятельно и последовательно вводит меня в подробности дела, с которым поспешу ознакомиться.

Молю бога, чтобы он сподобил меня оправдать возлагаемые вами, государь, на меня надежды. ***)

Генерал-адъютант Дрентельн.

14 октября 1878 года.
С.-Петербург.

2 ****).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. По мнению тайного советника Шульца, аресты, произведенные по делу Малиновской, имеют чрезвычайно важное значение; он имеет основание предполагать, что арестованный Сабуров [42]) есть никто иной как отставной поручик Кравчинский *****). Приняты меры для проверки этого предположения. Расследование деятельно продолжается.******)

Управляющий III отделением подал мне докладную записку, которую я позволяю себе при сем приложить; он просит ходатайства моего об увольнении его от занимаемой им должности. Он, действительно, совсем болен, и я смею думать, что, кроме болезни, других причин, побудивших его просить увольнения, в действительности нет. В личном объяснении при представлении мне докладной своей записки тайный советник Шульц дал мне слово, что он употребит последние силы на передачу всех сведений тому лицу, которому будет поручена его должность *******).

---

*) На подлиннике помета: «Получено от государя императора из Ливадии 23 окт. 1878.»

**) Помета Александра II: «Дай бог в добрый час.»

***) Помета Александра II: «Да поможет нам бог!»

****) На подлиннике пометы: «Получ. от государя императора 28 окт.» Далее рукою Александра II: «Ливадия. 23 окт. 1878 г.»

*****) Помета Александра II: «Где он прежде служил и когда был уволен?»

******) Помета Александра II: «Надеюсь, что они не останутся без последствий.»

*******) Помета Александра II: «Надеюсь, что он это и исполнит.»

Испрашивая соизволение вашего императорского величества на просьбу тайного советника Шульца, имею счастие всеподданнейше доложить, что я предполагал бы непосредственное управление делами III отделения возложить на товарища моего генерал-майора Черевина *).

Генерал-адъютант Дрентельн.

19 октября 1878 года.
С.-Петербург.

3 **).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. Продолжающимися розысками втечение последних двух дней Федорова, стрелявшая в жандармского офицера при ее арестовании, приведена к сознанию, что она действительно та Загорская, которая должна была стрелять в Трепова и роль которой приняла на себя Вера Засулич. Снятый с Федоровой (Загорской) фотографический портрет до такой степени похож на Веру Засулич, что является предположение, что не есть ли она родная ее сестра***), находившаяся в Сибири при муже Успенском[43]), сосланном в Карийский рудник.

Предположение насчет тождества Сабурова с Кравчинским еще не подтвердилось ****).

Вчера я получил телеграмму от генерал-майора Ковалинского из Харькова, что вчера же явились в харьковскую тюрьму два человека, одетые жандармами с подложною запискою от генерала Ковалинского о вызове к нему важного арестанта Фомина. Означенный генерал еще при проезде моем чрез Харьков докладывал мне, что он имеет сведения о готовящейся попытке к освобождению Фомина и что все меры приняты. Действительно, оба переодетые жандармы были задержаны [44]). О подробностях ожидаю донесения по почте *****).

В городе все спокойно. По последним сведениям, в Медико-хирургической академии две сходки не состоялись вследствие незначительного числа явившихся студентов. ******)

Генерал-адъютант Дрентельн.

21 октября 1878 года.
С.-Петербург.

---

*) Помета Александра II: «Согласен».

**) На подлиннике помета: «Получ. от государя императора 30 окт.» Далее рукой Александра II: «Ливадия. 25 окт. 1878 г.»

***) Помета Александра II: «Очень может быть.»

****) Помета Александра II: «Очень жаль».

*****) Помета Александра II: «Что за наглость!»

******) Помета Александра II: «Тем лучше.»

4 *).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. Предположение управляющего III отделением относительно тождественности Кравчинского и Сабурова не подтвердилось **); во всяком случае, не подлежит сомнению, что Сабуров должен иметь первостепенное значение в среде пропагандистов, и к определению его личности приняты меры.

В воскресенье 22 октября арестованы в Харькове два злоумышленника, явившиеся в форме жандармских унтер-офицеров в тюрьму с подложною запискою от генерала Ковалинского, с целью освобождения политического арестанта Фомина. Арестованные отказались объявить свое звание, но генерал Ковалинский, судя по их внешности, полагает, что они не пропагандисты, а нанятые люди для исполнения означенного предприятия. Вместе с ними арестованы близ тюрьмы еще двое сообщников [45]), оказавшихся студентами Ветеринарного института.

В городе все спокойно. Судя по агентурным сведениям, можно было ожидать беспорядков в Медико-хирургической академии и в Технологическом институте. Ближайшая проверка не подтвердила того, что касается до института, но в академии было несколько сходок студентов 1-го и 2-го курсов, не имевших однако серьезных последствий.

Генерал-адъютант Дрентельн.

26 октября 1878 года.
С.-Петербург.

5 ***).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. Упорное молчание арестованных крайне затрудняет производство расследования, но не может подлежать сомнению, что Сабуров и Соболев должны быть одними из важнейших лиц в организации социальной пропаганды. Смею доложить, что мы работаем неустанно, и если нет успеха в такой мере, как желательно, то это происходит не от недостатка усердия моих новых сотрудников и подчиненных. ****)

*) На подлиннике помета: «Получ. от государя императора из Ливадии 4 ноября 1878.» Далее рукой Александра II: «Ливадия 30-го окт. 1878 г. Прошу тебя впредь писать мне на половине листа, дабы я мог делать отметки мои на том же листе, по статьям.»

**) Помета Александра II: «Весьма жаль.»

***) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора 6 ноября 1878 года.» Далее рукой Александра II: «Ливадия. 1 нояб. 1878 г.»

****) Помета Александра II: «В этом я уверен.»

Считаю долгом всеподданнейше доложить о деле истребования от швейцарского правительства Веры Засулич. В министерстве иностранных дел является опасение, что требование выдачи не будет иметь успеха. Управляющий III отделением вполне разделяет это мнение и приводит следующие доводы: 1) швейцарское правительство, вообще неохотно соглашающееся на выдачу преступников с политическим оттенком, в данном случае будет опираться на то, что Засулич была судом присяжных оправдана и 2) что в Швейцарском союзе каждый кантон имеет свою отдельную юрисдикцию, так что в случае наклонности правительства кантона, в котором проживает Вера Засулич, к выдаче ее русскому правительству, ей стоит только переехать в соседний кантон, чтобы возбужденное дело осталось без последствий, если не будет возобновлено.

Прежде представления сего обстоятельства на высочайшее воззрение, я счел долгом спросить мнения министров внутренних дел и юстиции. Генерал-адъютант Тимашев вполне разделяет вышеозначенное мнение и, сверх того, находит, что появление Засулич в настоящее время в России, с его точки зрения, вовсе нежелательно, так как министр внутренних дел не отвечает за новый вердикт присяжных заседателей, а вместе с тем полагает, что, во всяком случае, суд над Засулич может подать повод к новым беспорядкам.

Статс-секретарь Набоков, не находя с своей стороны, чтобы швейцарское правительство имело право отвергать требование выдачи Засулич на основании состоявшегося решения Петербургского окружного суда, заявил, что если от настоятельного требования выдачи преступницы откажутся, то он не имеет причин тому противиться.

Не соизволите ли, ваше императорское величество, повелеть, чтобы по настоящему делу ограничиться передачею Вере Засулич вызова к суду и, если она, как надо полагать, от явки в суд откажется, не обращаться к швейцарскому правительству о ее выдаче *).

В городе спокойно. Сегодня утром я говорил с начальником Медико-хирургической академии. Он утверждает, что студенты успокоились вследствие того, что он отказался от предания академическому суду двух студентов, в виновности которых против него, начальника академии, он сам не вполне был убежден. Поступок честный, но общий характер действия г р е ш и т н е д о с т а т к о м п о с л е д о в а т е л ь н о с т и **) и может иметь прискорбные последствия в будущем. Генерал-адъютант Д р е н т е л ь н.

28 октября 1878 года.

С.-Петербург.

---

*) Помета Александра II: «Согласен.»

**) Помета Александра II: «Это и мое мнение.»

6 *).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. Управляющий III отделением тайный советник Шульц тронут до глубины души всемилостивейшим выражением одобрения его продолжительной службы. В настоящее время он неустанно работает совместно с моим товарищем и вводит генерал-майора Черевина во все подробности розыскного дела.

Рядом с этим розыски продолжаются; приобретено много фактов, но личность Сабурова и Соболева до сих пор остается неразъясненною. Они продолжают упорно молчать. Случайное открытие брата Кравчинского **), ничем до сих пор не скомпрометированного, подает тайному советнику Шульцу повод надеяться открыть место нахождения преступника. По имеющимся сведениям, братья очень похожи друг на друга, и в руках наших уже имеются фотографические карточки одного из братьев.

В городе очень озабочены падением курса нашего бумажного рубля и слухами о табачной монополии ***).

При сем прилагается письмо на имя вашего императорского величества от господина Фричеро.

Генерал-адъютант Дрентельн.

30 октября 1878 года.
С.-Петербург.

7 ****.

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. Арестованные по делу Малиновской продолжают упорствовать и отказываются от представления каких бы то ни было объяснений, что чрезвычайно затрудняет производство дознания. Тем не менее из сопоставления некоторых данных, приобретенных посредством обысков, с имеющимися в III отделении сведениями, оказывается необходимым произвесть несколько арестов и обысков вне Петербурга, к чему уже распоряжение сделано *****).

В городе все спокойно.

Во вторник в заседании Комитета министров, по поводу представления министра внутренних дел об усилении полиции в некоторых

*) На подлиннике помета: 1) «Возвращено от государя императора из Ливадии 8 ноября 1878 года. Ген.-ад. Дрентельн». Далее рукою Александра II: «Ливадия. 3 нояб. 1878 г.»

**) Помета Александра II: «Где он находится и как о том узнали?»

***) Помета Александра II: «Первое, к сожалению, правда, а второе ни на чем не основано.»

****) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 11 ноября 1878.» Далее рукой Александра II: «Ливадия. 6 нояб. 1878 г.»

*****) Помета Александра II: «Надеюсь, что они не останутся без последствий.»

городах, было заявлено мнение о необходимости сосредоточить имеющиеся и вновь ассигнуемые средства на агентуру в одних руках. Хотя слова «министерство полиции» не было произнесено, но оно, несомненно, предполагалось. Смею думать, что если со временем ваше императорское величество и соизволите на образование такового министерства, то, во всяком случае, до его учреждения не представляется возможным отвергать необходимость мер, неотложная потребность которых вызывается настоящими прискорбными событиями *). По этим соображениям представление министра внутренних дел, несомненно, будет уважено **). Что же касается до образования министерства полиции, то это для меня еще вопрос совершенно темный, и я прошу высочайшего разрешения, во всех случаях, когда об этом вопросе будет заводиться речь, отклонять рассуждения, ссылаясь на недостаточное знакомство с делом ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

2 ноября 1878 года.
С.-Петербург.

8 ****).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. В городе все спокойно. Из представляемого вместе с сим всеподданнейшего доклада ваше императорское величество изволите усмотреть, что дознание расширяется и арестовываются лица, имеющие важное значение в среде подпольной организации *****). К сожалению, типография до сих пор не открыта; следует однако сказать, что со времени последних арестов перестали появляться издания тайной книгопечатни, хотя, по сведениям, доставленным агентурою, давно уже ожидается выход первого номера дерзким образом обещанного агитаторами журнала «Земля и воля» [46]).

Начальник киевского жандармского управления доносит, что он открыл мастерскую, в которой изготовлялась жандармская одежда для харьковских злоумышленников; также найдена и арестована заказчица этой одежды [47]).

---

*) Помета Александра II: «Совершенно справедливо».
**) Помета Александра II: «Надеюсь».
***) Помета Александра II: «Да».
****) На подлиннике помета: «Возвращено от государя из Ливадии 13 ноября 1878 г.» Далее рукой Александра II: «Ливадия. 8 нояб. 1878 г.» «Прошу тебя выехать ко мне навстречу в Харьков, куда я должен прибыть 18 нояб. в 6 ч. вечера.»
*****) Помета Александра II: «Да».

Только что получил телеграмму из Бухареста, что, согласно высочайшему повелению, проживавший в Румынии Аркадакский найден, арестован и отправлен и Петербург.

Генерал-адъютант Дрентельн.

4 ноября 1878 года.
С.-Петербург.

9 *).

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести. Если агентурные сведения верны, в чем, кажется, нельзя сомневаться, то преступный журнал «Земля и воля» появился.

Прилагаемое при сем письмо нашего парижского агента **) и то обстоятельство, что ни я и никто из имеющих значение лиц не получили экземпляра вышедшего издания, дают повод думать, что появившийся журнал отпечатан за границею ***). Из письма парижского агента можно прийти к заключению, что действительная фамилия Федоровой, называвшейся прежде Загорскою, есть Морозова. Последняя фамилия до сих пор в делах вверенного мне управления не встречалась.

Нового пока еще ничего не открыто; ожидаются сведения из губерний.

В городе все спокойно.

26 ноября 1878 года.
С.-Петербург.

Генерал-адъютант Дрентельн.

10 ****).

Ваше императорское величество изволили прислать мне письмо из Харькова к студенту Медико-хирургической академии Корольков у. Считаю долгом всеподданнейше доложить, что все изложенное в письме, вероятно, преднамеренно преувеличено *****). 19 ноября я говорил об этом деле и с попечителем и с губернатором, и, по их заявлению, дело представляется совершенно иначе. Военная сила не была употреблена вовсе, хотя войска и были, на на всякий случай, готовы. Студенты тотчас же разошлись, после того как к сходке приехал губернатор и объявил студентам, что он употребит силу, если втечение пяти минут они не разойдутся.

Графу Толстому сообщено.

Генерал-адъютант Дрентельн.

26 ноября 1878.

*) На подлиннике помета: «Возвращено от государя императора из Ливадии 15 ноября 1878 года.» Далее рукой Александра II: «Ливадия. 11 нояб. 1878 г.» Им же поставлен и знак рассмотрения.

**) Письмо в деле отсутствует.

***) Помета Александра II: «Весьма вероятно».

****) На подлиннике знак рассмотрения.

*****) Помета Александра II: «Весьма вероятно.»

11 *).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что возвратившийся из Старой Руссы агент доложил о слышанном им от офицеров полка, что Дубровин [48]) поступил на службу вольноопределяющимся из бывших студентов Технологического института. Офицеры полка в большом негодовании на своего недостойного товарища, положившего пятно на честное имя полка **).

Я приказал доставить арестованного сюда под строгим и надежным конвоем ***).

Генерал-адъютант Дрентельн.

17 декабря 1878 г.

12 ****).

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу. Подпоручик Дубровин сюда доставлен; вместе с ним привезен вольноопределяющийся того же полка Эразм Лобойко [49]), находившийся в квартире Дубровина во время ареста и которого Дубровин призывал к себе на помощь. Лобойко помощи не оказал, а хотел скрыться и был задержан. Дубровин находится в сильно возбужденном состоянии и еще не допрошен *****). Лобойко же дает показания, из которых теперь видно, что Дубровин учился в техническом училище морского ведомства в Кронштадте, а сам Лобойко в строительном училище министерства внутренних дел и встретился с Дубровиным и познакомился с ним только при поступлении в полк летом текущего года.

Дубровин представляется человеком ожесточенным и готовым на все; товарищ же его, повидимому, характера мягкого, и от него можно надеяться узнать более ******), чем от Дубровина, со стороны которого следует ожидать большого упорства.

Генерал-адъютант Дрентельн.

18 декабря 1878 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Серышов, Дмитрий Николаевич, род. в 1852 г. 13 августа 1878 г., арестован в пограничном пункте Александрове по подозрению в убийстве Мезенцова. Был заключен в Петропавловскую крепость. За отсутствием улик освобожден.

*) На подлиннике знак рассмотрения.

**) Помета Александра II: «Я это понимаю, но надеюсь, что между ними не окажется соучастников.»

***) Помета Александра II: «Надеюсь что он не ускользнет и что через него мы добьемся найти главных двигателей.»

****) На подлиннике помета Александра II: «Прошу тебя быть ко мне завтра в $^1/_2$ 12 ч.»

*****) Помета Александра II: «Надеюсь, что бумаги его захвачены.»

******) Помета Александра II: «Увидим.»

[2]) Фон Гейкинг, Мария Михайловна, баронесса, вдова штабс-капитана отд. корпуса жандармов Гейкинг, убитого в 1878 г. ударом кинжала на улице в г. Киеве.

[3]) Брошюра С. М. Кравчинского «Смерть за смерть.»

[4]) Указом от 8 августа 1878 г. право заарестования лиц, заподозренных в государственных преступлениях, распространено на офицеров корпуса жандармов, полицмейстеров и уездных исправников. Местом ссылки назначена преимущественно Восточная Сибирь; за побег или попытку к побегу — Якутская область.

[5]) Набоков, Дмитрий Николаевич, министр юстиции.

[6]) Григорьев, Иван Григорьевич, крестьянин Яросл. губ., Мышкинского уезда, брат Матвея Гр. Григорьева, участника демонстрации в 1876 г. на Казанской площади; род. в 1861 г. Рабочий прокатного цеха завода «Русского о-ва горн. и механ. заводов в Петербурге». Арестован в авг. 1878 г. по обвинению в «публичном порицании существующего порядка госуд. управления». В декабре 1878 г. выслан под надзор полиции на родину.

[7]) 7 июня 1878 г. повсеместно в России был введен институт урядников.

[8]) Адлерберг, Александр Влад. граф, министр имп. двора и уделов.

[9]) Тимашев, Александр Егорович, ген.-адъютант, министр внутр. дел.

[10]) Ливен, Андрей Александрович, кн., тов. министра госуд. имуществ.

[11]) Маков, Лев Саввич, тов. министра внутр. дел.

[12]) Клейн (по мужу Бердникова), Аделанда Григорьевна, род. в 1858 г., арестована 30 августа 1878 г. по делу тайного печатания запрещенных сочинений. С 14 окт. 1878 г. содержалась в Петропавловской крепости. В ноябре 1879 г. выслана в Сибирь; находилась на поселении в Красноярске с 18 июня 1880 г. Вскоре умерла в Енисейске.

[13]) Милютин, Дмитрий Алексеевич, ген.-адъютант, военный министр.

[14]) Минквиц, Александр Федорович, ген.-адъютант, командующий войсками Харьковского военного округа.

[15]) Ковалинский, Дмитрий Михайлович, ген.-майор, начальник харьковского губ. жанд. управления.

[16]) Харламов, Александр Семенович, сверхштатный чиновник особых поручений при министре внутр. дел.

[17]) Кравчинский, Сергей Михайлович (1850—1894), землеволец, входил в состав редакции «Земли и воли». После убийства шефа жандармов Мезенцова выехал заграницу и более не возвращался в Россию. 23 декабря 1895 г. раздавлен насмерть поездом в Лондоне.

[18]) Засулич, Вера Ивановна (1851—1919), член «Земли и воли», после примкнула к «Черному переделу». Впоследствии одна из членов учредителей соц.-дем. «Группы освобождения труда».

[19]) Клейн, Анна Григорьевна, в 1878 г. была обыскана и подчинена негласному надзору в Петербурге в связи с делом сестры ее Аделаиды. Освобождена от надзора в ноябре 1880 г.

[20]) Чубаров, Сергей Федорович (1845—1879), член киевского революционного кружка, по кличке «Капитан». Арестован в Одессе в 1879 г. Судился в Одесском военно-окружном суде по процессу 28. Повешен 11 августа 1879 г.

[21]) Рохальский, Павел Осипович, рев. кличка «Федотка». В 1875 г. принадлежал к революционному кружку, организ. Стефановичем. Был одним из участников Чигиринского дела и принимал участие в покушении на Гориновича под фамилией Петровского. Принимал участие в освобождении Войнаральского,

Льва Дейча, Стефановича и Бохановского. В 1878 г. скрылся из России заграницу. В 1879 г. служил в Болгарии под фамилией Русанова. В 1880 г. служил на австрийской границе полицейским чиновником. Работал в Париже в 1880 г. в качестве наборщика. Умер 28 января 1883 г. в парижском госпитале от туберкулеза.

[22]) Медведев, Алексей Федорович, (он же Фомин, Петр Никифорович). Был членом кружка, организованного Заславским. В феврале 1876 г. был привлечен к дознанию по делу Южно-русского рабочего союза. В 1877 г. вошел в Южную группу террористов и вместе с Ив. Ивичевичем и Валер. Осинским 23 февраля 1878 г. совершил покушение в Киеве на прокурора Котляревского. Принимал участие в освобождении Войнаральского. Арестован 2 июля 1878 г. на вокзале в Харькове и заключен в харьковскую тюрьму, откуда бежал, но был пойман. Харьковским военно-окружным судом был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. Содержался в Тобольском каторжном централе, в Омском тюремном замке, Петропавловской крепости, на Каре. Умер в Чите в 1926 г.

[23]) Сентянин, Александр Евграфович, род. в 1856 г., дворянин Екатеринославской губ., воспитывался в харьковской гимназии и в Горном институте. 29 августа 1878 г. Сентянин был арестован в Харькове по обвинению в принадлежности к соц.-рев. партии и в распространении литературы противоправительственного содержания. 13 окт. был доставлен в С.-Петропавлоскую крепость, где 25 мая 1879 г. умер.

[24]) Валуев, Петр Александрович, граф, член Госуд. совета, министр госуд. имуществ.

[25]) Шостак, Анатолий Львович, и. д. харьковского губернатора.

[26]) Долгушин, Александр Васильевич (1848—1885); в 1874 г. особым присутствием Сената приговорен к каторжным работам на 10 лет.

[27]) Дмоховский, Лев Адольфович (1851—1881), по делу «Долгушинцев» особым присутствием Сената 15 июля 1874 г. осужден в каторжные работы на 10 лет.

[28]) Введенский, Николай Евгеньевич (1852—1922), привлекался по процессу 193-х, был оправдан. Окончил Петербургский университет в 1879 г. Впоследствии профессор физиологии того же университета.

[29]) Федорович, Дмитрий Васильевич, учился в Петербургском университете. Привлекался по процессу 193-х, был оправдан. В апреле 1880 г подчинен гласному надзору полиции на 3 года, проживал в г. Мценске, Орловской губ.

[30]) Ширинский - Шихматов, Александр Прохорович, кн., тов. министра нар. просвещения.

[31]) Бекетов, Александр Николаевич, ректор Петербургского университета.

[32]) Дрентельн, Александр Романович, ком. Киевским военным округом. 15 сентября 1878 г. был назначен главным начальником III отделения и шефом жандармов.

[33]) Шур Шейна (она же Хася Шейна) Мовшевна, род. в 1861 г. в Могилеве. Проживала заграницей, слушала лекции естественных наук в Берне. Арестована 20 сентября 1878 г. в пограничном пункте в Александрове; при ней найдены письма от эмигрантов. 19 июля 1879 г. была выслана в г. Курган, Тобольской губ. В 1882 г. переведена в г. Тюкалинск.

[34]) Черевин, Петр Александрович, ген.-майор, тов. главноупр. III отд., впоследствии шеф жандармов, а в 1879 г. начальник дворцовой охраны.

[35]) Малиновская, Александра Николаевна, (1849—1891), дочь поручика, художница. Не входя в общество «Земля и воля», находилась в близких отношениях с его членами. В связи с делом об убийстве Мезенцова 12 окт. 1878 г. была

обыскана и заключена в Петропавловскую крепость. 14 мая 1880 г. присуждена к лишению всех прав и преимуществ и к ссылке в Тобольскую губ. Заболела душевным расстройством и умерла в Петербурге в ноябре 1891 г.

[36]) Абаза, Александр Агеевич, председатель департамента госуд. экономии Госуд. совета.

[37]) Быков, Александр Михайлович, начальник Медико-хирургической академии.

[38]) Толстой, Дмитрий Андреевич, граф, министр народного просвещения.

[39]) Коленкина (по мужу Богородская), Мария Александровна (1850—1926). Жила в Петербурге под фамилией Мар. Ант. Загорской. 12 окт. 1878 г. арестована в Петербурге на квартире Малиновской под фамилией Мар. Ив. Федоровой. При аресте оказала вооруженное сопротивление. Петербургским военно-окружным судом 14 мая 1880 г. по делу Адр. Михайлова, Веймара и др. приговорена к 10-ти годам каторжных работ.

[40]) Бердников, Леонтий Федорович, род. в 1852 г. Член-учредитель о-ва «Земля и воля». В 1878 г. принят в центральную группу общества. При аресте 12 окт. 1878 г. в связи с делом об убийстве Мезенцова назвался Вас. Павл. Соболевым. Петербургским военно-окр. судом приговорен к 15 годам каторжных работ. По конфирмации срок сокращен до 8 лет. Наказание отбывал в Каре.

[41]) Лонгинов, Михаил Николаевич (1823—1875 г.), с 1871 г. был начальником главного управления по делам печати. При нем изданы правила 31 мая 1872 г., расширяющие права мин. внутр. дел по закону печати от 6 апреля 1865 г.

[42]) Оболешев, Алексей Дмитриевич (он же Владимир Сабуров), 12 октября 1878 г. арестован в Петербурге по делу об убийстве Мезенцова и заключен в Петропавл. крепость. В 1880 приговором военно-окружного суда присужден к смертной казни, замененной каторжными работами на 20 лет. Умер в Трубецком бастионе от туберкулеза 26 июня 1881 г.

[43]) Успенский, Петр Гаврилович, род. в 1848 г., дворянин, учился в Петерб. университете. Был женат на сестре Веры Засулич. В 1869 г. привлекался по делу Нечаева. Петерб. судебной палатой приговорен был к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 15 лет в Вост. Сибирь.

[44]) Попытка освобождения Фомина-Медведева из харьковской тюрьмы была подготовлена Я. Стефановичем и Л. Дейчем; в освобождении приняли участие Березнюк, Гавриил Николаевич, он же Тишенко, Иван Иванович, б. матрос Черноморского флота, и Рашко, Илья Афанасьевич, из кр-н Черниговской губ., ранее судившийся за уголовные преступления. Березнюк и Рашко 20 октября 1878 г. были арестованы в харьковской тюрьме в форме жандармских унтер-офицеров. Харьковским военно-окружным судом осуждены в каторжные работы без срока. Вследствие прошения на высоч. имя и откровенных показаний Рашко каторга заменена ссылкой на поселение в Сибирь.

[45]) При попытке освободить Фомина-Медведева из харьковской тюрьмы были задержаны студенты харьковского ветеринарного ин-та Яцевич, Николай Васильевич и Ефремов, Василий Степанович. Яцевич харьковским военно-окружным судом был осужден к ссылке в каторжные работы на 15 лет в Вост. Сибирь. В 1880 г. бежал из Иркутского замка, но был пойман; прибыл на Кару 22 ноября 1880 г.

[46]) Первый номер «Земли и воли» появился 6/XI 1878 г. Печатался в «Вольной русской типографии», редакторы: Кравчинский, Клеменц, после Морозов, Тихомиров, Плеханов.

[47]) Савелко, Авдотья Ивановна. Привлекалась в 1878 г. к дознанию об освобождении из Харьковского тюремного замка Фомина-Медведева. Ею было заказано в Киеве жандармское платье. Присуждена к каторжным работам на 15 лет, замененных ссылкою на поселение в Сибирь.

[48]) Дубровин, Владимир Дмитриевич (1855—1879 г.), подпоручик 86 пех. Вильманстрандского полка, квартировавшего в Старой Руссе. Вел революционную пропаганду в войсках и при аресте оказал вооруженное сопротивление. По приговору Петербургского военно-окр. суда повешен в Петропавл. крепости 20 апреля 1879 г.

[49]) Лобойко, Эразм Владимирович (1857—1879 г.), вольноопределяющийся 86 пех. Вильманстрандского полка, стоявшего в Старой Руссе. Принимал участие в работе землевольческой типографии в 1878 г. Арестован в 1878 г. в Старой Руссе вместе с В. Д. Дубровиным. Был заключен в Петропавловскую крепость и освобожден по болезни на поруки матери. Умер в 1879 г. в Москве.

Из записной книжки архивиста.

П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание.

Свеаборгское восстание 17—19 июля 1906 г., по своей неожиданности и по широкому охват крепостного гарнизона и береговых команд в Гельсингфорсе, произвело огромное впечатление в царской России и за границей.

Первые известия о кровавых событиях в Свеаборге, являвшемся оплотом защиты финского побережья, нашли тотчас же бурный отклик в Кронштадте, где революционно настроенные и хорошо подготовленные солдатские и матросские массы немедленно (19 июля) выступили на поддержку Свеаборга против царского правительства. Затем революционная волна покатилась дальше вглубь России и повлекла ряд выступлений войсковых частей и морских судов (крейсер «Память Азова» и др.).

На общем фоне резкого нарастания революционных настроений в России и массовых выступлений в городе и деревне, имевших место летом 1906 г., революционное движение в армии и во флоте приобретало совершенно исключительное значение и создавало для царского правительства реальную угрозу лишиться своего последнего оплота.

Еще в июне 1906 г. выступление любимого царем л.-гв. Преображенского полка, в котором Николай II, в бытность наследником, командовал батальоном, с убедительностью говорило о том, что даже в самых «верных» полках революционное брожение пустило глубокие корни и что гвардейские части так же поддаются пропаганде, как и остальная солдатская масса.

Теперь же, когда восстали обе крепости, прикрывавшие с моря подступы к столице, когда движение получило новый энергичный толчок и врезалось в самую толщу армии и флота, для всякого наблюдателя было ясно, что воинская мощь государства поколеблена, и армия стала представлять собою больше угрозу, чем защиту царского строя.

При таких условиях Свеаборгское восстание могло явиться поворотным пунктом в истории русской революции и если бы массы были тогда вполне подготовлены и если бы, по словам Ленина, рабочий натиск, крестьянское восстание и солдатский «бунт» слились в одном ударе, то царское правительство оказалось бы свергнутым еще в 1906 г.

Создавшаяся в результате Свеаборгского восстания грозная для правительства обстановка требовала от него действий.

Только что назначенный на пост председателя Совета министров П. А. Столыпин. Новый премьер пришел к власти с желанием во что бы то ни стало задушить революцию, потопив ее в потоках крови, не останавливаясь перед жесточайшим применением террора сверху. Боевое настроение Столыпина чрезвычайно нравилось Николаю II, который не преминул отметить в дневнике «самое лучшее впечатление» от разговоров со Столыпиным (запись 10 июля).

Политика правительственного террора в то время вполне отвечала пожеланиям дворянских и помещичьих кругов, напуганных крестьянскими восстаниями и «иллюминацией» *) их имений. Эта же политика соответствовала стремлениям крупной буржуазии спасти свое поколебавшееся после 1905 г. положение какой угодно ценой. Правящая среда поддерживала Столыпина, сочувствуя его политике «твердой власти». Таким образом приход Столыпина к власти и первые шаги его в сторону борьбы с революцией встретили полное сочувствие руководящих верхов, и вокруг него стали группироваться все силы реакции, создавая благоприятную обстановку для перехода в наступление против нового натиска революционных масс.

Свеаборгское восстание давало Столыпину желанный повод проявить себя в роли усмирителя и предоставляло ему возможность обрушить на «мятежников» всю силу правительственных репрессий. Стремительный суд и жестокая расправа с участниками восстания, а в особенности с вожаками и агитаторами, должны были, по мысли Столыпина, запугать массы и отбить охоту от активных выступлений против правительства.

Поэтому, как только восстание было подавлено и сотни его участников арестованы, Столыпин настоял в Совете министров на немедленном предании всех задержанных, в том числе и гражданских лиц, военному суду. Такая мера являлась прямым нарушением действовавших тогда законов о подсудности, так как гражданские лица на территории Финляндии ни в каком случае не подлежали военной подсудности, а должны были судиться в местных судах с применением местных же законов (устав воен. судебн. — правила применения его в Финляндском воен. округе, п. 3-й).

О состоявшемся решении Совета министров немедленно были посланы телеграммы: Столыпиным — финляндскому генерал-губернатору Герарду, а военным министром генералом Редигером — командиру 22-го армейского корпуса генералу барону Зальца, который являлся высшим военным начальником в Финляндии.

Телеграмма на имя Зальца гласила следующее:

«Гельсингфорс. Срочно. Командиру 22-го армейского корпуса генералу барону Зальца. 21 июля 1906 г.

Лица, не принадлежащие к военному званию, но участвовавшие в мятеже Свеаборгского гарнизона, должны быть судимы совместно с воинскими чинами. № 1522. Военный министр генерал Р е д и г е р».

Сведения о решении Совета министров судить всех участников Свеаборгского восстания, в том числе и финляндских граждан, военным судом достигли Финляндии еще до получения Герардом официального уведомления и вызвали среди местных общественных кругов сильнейшее раздражение.

Герард хорошо учитывал местную обстановку и, видимо, не желал итти по бобриковскому пути *) обо-

*) Так характеризовал погромы и поджоги помещичьих усадеб крестьянами член I Госуд. думы кадет Герценштейн в одной из своих думских речей.

*) Ген. Н. И. Бобриков, финляндский ген.-губернатор, с 1898 по 1904 г., проводил в Финляндии жесткую политику обрусения и притеснения коренного населения. Убит Шауманом в июне 1904 г.

стрения отношений с финляндскими политическими и общественными кругами. Убийство Бобрикова, ряд покушений на русских чиновников и, наконец, открытая борьба против наступательной политики царизма в октябре 1905 г., которая привела к полному провалу обрусительных тенденций в Финляндии, являлись предостерегающим фактором против новых авантюр со стороны русского правительства, и Герард явно не хотел поддерживать беззаконный шаг Совета министров.

Пользуясь своим высоким положением, Герард, минуя премьер-министра, обратился непосредственно к царю с следующей телеграммой:

«Полученные здесь из Петербурга сведения, что все захваченные в Свеаборге, не принадлежащие к военному званию, предаются военному суду, вызвали крайнее волнение. Теперь общественное мнение возбуждено против Красной гвардии и революционеров; административные и судебные места действуют энергично; законное течение дел дает надежду, что семя революции будет с корнем исторгнуто в этом крае. Предвидеть все последствия от принятия столь неконституционной меры невозможно. В крайнем случае, не соблаговолите ли вы, ваше величество, хотя бы финляндских граждан передать гражданскому суду. Насколько возможно, я ручаюсь, что судебные приговоры будут строгие. Простите, государь, за смелость моего обращения, но долг верноподданного меня к этому обязывает. Финляндский генерал-губернатор Г е р а р д. — 22 июля 1906 г. 7 час. 20 мин. пополудни».

Приведенная телеграмма была переслана царем 23 июля Столыпину, а последний передал ее Редигеру для представления справки о существующих законодательных нормах, регулирующих данный вопрос.

На следующий день, 24 июля, Главное военно-судное управление, по приказанию Редигера, представило ему справку, из которой с полной ясностью следовало, что гражданские лица в пределах Финляндии не могут быть преданы военному суду. Ознакомившись со справкой и убедившись, насколько вопиющим нарушением законов было распоряжение Совета министров о предании гражданских участников Свеаборгского восстания военному суду, Редигер признал необходимым ознакомить главного военного прокурора с теми мотивами, которыми руководился Совет министров, по указке Столыпина принимая данное решение.

«Совет министров признал, что крепость Свеаборг есть не финляндская, а русская территория, — писал Редигер в резолюции на справке, возвращая ее в Главное военно-судное управление. — Председатель Совета министров послал телеграмму действ. тайному советнику Герарду, а я однородную бар. Зальца. Вчера выяснилось, что среди взятых штатских есть финляндцы; я высказал П. А. Столыпину мое мнение, что их надо передать финляндскому суду (гражданскому).— Справку о неприменении в Финляндии военных законов к штатским, д а ж е р у с с к и м, прошу послать немедленно П. А. Столыпину. Он едет сегодня в Петергоф *). Выяснить, по телефону, куда справку послать, чтобы он получил до отъезда.— Р е д и г е р».

Во исполнение этого приказания справка была снова переписана и вручена Столыпину в момент посадки его на пароход «Онега» для следования в Петергоф. Пока пароход шел к царской резиденции, у Столыпина было достаточно времени, чтобы обдумать создавшееся положение и убедиться, насколько противозаконно было решение, принятое Советом министров по его настоянию.

Слишком очевидная незакономерность этой меры и опасение новой

*) На доклад к царю, жившему летом 1906 г. в Петергофе.

вспышки революционного восстания на финляндской окраине, где почти не было надежных русских войск, видимо, побудили Столыпина к частичному отступлению, и он доложил Николаю II о необходимости ликвидировать инцидент в отношении подсудности финляндских граждан. Дальше этого Столыпин не пошел. Остальные подсудимые из числа гражданских лиц не имели авторитетных заступников, и с ними, как с своими, можно было не стесняться. Поэтому решение Совета министров о предании их военному суду было оставлено в силе.

Чтобы сохранить лицо и избавить себя от прямого и открытого признания ошибки, Столыпин послал Герарду длинную телеграмму, содержавшую ряд обвинений финляндских политических кругов и местной администрации в попустительстве революционному движению. Частичная отмена решения Совета министров трактовалась как уступка Герарду, ввиду его заверений лойяльности финляндских судов и администрации, причем тут же Герарду давалось понять, что от него ожидается соответствующее воздействие на местные органы.

«Втечение последнего времени, — писал Столыпин в телеграмме на имя Герарда, — Финляндия сделалась постоянным местом, где лица, злоумышляющие против престола и общества, обсуждают свои преступные замыслы, укрываются от преследования русских властей и осуществляют ввоз оружия для революционных целей, причем практического противодействия этим предприятиям не оказано местной администрацией и судом.

С особенной наглядностью это проявилось в допущении почти открытой агитации среди гарнизона Свеаборга и Гельсингфорса на митингах в этом городе *) перед бунтом и явного самовооружения Красной гвардии.

Такое попустительство привело к возмущению части войск и к многочисленным жертвам восстания.

При подобных условиях едва ли можно было ожидать от местных полиции и суда полной энергии и непоколебимой твердости в немедленном разоблачении и быстрой строгой каре виновных, поднявших на восстание тех, кто ныне по закону подлежит военному суду.

Однако же, приняв во внимание удостоверяемую вами готовность финляндских властей выказать в настоящем случае ту деятельность, почин и твердость, которым отвечает крайняя важность нарушенных виновными государственных, а не только местных интересов, государь император соизволил разрешить не предавать военному суду задержанных в Свеаборге финляндских граждан гражданского ведомства, ожидая от финляндского суда и администрации выполнения до конца своего долга пред престолом и Россией. — Председатель Совета министров С т о л ы п и н».

Таким образом конфликт в отношении подсудности военному суду финляндских граждан был ликвидирован не в пользу зарвавшегося премьера. Об участи же остальных подсудимых из числа гражданских лиц поспешил позаботиться главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа в. кн. Николай Николаевич, который телеграммой от 26 июля на имя Зальца подтвердил, что «гражданские лица не из финляндских уроженцев, участники мятежа, должны судиться военными судами». В резуль-

---

[1]) 9 июля в Гельсингфорсе, в парке «Гесперия», состоялся грандиозный митинг с участием финских рабочих, русских солдат, матросов и служащих. На митинг явился член I Государственной думы Михайличенко, который огласил только что полученную телеграмму о роспуске Думы и особенно взвинтил настроение.

тате, десятки таких подсудимых прошли через руки военных судей и были присуждены: большинство к смертной казни и меньшая часть к каторжным работам.

С. Л. Иванов.

К истории эмиграции 1860-х годов.

4 октября 1861 г. при осмотре на таможне станции Вержболово вещей прибывших из-за границы пассажиров одна женщина «полнотою своей одежды» обратила на себя внимание производившего осмотр чиновника. Она была задержана и подвергнута обыску, причем под платьем у нее было обнаружено два мешка с запрещенными книгами (лондонские издания А. И. Герцена) и письмами. Задержанная сказалась Эмилией Вильямовной Европеус, женою известного общественного деятеля Александра Ивановича Европеус, в 1849 г. привлекавшегося по делу Петрашевского, а в 1860 высланного в Пермь за участие в составлении всеподданнейшего адреса тверских дворян, содержавшего в себе протест против запрещения дворянским собраниям обсуждать подготовлявшуюся в то время крестьянскую реформу.

В числе писем, отобранных у Э. В. Европеус, было письмо без подписи, адресованное небезызвестному в то время историку Иоакинфу Ивановичу Шишкину в Петербург. Это письмо обратило на себя внимание жандармов вследствие того, что в нем описывались встречи автора письма с русскими эмигрантами. Как выяснилось потом, автором письма был некий Тимерман, с которым Европеус встретилась в Париже и вместе ездила в Лондон.

Бывший воспитанник 2-го кадетского корпуса, Тимерман за какую-то шалость был выслан юнкером на Кавказ. Вследствие раны, полученной в бою, Тимерман потерял правую руку. После этого он был приставлен к взятому в плен и отправленному в Калугу Шамилю.

В Калуге Тимерман познакомился с семьею чиновника Толмачева. Вскоре Толмачев был переведен в Пермь, где получил место председателя казенной палаты. Вместе с Толмачевыми переехал в Тверь и Тимерман. Летом 1861 г. жена Толмачева отправилась за границу. Вскоре вслед за ней уехал и Тимерман.

О Толмачевой стоит сказать несколько слов, так как, вследствие одного литературного скандала, ее имя вошло в историю русской общественности. Евгения Эдуардовна Толмачева, урожденная Эверсман, была дочерью профессора Казанского университета; по сообщению пермского жандармского полковника Комарова, Толмачева «получила превосходное и серьезное образование, но, с ранних лет находясь в обществе учителей и профессоров Казанского университета, получила ложное направление; впоследствии, увлекшись теориями французских публицистов Прудона и Мишле, во что бы то ни стало, желала сделаться эмансипированною женщиною, применяя теории указанных авторов к собственной жизни». В молодости, — писал Комаров про Толмачеву, — она обладала замечательною наружностью, в 1847 и следующих годах жила в Оренбурге, где пользовалась особенным вниманием гр. В. А. Перовского *).

В конце 1860 г. в Перми был устроен литературный вечер. На нем выступила Толмачева. Она читала «Египетские ночи» Пушкина. В «Петербургских ведомостях» была помещена корреспонденция из Перми с описанием вечера и выступления Толмачевой. П. И. Вейнберг, в то время начинающий

*) Оренбургский генерал-губернатор в 1851—1857 гг.

поэт, поместил в редактируемом им журнале «Век» фельетон, в котором высмеял Толмачеву. Горячий сторонник женской эмансипации М. И. Михайлов, возмущенный фельетоном Вейнберга, напечатал статью «Безобразный поступок «Века», в которой вступился за честь Толмачевой. Его примеру последовали другие газеты и журналы, и некоторое время имя Толмачевой не сходило со страниц русской прессы, воспользовавшейся историей с Толмачевой, чтобы выразить свое отношение к женскому вопросу *).

С этой-то Толмачевой и с Тимерманом, бывшим, по сведениям жандармов, автором вышеупомянутой корреспонденции из Перми в «Петербургских ведомостях», Э. В. Европеус и встретилась за границей. Когда Европеус возвращалась в Россию, Тимерман и вручил ей письмо к Шишкину, о котором мы говорили выше.

Вот это письмо, содержащее в себе ряд не лишенных интереса сведений о русских эмигрантах, с которыми Тимерману, Толмачевой и Европеус пришлось встретиться в Париже и Лондоне **).

«Лозанн. 12/1 октября [1861 г.].

Милый Якиша, посылаю тебе Англичанина из Парижа; полюбуйся, он очень мил, его физиономия, вероятно, напомнит тебе нашу прогулку по Неве. Не знаю, получил ли ты мои письма, одно — из Перми, другое по городской почте Петербурга. Я не мог видеть тебя в Петербурге, потому что провел в нем только четыре часа, торопясь окончить дела и ехать за границу, в Швейцарию, в деревушку Гейс, где меня ждала особа, уважаемая тобой и любимая мной [1]). Из Гейса я отправился с ней в Париж, который произвел на нас обоих очень скверное впечатление: жандармы, полиция, шпионство, трусость и страх, нет свободы прессы, нет свободы слова, лица сумрачные у граждан, грубо самодовольные у солдат, грубости, наглая невежливость взамен услужливости и вежливости, бывшей когда-то синонимом французов. Париж строится, мусор, мусор во всем, в головах, на улицах, в законодательстве, в журналах. Но при всем этом мусоре недовольство растет, негодование глухо бродит в массе. Это было нам высказано кучером во время нашей прогулки в Bois de Bologne. Узнав, что мы иностранцы, он говорил с жаром и негодованием, но со страхом озираясь кругом, чтоб его не подслушали. Проедет ли солдат, проедет ли богатый коллега с ливрейным лакеем, он быстро прерывал речи и уже мимикой, полной презрения и негодования, доканчивал ее. «Наполеон, — сказала моя спутница, — кормит голодных работников». — «Это правда, — отвечал кучер, — но он их и морит работой». — «Да, но они теперь довольны, у них есть труд, они, вероятно, его любят.» — «Нет, — отвечал кучер, — они хорошо знают и свою силу и что в этих домах не им придется жить, их очень много в Париже, хлеб дорожает, и они скоро встанут и задушат Наполеона.» — «А их задушат солдаты». — «Может быть, может быть», — отвечал он грустно. — «Если так, то зачем вы даром кровь льете?» — «Да не мы делаем революцию; я и не думал выбирать Наполеона, выбрала его его партия». — «Значит, солдаты, значит, они его любят». — «Нет, и они его не любят, он им очень мало дает. О, с каким бы удовольствием я бы оставил Париж», — прибавил кучер со вздохом.

В Париже мы соединились с madame Европеус, которая нас ждала там.

*) Об этом инциденте подробно рассказывает сам Вейнберг в воспоминаниях, напечатанных в № 5 «Исторического вестника» за 1900 г.

**) Архив Революции и Внешней Политики, дело III отделения, I экспедиции, 1861 г. № 395, об Э. В. Европеус, л. 333.

Вечером того же дня приехал к нам князь Долгоруков, автор «Русской правды», которую до сей поры русская аристократия переварить не может [2]). Что сказать тебе об этой книге? Политического значения она иметь не может, не взирая на все желание автора дать ей это значение. Долгоруковские рецепты конституции могут убить, но не вылечить Россию. Самый здоровый мозг не переварит подобной конституции. Ряд противоречий поражает каждого; ясно видно, что он не имеет ни задуманного плана, ни основной мысли; это скорее набор различных конституций; здесь можно найти рядом с демократическими пунктами швейцарской конституции аристократические привилегии английской конституции, наполеоновский кодекс — с мировой сходкой и третейским судом. Этот хаос как-то легко уживается в голове Долгорукова, этого литературного сноба, как я его называю, или шута, как называет его Герцен. Впрочем, в его «Правде» есть хорошие стороны. Это — собрание скандальных анекдотов, показывающих в ярком свете подлость, тупоумие, воровство правительства.

Но так как эту книгу ты сам современем прочтешь, то ее по-боку и поговорим об авторе. У Герцена и Огарева он слывет литературным шутом. Кличка верная. Репутация вполне заслуженная. Я уже тебе сказал, что он тот же вечер, как мы приехали в Париж, был у нас. Сквозь его любезность и остроумие, несколько тяжелое и смахивающее на брань, ярко проглядывала пустота, легкомыслие, самодовольство своей личностью, как литератора и князя. Его толстая фигурка ужасно напоминает собою Санчо Пансо со знаменем, на котором написано «Будущность», газета, им издаваемая; грустная будущность, — прибавлю я, если Россия будет стремиться под это знамя.

Самолюбие Долгорукова доходит до грандиозности. Как ты думаешь, кем он себя считает? Бьюсь об заклад, ты не отгадаешь. Не больше, не меньше, как распорядителем судеб русского трона. Я не шучу и не выдумываю, это — святая истина. По возвращении нашем из Англии мы провели у него вечер. Тут он вполне высказался. «Я должен знать, куда иду, — сказал он, — у меня должна быть цель; я не социалист и, любя Герцена, нахожу, что социализм — утопия, и потому я ничего не нахожу лучшего для России, как конституционную монархию, и потому предлагал трон Константину Николаевичу [3]) через его секретаря». Тот благоразумно уклонился от этого, высказав очень умную мысль, что в конституционной монархии военный деспотизм будет страшен. «Если так, — сказал Долгоруков, — пусть будет первый попавший прапорщик конституционным монархом, я хотел бы работать для К. Н., если бы он изъявил желание дать конституцию для России. Он этого не хочет, и будущие страницы «Будущности» скажут России об этом».

Здесь я прощусь с Долгоруким и перейду к более светлым образам. Мы en trois приехали в Лондон и, узнав, что Герцен в Торкей, за семьдесят верст от Лондона, написали ему письмо, объяснили ему наше желание его видеть. Ответом было очень любезное приглашение приехать к нему, так как он бросить семью и больную m-me Огареву [4]) не смог. Вместе с письмом он прислал через Торжевского [5]) моим спутникам в подарок «Думы и былое» и «Полярную звезду», уведомив в то же время, что Огарев в Лондоне, — если мы желаем его видеть, то дали бы ему знать.

Я с m-me Европеус отправился к Огареву. После двухчасового разговора я полюбил Огарева на всю жизнь. Сколько теплого, умного, благородного в этой личности! Он, видимо, грустит. Он так печально, безнадежно улыбается, когда ему говоришь о возможности возврата на родину. Того

же дня вечером он приехал к нам и то же самое впечатление сделал и на мою спутницу.

На другой день мы помчались в Торкей. На дебаркадере в Торкее нас уже дожидался Герцен. Я его тотчас же узнал по портрету, как узнал в Лондоне лавку Трюбнера [6]) по его бюсту. Три дня, три счастливых дня, провели мы в семействе Герцена; только ночью — в гостинице. Герцен крепкий боле, он не улыбается так грустно, как Огарев. В этом человеке железная воля, пламенная вера. Три вечера прощались мы с Герценом, чтобы на другое утро уехать, и всетаки оставались. Последний вечер я вспомнил тебя, и это воспоминание было так грустно, так грустно, что я — увы, шибко выпил. А жаль, что тебя не было с нами, мы бы оставили наших барынь, а сами втроем еще больше, еще шибче выпили. Последний день погода была так хороша, что Герцен попросил нас остаться и повез нас смотреть окрестности Торкея. Описывать природу я не умею, а потому скажу только, что, объездивши Швейцарию, я не нашел ни одной местности, которая произвела бы на меня более глубокое впечатление, чем Торкей.

Герцен, прощаясь с нами, подарил нам книг и крепко, крепко поцеловал меня. В Лондоне мы пробыли три дня по приезде из Торкея и постоянно были в обществе наших изгнанников. Все они грустны, всем не по себе, всем тяжело. Один Герцен своей энергией поддерживает в них бодрость. Они живут как одна семья и с любовью относятся друг к другу. Среди них есть личность, сумасбродством попавшая в этот круг, личность до того жалкая, что и смеяться над ним как-то больно. Это — Юрий Голицын [7]). Пока я не знал его, то от души хохотал рассказам Герцена о нем. Я езжу к Голицыну, — сказал Герцен, — точно в тяжелое поле, тут все, и камергер, и тамбовская деревня. Он бежал из России в Лондон через Сирию. Какой краткий путь! И, приехавши рекомендоваться Герцену, жаловался на дороговизну дороги. На вопрос Герцена, отчего так дорога, он отвечал, что он вез с собою крокодила, еврея из Галаца, потому что он говорит по русски, но, заметь, не знает по английски, гувернантку, не имея секретаря, никогда ничего не писавши, и капельмейстера, кроме бездны других русских слуг, и камердинера француза, который от него потребовал двойную плату денег на том основании, что он, возя его в своей карете, сажал его с собою за стол, развратил его, приучая к роскоши, и Голицын заплатил. Ссорам с людьми нету числа, и бедный Герцен, выбранный слугами в посредники, должен играть роль мирового посредника в Лондоне. Представь себе весь комизм всего этого рассказанного Герценом. «Я жду одного, — прибавил Герцен, — что акробат Blondin [8]) повезет в тачке по канату тушу Голицына, одетого в кирасирский мундир. Это будут похороны русской аристократии». Blondin это действительно предлагал Голицыну, и этот последний говорил, что он примет это предложение, ежели его финансы будут все так же скверны. Он — большой музыкант; на его концертах масса народу и он бы мог составить состояние, ежели бы русская натура не брала бы верх. Весь сбор идет на букеты и ужины, на долю же голицынского желудка — рукоплескания. Странен он в этом кружке, странен тем более, что хочет быть демократом, но натура берет свое, и он прорывается.

С Огаревым я также дружески простился, он меня обнял, крепко поцеловал, весь кружок вышел нас провожать до кареты; видно было, что мы пришлись им по душе, все жали крепко руку, всем было грустно, все неслись мыслью за нами в Россию. Грустно, Якиша, тяжело, желчь и ненависть во мне более увеличилась.

Кончаю письмо, оно длинно, да и мне тяжело. Пиши о себе, пиши больше, поцелуй братьев, пришли своего «Ромодановского» [9]) и «Отечественные записки» за нынешний год, не франкируя. Вернусь в Россию в конце марта, привезу тебе что-либо, только не Англичанина. Я счастлив, ты это знаешь. Приедем в Петербург, кружок друзей соберется, сомкнется. Пиши ко мне в Лозань poste restante на имя Толмачевой. Напиши, был ли у тебя мой брат Александр и как он тебе понравился. Целую тебя крепко, увидимся — поговорим. Мне очень, очень хотелось бы тебя видеть.

Еще раз прощай. Пиши ради бога; ты знаешь, как мне будет приятно твое письмо.

Если увидишь Михайлова [10]), и подымется разговор о Толмачевой, то скажи ему, что она писала ему письмо в ответ на его письмо и письмо литераторов [11]), но его возвратили из Петербурга обратно в Пермь по случаю его отъезда за границу. Возвращенное письмо она тоже не получила, потому что тоже была уже за границей, теперь его требует, но ей не хотят его прислать, потому что семья ее боится этой переписки, как чумы».

Приведем еще одно из писем, отобранных у Э. В. Европеус. Автором его был Петр Долгоруков, а адресатом — А. И. Европеус.

Париж rue Miromésnil. 4 октября/22 сентября, 1861 г.

Почтеннейший Александр Иванович.

Пользуюсь отъездом супруги вашей, чтобы препроводить к вам это письмо и изъявить вам мое давнишнее глубокое сочувствие. Мы — оба работники по одному и тому же делу, по одной и той же постройке. Рыбак рыбака видит издалека, говорит русская пословица. Искренно желаю войти в сношение с вами, А. М. Унковским [12]) и с А. А. Головачевым [13]), коим прошу также передать изъявление моего глубокого, задушевного сочувствия, и личного и политического.

Не знал я, что супруга ваша едет так скоро, и потому не имею времени лично вам писать. Супруга ваша вам все расскажет, что здесь делается и что здесь готовится (sic! sic! sic!). Нынешний год чреват большими последствиями.

Писать ко мне два пути. Или поручить отъезжающему за границу бросить письмо без подписи заграницею на почте, и тогда можно адресовать на мое имя, в Париж, rue Miromenil, 12, или послать из какого-нибудь города России в двойном пакете без подписи, надписав на верхнем пакете: à Monsieur Guillaumin, Paris, rue Richelieu, 14, а на внутреннем пакете: pour remettre à Monsieur Trostenski или pour remettre à Monsieur d'Argio (это мои два псевдонима), и никогда не франкировать писем. Гильомен — известный книгопродавец, член и кассир французского Общества политической экономии.

Я всегда подписываю свои письма псевдонимом Александра Тростенского.

Еще бы лучше было, когда будете писать ко мне, подписывать свои письма следующими именами:

А. И. Европеус — Николай.
А. М Унковский — Михаил.
А. А. Головачев — Павел.

Я буду знать тогда, от кого мне писано письмо. Все мои корреспонденты в России подписываются в письмах своих ко мне вымышленными и мне одному известными именами. Также, упоминая об А. М. Унковском и А. А. Головачеве в письмах ко мне, называйте их: «Михаил» и «Павел».

Дружески жму руки вам и А. М. Унковскому и А. А. Головачеву.

Искренно вам преданный

Петр Долгоруков.

Допрошенная в III отделении по поводу найденных у нее писем и запрещенных книг Э. В. Европеус показала, что познакомилась с Долгоруковым совершенно случайно и никаких поручений к нему от своего мужа не имела.

«При свидании с ним, — говорит Европеус, — я, помня, что он в одном из своих сочинений отозвался с похвалою о моем муже, Унковском и Головачеве, выразила ему в виде признательности то, что они его уважают, но говорила об этом от себя, не имея на то поручения от мужа».

На вопрос о том, что значат слова Долгорукова в письме к ее мужу: «Супруга ваша вам все расскажет, что здесь делается и что здесь готовится»,— Европеус показала: «Здесь Долгоруков разумел дела Франции и действия Наполеона, которые для многих загадочны и, по мнению некоторых, предвещают войну». Поездку свою к Герцену Европеус объяснила желанием познакомиться с ним вследствие его «громкой известности» и добавила, что по той же самой причине она посетила и «известного английского литератора Джона Стюарта Милля». Из русских эмигрантов, кроме Герцена, видела только Огарева и князя Ю. Голицына.

Дать какие-либо объяснения относительно автора письма к Шишкину Европеус отказалась.

Ее муж, А. И. Европеус, также был допрошен в III отделении. Он подтвердил, что не давал жене никаких поручений к кн. Долгорукову и даже не знал, что она встретится за границей с ним.

Дело Европеус было доложено Александру II, который «высочайше повелел» подвергнуть Э. В. Европеус полицейскому надзору, а за ее мужем, Унковским и Головачевым учредить негласное наблюдение, воспретив им всем отъезд за границу без особого разрешения.

Для Тимермана его письмо к Шишкину не повлекло никаких неприятных последствий. Что же касается Толмачевой, то она, как и Э. В. Европеус, была подвергнута полицейскому надзору. По возвращении из-за границы она порвала с мужем и поступила в книжный магазин Н. А. Серно-Соловьевича в качестве приказчицы. В 1862 г. после знаменитых петербургских пожаров, в которых крепостники и правительство винили революционеров, Толмачева приезжала в Казань и, по сообщению местного жандармского офицера, высказывала сожаление о том, что «публика в Петербурге не понимала полезного значения петербургских пожаров» *).

Стоит отметить, что в связи с делом Э. В. Европеус пострадало еще два лица. Дело в том, что среди служащих Вержболовской таможни нашлось несколько людей, возмутившихся арестом Европеус. Они стали преследовать насмешками задержавшего ее чиновника Турбина. «Особенно замеченные в этом» чиновник Ольшанский был выслан в Варшаву, а писец Раковский предназначен к увольнению от службы **).

Б. Козьмин.

*) М. К. Корбут, Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за сто двадцать пять лет. Казань, 1930 г., т. I, стр. 189.

**) «Красный архив», т. VIII, стр. 211.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Е. Э. Толмачева.

[2]) Известный эмигрант П. В. Долгоруков (1816—1868), издатель журналов «Будущность» (1860—1861), «Правдивый», «Правдолюбивый» (1862) и др. В 1860 г. Долгоруков издал, сперва на французском, а затем на русском языках, книгу «Правда о России», содержавшую в себе как ряд разоблачений, крайне неприятных для русской аристократии, так и чрезвычайно сумбурный проект конституционного устройства России.

[3]) Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, брат Александра II, считавшийся в то время главою либеральной придворной партии и сторонником конституционного правления.

[4]) Огарева, урожденная Тучкова, Наталия Алексеевна (1829—1913), жена Н. П. Огарева, подруга А. И. Герцена.

[5]) Тхоржевский, а не Торжевский, Станислав, поляк, уроженец г. Плоцка, студент Московского университета, в 1845 г. эмигрировал в Познань, где в 1846 г. был арестован за революционную деятельность. Прусское правительство намеревалось выдать Тхоржевского России, но он успел бежать. В 1848 г. Тхоржевский был комиссаром революционной пропаганды в Познани, за что после подавления революции был заочно судим и признан вечным изгнанником. После 1848 г. Тхоржевский поселился в Лондоне, где открыл книжную лавку. Он заведывал издательством Герцена и распространением его изданий.

[6]) Трюбнер — лондонский книгопродавец, торговавший изданиями Герцена.

[7]) Голицын, Юрий Николаевич (1823—1872), композитор. История его своеобразной эмиграции подробно рассказана в X главе 6-й части «Былого и дум» Герцена, и в комментариях к ней М. К. Лемке (см. XIV т. Собрания сочин. Герцена).

[8]) Блонден — знаменитый в то время акробат.

[9]) Статья Шишкина об известном деятеле Петра II Федоре Юрьевиче Ромодановском.

[10]) Михайлов, Михаил Илларионович, о роли которого в истории с Толмачевой сказано выше.

[11]) «Письмо литераторов» к Толмачевой, очевидно, касалось травли, которой она подвергалась со стороны Вейнберга.

[12]) Унковский, Алексей Михайлович (1828—1893), известный либеральный общественный деятель. В 1860 г. Унковский, состоявший тверским губернским предводителем дворянства, был выслан в Вятку за протест против запрещения дворянским собраниям обсуждать крестьянский вопрос.

[13]) Головачев, Алексей Андрианович, публицист и общественный деятель, принимавший участие вместе с Унковским в Тверском комитете по освобождению крестьян.

Ответственная редакция: { **В. Адоратский.** **В. Максаков.** **М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Испанская революция 1873—1874 гг. С предисловием *Е. Адамова* . . . . 3 — 54
К истории разгрома вооруженных сил Колчака. С предисловием *Л. Андреева* 55 — 91
Записки Н. М. Романова. (Окончание.) . . . . . 92 — 111
Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II . . . . 112 — 143

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание. Сообщил *С. Л. Иванов* . . . . 144 — 148
К истории эмиграции 1860-х годов. Сообщил *Б. Козьмин* . . . . . 148 — 154

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 г.

НА ЖУРНАЛ

Центрархива РСФСР

АРХИВНОЕ ДЕЛО

В 1932 ГОДУ ВЫЙДЕТ 4 ВЫПУСКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 4 р. 50 к. на полгода 2 р. 50 к.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО" ставит своей задачей научную разработку, на основе марксистско-ленинской методологии, основных проблем архивной теории и практики и освещение опыта советского архивного строительства в центре и на местах.

Журнал необходим в качестве руководящего пособия всем работникам центральных и местных органов ЦАУ СССР и РСФСР, а также работникам государственных, профессиональных и кооперативных учреждений и организаций. Журнал ставит своей целью привлечение передовых архивистов-ударников и актива архивной молодежи к глубокому изучению архивного дела, к наиболее полному овладению техникой архивных процессов, к преодолению нашей технической отсталости. Журнал должен стать для архивистов научно-технической энциклопедией, восполняющей недочеты их архивно-технической учебы и практики. В программу журнала, помимо научной проработки актуальных проблем текущего архивного строительства, входит всестороннее освещение положения архивного дела в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях, методическая разработка вопросов архивной техники и рационализации производственных процессов, освещение деятельности Центрархивов союзных республик и состояния архивного дела за границей, вопросов архивного образования и общественно-профессиональной жизни архивных работников. В журнале широко поставлен отдел о работе местных органов ЦАУ, а также отдел библиографии (обзор новых документальных публикаций и отзывы о книгах по архивоведению).

Подписка принимается: Москва, Центр, ул. 25 Октября, Центральное архивное управление РСФСР.

Редакционно-издательский отдел.

Тел. редакции 3-72-91.

Цена 2 р. 50 к.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД
НА ЖУРНАЛ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР
ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й
6 КНИГ В ГОД
(Отв. редакция: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, М. Н. Покровский)

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции, истории фабрик и заводов и гражданской войны.

Особенное внимание в 1932 г. будет посвящено опубликованию материалов по истории Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ЕГО УПОЛНОМОЧЕННЫМИ И ВСЮДУ НА ПОЧТЕ

Центральная книжная палата Книготорга